

МАКС
МАХ

МАСТЕР ВОЙНЫ

МАЭСТРО КАРЛ
МАСТЕР ВОЙНЫ
ХОЗЯЙКА СУДЬБА

БФ-коллекция

Макс Мах

**Мастер войны : Маэстро Карл.
Мастер войны. Хозяйка Судьба**

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Мах М.

Мастер войны : Маэстро Карл. Мастер войны. Хозяйка Судьба /
М. Мах — «Издательство АСТ», 2019 — (БФ-коллекция)

ISBN 978-5-17-118494-0

Все, что Карл делал в жизни, он делал по-настоящему или не делал вовсе. Карл никогда не изображал любовника, он всегда любил женщин, которые любили его. И живописью он не «занимался», как иные, пусть даже и более одаренные, чем он, художники. Живописью Карл жил. И на войне он тоже был самим собой и только самим собой — мастером войны, а война, маленькая она или большая, всегда являлась для него одним и тем же — жестоким противостоянием, в котором ты можешь либо победить, либо умереть. Приняв много лет назад свой первый бой на стенах осажденного города, он уже никогда не прекращал сражаться. Его душа тянулась к красоте, но жизнью Карла стала не живопись, а война. Она меняла облик и названия, но всегда оставалась сама собой — войной, и то же самое можно сказать о нем самом. За долгие годы Карл успел побывать и солдатом, и военачальником. Он менял врагов и сюзеренов, переходил из страны в страну, из языка в язык, но суть оставалась неизменной, он был человеком войны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-118494-0

© Мах М., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Маэстро Карл	5
Пролог	6
Часть I	7
Глава первая	7
Глава вторая	26
Глава третья	42
Глава четвертая	59
Глава пятая	73
Глава шестая	84
Глава седьмая	107
Часть II	124
Глава первая	124
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Макс Мах

Мастер войны: Маэстро Карл. Мастер войны. Хозяйка Судьба

Маэстро Карл

*Р.С.Л. – любимой женщине, замечательному математику,
организатору всех наших побед*

Обращение к читателям

Автор убедительно просит уважаемых читателей отнестись с пониманием к вольному использованию им, то есть автором, имен собственных и географических названий. Никакого подтекста в этом не кроется, а объясняется нежеланием множить сущности и обременять читателя необходимостью запоминать неологизмы и бессмысленные сочетания букв. Кроме того, автор напоминает, что данный текст есть сказка для взрослых, фантастическое повествование, но никак не исторический роман. Поэтому анахронизмы и якобы неточности в описании средневекового быта, одежды и оружия таковыми на самом деле не являются, точно так же, как известная мера идеализации описываемого мира – всего лишь жанровый прием.

Я Карл Ругер. Моя жизнь – дорога. Дорога, у которой нет начала и не будет конца. Я не знаю, как оказался в этом мире, но, вероятно, у этого события, как и у любого другого, есть причины и обстоятельства. Ни первые, ни вторые мне неизвестны, но и это, скорее всего, не просто так. А дорога... Что ж, дорога хороша уже тем, что не утомляет мой разум и мои чувства однообразием. Я иду – и, как знать, не откроет ли мое будущее тайну моего прошлого? Но одно я знаю наверняка. Никто – ни боги, ни люди – не способны положить предел моему пути. Лишь одна Хозяйка Судьба, великая и непостижимая властительница всего сущего, внятно говорящая со мной языком моего собственного сердца, лишь она одна вправе и в сила сказать мне однажды: остановись! Вот это и будет конец моей дороги. Но я чувствую, что мгновение это наступит нескоро, и, значит, мой путь устремлен в бесконечность.

Я, Карл Ругер, Боец...

Пролог

Волки пришли глухой ночью. Карл проснулся и сел у костра. Впрочем, живой огонь, который так весело танцевал джигу вечером, уже угас, только кое-где еще пробивалось сквозь золу подернутое пепельной пеленой малиновое свечение. Такой костер ночных охотников отпугнуть не мог. Волки вышли на поляну, прямо под льющийся сверху лунный свет, и застыли, рассматривая сидящего человека.

«Боишься?» – спросили глаза вожака.

«А должен?» – усмехнулся в ответ Карл.

«Обязан!» – оскалился волк и, повернувшись, пошел обратно в плотный мрак, сгустившийся среди спящих деревьев.

За ним поспешили остальные. Секунда, другая – и стая растворилась в ночи, как будто и не было этого странного визита. И снова ночной лес, лунное серебро, заливающее широкую поляну, и тишина.

Карл посмотрел вслед волкам, потом поднялся – раз уж разбудили – и подбросил в потухший костер сухой валежник. Нагнулся, подул на рдеющие угли и увидел, как робко поднялся над ними огонь, как осторожно лизнули тоненькие язычки пламени сухую кору. Треснула веточка, пробежала желто-красная змейка, и пламя ожило, взметнулось, пожирая брошенные щедрой рукой ветки.

Часть I Художник

Глава первая Фестиваль

1

Беда случилась в этих краях давно. Больше ста лет прошло с тех пор, как Большое чумное поветрие едва ли не насмерть выкосило в Илеме население городов и больших деревень. Дело давнее, но память людская – долгая. И приморская дорога так доныне и звалась – Чумной тракт. Вот по Чумному тракту и шел Карл навстречу солнцу.

День выдался чудесный. Весна в этом году началась рано, и теперь, в середине апреля, реки и ручьи, сбегавшие с гор к морю, весело шумели талой водой. Горы были зелены. Цвели прибрежные сады, и в зеленых рощах перекликались птицы. А прогретый солнцем воздух был свеж и напоен запахом моря и ароматами весенних трав. Карл шел не торопясь, радуясь нежаркому солнцу и мягкости красок просторного мира, через который лежал его путь. Не было причин торопить время, и не было у Карла цели, которая заставила бы его ускорить шаг.

К удивлению Карла, дорога была почти пустынная. С утра он миновал уже несколько деревень и хуторов, и, по его расчетам, Семь Островов были уже недалеко. Но немногочисленные прохожие и проезжие, встреченные за много часов пути, двигались ему навстречу, а вот попутчиков у Карла не было вовсе, лишь далеко впереди то показывался, то исчезал за очередным поворотом дороги задок небольшого фургона. Фургон этот, крытый выцветшим под солнцем и дождями грубым полотном, появился на дороге ближе к полудню, неторопливо догнал, а затем и обогнал Карла и теперь пылил впереди. За то время, что повозка ехала рядом с ним, Карл успел рассмотреть одетого по-деревенски старика возницу и молодую женщину, вернее девушку, в хорошем дорожном платье, сидевшую рядом с ним. Девушка обращала на себя внимание красотой и выражением отчаянной решимости, написанным на ее прелестном лице, но вскоре золото ее волос скрылось вдали, и теперь разглядеть какие-нибудь детали было уже невозможно.

На праздник не похоже, на войну – тоже, подумал Карл, огибая скалу, за которой дорога, судя по всему, делала поворот. Что же тогда?

За скалой тракт действительно сначала поворачивал к югу, а затем начинал спускаться к морю. Место было высокое, и поворот открыл Карлу чарующий вид на море и побережье. Солнце уже было за его спиной и начинало клониться к закату, но светило все еще достаточно ярко, чтобы рассмотреть открывшуюся картину во всех деталях. В нескольких лигах впереди, там, где Чумной тракт ближе всего подходил к морскому берегу, начинался длинный мыс («Долгий мыс», – вспомнилось Карлу), а от окончания мыса отплывала в темнеющие вечерние воды маленькая флотилия островов. Семь островов. Так город и назывался: Семь Островов. Деревни и фермы, располагавшиеся на пологом склоне горы, принадлежали королевству Илим, но уже Долгий мыс являлся собственностью города, о чем недвусмысленно свидетельствовала высокая крепостная стена, перечеркивавшая узкий перешеек. От Чумного тракта к мысу вела дорога, на которую как раз съезжал давешний фургон. Дорога эта проходила затем сквозь привратную башню, высоко поднявшуюся над крепостной стеной и окрестностями, и вела дальше по неширокому мысу, через длинную дамбу, укрепленную тремя башнями, к городской стене

Первой Сестры – первого из семи островов, на которых и был построен богатейший город северного побережья. За этой, второй, стеной начинался собственно город, видны были высокие каменные дома под черепичными крышами, многочисленные шпили и цветные купола, башни и дворцы. С того места, где стоял сейчас Карл, можно было увидеть еще одну дамбу, ту, что протянулась от Первой Сестры ко Второй, виден был и Ближний порт на западной оконечности третьего острова, но все остальное воспринималось лишь как великолепное целое. Детали скрадывало расстояние.

Трудно было оторвать взгляд от панорамы города и моря, зеленых куп деревьев, росших вдоль тракта, скалистого морского берега, видневшихся вдаль рыбацких деревень, от всего этого великолепия, созданного богами и людьми, природой и временем. И Карл, который не любил нарушать гармонию желаемого и возможного, несколько минут оставался на месте, отдавшись созерцанию, раскрыв глаза и сердце магическому очарованию места и времени. Тем не менее, он находился в пути. Дорога звала его, потому что в противном случае ему пришлось бы заночевать под открытым небом. Такая перспектива его не пугала, но сегодня он хотел спать в городе. Поэтому, бросив еще один взгляд на город, он повернулся и пошел туда, куда вел его Чумной тракт. По всем расчетам, он должен был успеть достигнуть городских ворот до их закрытия. Времени, если не стоять на месте, было еще достаточно, и шага он не ускорил.

Грохот копыт застал Карла в самом начале спуска. Он отошел к краю дороги и оглянулся. Его нагоняла маленькая кавалькада всадников. Лошади у них были просто великолепны, и одеты всадники были настолько вызывающе роскошно, что их принадлежность к высшей знати – королевской или городской – не вызывала сомнений. Однако на Карла все это великолепие особого впечатления не произвело. Мир велик и щедр, в нем есть истинные чудеса и настоящие диковины – так стоит ли тратить силы души на обычные роскошь и богатство? Тем не менее, Карл счел необходимым поклониться женщине, возглавлявшей кавалькаду. Это был поклон вежливости, и ничего более. Точно таким же поклоном несколько часов назад Карл приветствовал и красавицу, ехавшую в сторону Семи Островов в простой крестьянской повозке.

Он поклонился, и его поклон был замечен. Неожиданно и необъяснимо, во всяком случае для него самого, Карл привлек к себе внимание кавалерственной дамы, скакавшей на вороном коне. Она придержала своего высокого жеребца, чуть повернула голову и пристально посмотрела на Карла. Он спокойно встретил взгляд ее больших темных глаз и чуть улыбнулся. Он всегда так улыбался женщинам – в особенности, если они были молоды и красивы. А эта женщина была и молода, и изысканно красива, хотя надо признать, что тонкие черты ее лица прежде всего вызвали впечатление непреклонной воли и даже суровости и лишь затем, как о чем-то необязательном, упоминали о красоте. Кожа у женщины была мраморно-белая, но волосы и глаза – черные. Контраст усиливал впечатление, но одновременно вселял в сердце смутное беспредметное беспокойство.

Секунду они смотрели друг на друга, но затем, потеряв, по-видимому, интерес к одиночному путнику, женщина отвернулась, прищипорила коня и умчалась вперед, увлекая за собой и остальных всадников, наверняка составлявших ее свиту. Карл проводил их долгим взглядом и пошел дальше. Однако минут через пять он получил от неизвестной всадницы крайне странное послание, о форме и содержании которого еще предстояло подумать. В дорожной пыли, прямо посередине тракта лежал кожаный кошель. Карл подошел и поднял его с земли. Вещица была сшита из тисненой кожи, окрашенной в темно-синий цвет, и украшена золотой саламандрой. Внутри лежало пятнадцать королевских марок.

На случайное совпадение было не похоже, хотя полностью исключать вероятность того, что кошель просто сорвался на скаку с пояса одного из кавалеров, сопровождавших властную красавицу, было бы неправильно. И все-таки Карл чувствовал, что это именно послание. От нее к нему. О чем? Время покажет. Он положил кошель во внутренний карман своего кожаного камзола и продолжил путь. Начинало смеркаться, хотя в этих широтах до полной темноты

было еще далеко. С приближением вечера подул прохладный морской бриз, и Карл плотнее запахнул плащ. Тепло дня уступало место прохладе вечера, ночь обещала быть по-настоящему холодной, но до ночи он предполагал оказаться внутри городских стен. В гостинице или на постоялом дворе – словом, непременно под крышей и с живым огнем, поселившимся в очаге.

Через полчаса Карл был уже внизу. Здесь от Чумного тракта, уходившего дальше на восток, к Ско и Стамну, отделялась дорога в Семь Островов, сворачивавшая на север. За небольшой рощицей, которую прорезала эта дорога, видны были высокая круглая башня из серого камня и верхний край зубчатой крепостной стены. Прежде чем продолжить свой путь, Карл остановился на секунду и посмотрел вдоль тракта. Дорога была пустынна, только вдали, в сгущающихся сумерках, растворялся уезжающий прочь знакомый фургон. Посмотрев ему вслед, Карл кивнул своим мыслям и свернул к городу. И снова, как это случилось с ним часом раньше, за его спиной застучали копыта лошадей. Он оглянулся через плечо и разглядел в наступивших сумерках группу всадников, быстрой рысью спускавшихся по тракту. Пройдя еще несколько шагов вперед, Карл, как и прежде, отошел на обочину и повернулся к верховым. Их было человек восемь. Все, как на подбор, горделивые кавалеры, однако возглавляла кавалькаду снова всадница. Как и первая, она была черноволоса и бела кожей, и, хотя сумерки мешали рассмотреть ее лучше, Карлу показалось, что она тоже красавица, но только значительно моложе той, первой, возможно даже, что эта женщина была совсем юной.

Третья красавица, отметил он, склоняя голову в вежливом поклоне. Или люди все врут, говоря о магии чисел?

И вновь, как если бы всадница задумала подражать своей предшественнице, девушка задержала коня, всматриваясь в Карла. Их глаза встретились, секунда – и вот она уже уносится прочь, не сказав ни слова и никак не объяснив своего интереса.

Любопытно, что я найду на дороге на этот раз? – усмехнувшись мысленно, спросил себя Карл и отправился вслед за верховыми. – И найду ли что-нибудь вообще?

Он ничего не нашел, хотя внимательно смотрел себе под ноги, не забывая, впрочем, поглядывать и на удаляющихся всадников. У ворот они остановились на минуту или две, и, хотя видно было уже совсем плохо, Карл все-таки разглядел, что, склонившись с коня, женщина о чем-то разговаривает с вышедшим ей навстречу офицером. Когда же и он дошел наконец до ворот, всадников и след простыл, но вот офицер по-прежнему стоял на том же самом месте и смотрел на приближающегося к нему Карла, как будто дожидаясь, пока тот доберется до ворот. В руках у стражников, стоявших за спиной лейтенанта, горели факелы. В их свете офицер внимательно осмотрел Карла и спросил:

– Кто ты, откуда и зачем пришел в Сдом?

– Сдом? – переспросил Карл. – Я полагал, что ваш город называется Семь Островов.

– Да, – кивнул офицер. – Так его называют в большом мире. Но мы зовем его Сдомом. Ты не ответил на мои вопросы, прохожий.

– Меня зовут Карл Ругер, – ответил Карл. – Я пришел из Пари и хочу пожить в вашем городе, офицер.

– Проходи, Карл Ругер. – Офицер сделал широкий приглашающий жест рукой. – Ворота еще открыты.

Карл поклонился офицеру и вошел под своды башни. За его спиной раздался тяжелый долгий скрип, и, оглянувшись, он увидел, что стражники закрывают ворота.

– Иди, иди, Карл, – помахал ему рукой офицер. – Поторопись, Мостовые ворота закроются ровно через час.

Карл ускорил шаги. Смеркалось, и свежесть вечера быстро сменялась сырым холодом ночи. Слева и справа от Карла, быстро идущего по пустынной, погруженной в сумрак дороге, виднелись плотные группы деревьев. Среди темных стволов тут и там прятались одинокие

строения, в окнах некоторых из домов горел свет. На востоке через кроны деревьев уже просачивалось лунное серебро, там вставала Че.

Карл шел один. Не было ни встречных, ни попутчиков. Тишину нарушали лишь редкие вскрики птиц да тихое шуршание мелкого зверья в придорожных кустах. Одиночество не утомляло Карла, но недоумение его росло. А время уходило, и это заставляло его спешить. Казалось, наступающая ночь съедает вместе со светом дня и его усилия, стремясь задержать, помешать, захватить. Спор со временем и расстоянием начинал увлекать его, погружая в состояние бездумной гонки за неведомым призом.

«Гон! – сказал он себе. – Это гон, но я не загнанный зверь».

Усилием воли, Карл заставил себя идти медленнее и дышать глубоко и размеренно. Скрип гравия под ногами успокаивал сердце. Прохладный ветерок овеивал лицо. До Мостовой башни Карл добрался вовремя.

Стуча подкованными сапогами по деревянному настилу, он прошел по подъемному мосту к зеву ворот, освещенных огнем факелов, вошел под арку, миновал темный каменный тоннель, похожий на штольню рудокопов, и вышел на дамбу. За его спиной глухо зазвенели массивные цепи подъемного механизма. А перед ним снова лежала дорога.

Карл посмотрел вперед. Здесь было значительно светлее, возможно, из-за того, что слабо светилось, фосфоресцируя, само море, и еще потому, что поднявшаяся над горизонтом Че в третьей четверти освещала сбоку город и дамбу своим призрачным светом. Дамба, прямая как стрела, уходила вперед к массивной и приземистой круглой башне – Балансиру, как принято было ее называть, имея в виду то, что два отрезка дамбы по обеим ее сторонам были похожи на коромысла весов. Быстрым шагом Карл прошел двести метров до башни и обнаружил, что ворота открыты. По-видимому, в мирное время Балансир на ночь не запирался. Пройдя его насквозь, Карл вышел на последний участок дороги. Теперь перед ним во всем своем грозном великолепии открылась городская стена, замкнутая еще одной, третьей, на этот раз восьмигранной башней. Укрепления города производили впечатление. Однако кроме всего прочего они намекали на то, что даже колдунам Семи Островов был ведом страх.

«Интересно, кого же они опасаются?» – спросил себя Карл, проходя мимо молчаливых стражников в город.

Он был последним, кто вошел в город этим днем. Тяжелые, окованные железом ворота начали закрываться, едва он их миновал.

2

Пройдя сквозь арку ворот, Карл оказался на мощенной булыжником площади. Здесь бледный свет луны не столько прогонял тьму наступившей ночи, сколько разбавлял ее, превращая в посеребренный сумрак. Все-таки Карл смог рассмотреть и изящный фонтан, служивший, по всей видимости, не только украшением, и высокие дома, плотно обступившие площадь с трех сторон. Кое-где за мутными, бельмастыми окнами угадывались слабые огоньки свечей и масляных ламп. Впрочем, на двух домах, выходящих на площадь широкими фасадами, рядом с дверями висели фонари, горевшие слишком ярко для обычных масляных ламп. Что это было такое, Карл не знал, но, если верить вывескам, оба дома являлись гостиницами.

Справа от него темнел зев узкого переулка, идущего параллельно крепостной стене. Еще две улицы, уходившие куда-то в глубину города, начинались прямо напротив надвратной башни. Площадь была пуста, и спросить было некого, но Карл и вообще-то привык во всем полагаться на себя самого, а в данном случае – на свои ощущения. Он подошел к фонтану и огляделся. Постоялый двор справа от него назывался незамысловато, но со смыслом – «Путник, отдохни». Название Карлу понравилось, к тому же гостиница находилась справа.

Значит, «Путник», – решил он и уже через минуту, толкнув тяжелую дубовую дверь, оказался в общем зале постоялого двора.

Чутье его не обмануло – впрочем, как знать, быть может, и все остальные гостиницы в Семи Островах были такими же опрятными и уютными? Стены общего зала были оштукатурены, пол засыпан свежими опилками, высокий потолок лежал на мощных поперечных балках, с которых свисали пучки сухих трав и связки чеснока и лука. Горели масляные лампы, и пылали дрова в двух больших каминах. В дальней части зала на небольшом возвышении сидел старик музыкант и тихо наигрывал какой-то бесхитростный мотив на чембало. Тихие трогательные звуки плыли по полупустому залу, смешиваясь со звуками человеческой речи, с волнами тепла, идущими от каминов, и запахами кухни, которые не раздражали, но возбуждали аппетит. За длинными столами сидели в основном местные жители, но были здесь и постояльцы гостиницы. В чем тут было дело, чем они так уж отличались от зашедших посидеть за пивом горожан, сразу и не скажешь, но Карл без труда выделил их взглядом, не без удивления обнаружив среди постояльцев именно этой гостиницы и давешнюю девушку из фургона.

Значит, это был не ее фургон, подумал Карл. Он подошел к столу, сбросил дорожный мешок прямо на пол и сел напротив незнакомки.

– Доброй ночи, сударыня, – поклонился он девушке. – Сегодня днем вы обогнали меня на Чумном тракте. Рад видеть вас в здравии и благополучии. Меня зовут Карл Ругер. К вашим услугам.

Девушка вскинула на Карла большие голубые глаза. Она явно была удивлена и, пожалуй, даже возмущена его обращением. Подобного рода условности характерны для многих мест и стран, но...

– Если я вас оскорбил, сударыня, прошу меня великодушно простить. Но я полагаю, что многие условности теряют на чужбине свою силу. Кто же может вам меня здесь представить? Ведь мы оба чужие в чужом городе.

Он улыбнулся.

Девушка молчала. Возможно, она обдумывала его слова.

– Меня зовут Дебора, – сказала она наконец. – Вы могли опоздать, Карл.

– Я никогда никуда не опаздываю, – усмехнулся он. – Это принцип. Вы знаете, что такое принцип?

Он смотрел ей прямо в глаза. У нее были дивные глаза, глаза небесно-голубого цвета, но в них жили старая обида и горечь потерь.

– Я знаю, что такое принцип, – мягко улыбнулась она, возвращаясь к еде. – Я только не знаю, осуществим ли ваш принцип в вещном мире.

«А ты, оказывается, получила недурное образование, Дебора. Интересно где?»

– Дело в том, Дебора, что я никогда и никуда не спешу. Ну почти никогда, – признал он, вспомнив дорогу по Долгому мысу, – особенно если меня не торопят.

– Прошу прощения, сударыня.

Карл встал, снял плащ – оказалось, что в гостинице тепло, – и бросил его на скамью рядом. Затем отстегнул от пояса узкий меч, из тех, что в Загорье зовут шпагами, и положил поверх плаща. Потом он снова сел и хотел уже продолжить разговор, но его отвлекла подошедшая служанка, спросившая, что гость будет есть и пить. Ответ был растворен в воздухе, напоенном ароматами кухни.

– Хаш, – ответил Карл не задумываясь. – Тушеная фасоль, лепешки и крепкое красное вино.

Он с удовольствием наблюдал, как ест Дебора. Она ела аккуратно, не быстро, но и не медленно. Однако дело было в другом. Его взгляд притягивали губы Деборы. Полные, но изящно очерченные, они двигались мягко и плавно, с той естественной природной грацией, которая

сродни мировой гармонии, но которая также затрагивает в кавалере те струны мужественности, играть на которых дано лишь природе и женщинам. Карл смотрел.

– Откуда вы, Карл? – Голос у Деборы был под стать ее губам, под стать всему ее облику воплощенной женственности. Он был грудным, сильным и чистым, прозрачным.

– Вы имеете в виду мою родину? – переспросил Карл. – Из Линда. А почему вы спрашиваете?

– В Загорье не принято смотреть на то, как ест другой человек.

– В Приморье тоже, – усмехнулся Карл. – Но я смотрю на ваши губы, а это совсем другое.

Дебора вскинула на него удивленный взгляд. Прозрачная голубизна сгустилась, чуть потемнела, напомнив Карлу синеву предвечернего неба, и он увидел, как стремительно краснеет ее тонкая белая кожа на высоких скулах.

Ну вот, ты и снова удивилась, красавица. Что поделаешь, это у меня такой дар – удивлять.

– Вы...

– Я был несдержан, сударыня, – Карл склонил голову и посмотрел на пустой стол перед собой. – Тысяча извинений!

– Вы... вы напугали меня, но... Вероятно, люди вашей профессии не могут иначе. Ведь отвага родная сестра прямолинейности, не так ли?

А теперь, если я не ошибаюсь, она цитирует Льва из Сагеры.

– И какова же, по-вашему, моя профессия?

Карл увидел служанку, спешащую к нему с большим деревянным подносом.

– Разве вы не солдат? – спросила Дебора. – Я подумала, что вы хотите наняться в дружину князя или в гвардию одной из Семей. Так вы пришли на Фестиваль?

Ее глаза внимательно изучали его лицо.

«Ну вот, а теперь уже невежливы вы, сударыня, – мысленно усмехнулся Карл. – Разве может добропорядочная девушка так открыто смотреть на мужчину?»

– Что такое Фестиваль? – спросил он. Слово было ему знакомо, но он не заметил, чтобы город готовился к празднику. – Здесь будет карнавал?

– Вы что же, не знаете? – В ее голосе прорезались нотки уже не удивления, а самого настоящего... испуга? Пожалуй, что так. Но самое интересное, что нечто, подобное страху, заставило напрячься при его словах и служанку, как раз выставившую перед Карлом миски с едой и кувшин с вином.

– И о чем же я не знаю?

– О Фестивале, – тихо сказала Дебора и опустила глаза. – Вам... вам должны были сказать об этом еще при входе в город.

«Вот как? Любопытно. О чем же забыл мне сказать тот лейтенант?»

– Итак, – сказал он вслух. – Что же это такое, ваш Фестиваль?

Дебора, очевидно, справилась со своим волнением, но в ее взгляде читалось теперь искреннее участие.

– Раз в году... – Она говорила внешне спокойно, но Карл чувствовал, что за произносимыми девушкой словами скрывается нечто очень серьезное, с ним, Карлом, однако, напрямую не связанное. Несомненно, имелось здесь что-то другое, очень личное, важное именно для самой Деборы. – Раз в году Шесть Семей объявляют Фестиваль. Это единственная возможность постороннему войти в Семью. Все, кто пришел в город в этот день, смогут принять участие в испытаниях. Прошедший испытание будет принят одной из Семей. Остальные могут попробовать наняться в дружину князя или стать гвардейцами – Семьи охотно берут на службу опытных бойцов, – но тот из чужаков, кто до следующей полуночи останется не при деле, будет обращен в рабство. Таков закон. А вы... Быть может, если вы не зря носите меч, вы все-таки смогли бы...

– Не расстраивайтесь, Дебора, – успокаивающе улыбнулся Карл. – Все как-нибудь устроится. До следующей полуночи еще так много времени!

Он налил себе вина, сделал глоток и спросил:

– А вы? В какую Семью хотите попасть вы?

– В любую, – тихим и каким-то неожиданно безжизненным голосом ответила Дебора. – Спокойной ночи!

Она встала из-за стола и ушла не оборачиваясь.

Какие ужасные тайны скрывает твое сердце, девушка? – Он проводил ее взглядом до крутой лестницы наверх и принялся за еду.

3

Утро оказалось таким же солнечным, как и накануне. День обещал быть теплым и ясным. Карл проснулся, что называется, с петухами, хотя петухов в Семи Островах, к его удивлению, не оказалось. Зато, когда он открыл маленькое затянутое промасленной бумагой окно своей комнаты, вместе со свежестью и запахами печного дыма и моря легкий ветерок донес до него крики чаек. Карл постоял с минуту, подставляя лицо прохладному и влажному морскому ветру и рассматривая дома напротив. По его разумению, заглянуть к нему в комнату, спрятавшуюся под крышей, на третьем этаже гостиницы, было неоткуда. Поэтому, не одеваясь, он встал рядом с узкой кроватью, на единственном свободном пятчке своего временного жилья, и полчаса изнурял тело упражнениями, которые уже успели стать для него такой же рутинной, как способность дышать или необходимость посещать иногда отхожее место. Конечно, места в крошечной комнате было мало, к тому же он был в пути, поэтому Карл сократил список упражнений, с сожалением выбросив из него самые сложные, требующие времени и свободного пространства, но зато приносящие необыкновенную телесную радость. Затем он обтерся холодной водой из кувшина, воспользовавшись чистой тряпицей, которую всегда имел в дорожном мешке на такой именно случай, побрился тонким и острым ножом с костяной резной рукояткой, оделся и принялся за меч. Это была одна из тех вещей, которым научил его отец. Меч или кинжал, лук или арбалет – одним словом, оружие, которое ты считаешь своим, – требуют ухода и вправе его ожидать наравне с твоим собственным телом, заботиться о котором ты должен, чтобы жить.

Оплетка рукояти была в полном порядке, витой эфес тоже, но клинок, хотя он и выглядел хорошо, требовал полировки. В сыром морском воздухе даже такая отличная сталь, как та, из которой выковали его меч, могла пострадать. Предусмотрительный человек обязан это учитывать, и на недолгие двадцать минут Карл предался монотонному и потому утомительному, но такому необходимому делу – он полировал клинок. Работой своей он остался доволен, лезвием можно было побриться не хуже, чем его любимым ножом, и острие меча было именно острием, а не его подобием. Выглядел клинок тоже отлично. Закончив с этим неотложным делом, Карл аккуратно сложил в кожаный мешочек точильный камень, которым так и не воспользовался, тряпочки и обрезки замши, плотно закурил и убрал глиняный кувшинчик с гвоздичным маслом. Масла осталось совсем немного, и Карл решил, что первым делом поищет аптеку, а потом уже пойдет осматривать город, в котором определено было на что посмотреть.

Он спустился в общий зал, оказавшийся в этот ранний час совершенно пустым, и, найдя служанку, получил миску овсяной каши, пару холодных яиц, испеченных еще накануне, кусок жесткого овечьего сыра, свежую лепешку и пиво. Каша была горячей и густой, лепешку хоть и испекли из ржаной муки грубого помола, но зато буквально полчаса назад, а пиво, светлое и крепкое, было просто великолепным, так что завтрак вышел на славу. Карл с сожалением допил пиво, отдал появившемуся наконец хозяину деньги за еду и кров, неспешно раскурил трубку и, так же не торопясь, вышел из гостиницы.

Он не ошибся накануне. Фонтан на площади был действительно изысканно красив и на самом деле не только украшал, но и служил. Около сложного сооружения из темно-красного камня, чугунного литья и кованой бронзы топталось человек десять горожан обоего пола, набравших в деревянные ведра воду, льющуюся из толстого бронзового крана, выполненного в виде слоновьего хобота. Подойдя к ним, Карл спросил, как ему найти аптекарскую лавку, если таковая конечно же в городе имеется. В ответе он, в принципе, не сомневался, но вежливость – прежде всего, особенно в чужом городе.

Горожане смотрели на него с интересом, но и только, а на его вопросы отвечали обстоятельно, не чинясь и не путая чужеземца. Выяснилось, что в Семи Островах есть аптекарская лавка, и не одна, но что большинство аптекарей живут на Третьей Сестре. Однако аптечная лавка имела все же и здесь, на Первой Сестре – недалеко от рыбного порта, и найти ее было несложно, если все время идти на восток, а потом, когда станет виден маяк, ориентируясь уже на него, потому что дом старого Медведя стоит как раз рядом с маяком. Поблагодарив немолодую женщину и паренька лет двенадцати, которые дали ему столь исчерпывающие разъяснения, Карл отправился в путь.

Улицы города приятно удивили его своей шириной и чистотой. Высокие, в три и даже четыре этажа, каменные дома стояли по обеим сторонам мощенных булыжником улиц плечом к плечу, но время от времени они расступались, оставляя место то для маленькой площади, то для такого же небольшого сквера. Впрочем, встретила же ему и одна большая площадь, раскинувшаяся перед ступенями храма Единому, и большой парк, окружавший роскошный дворец – вернее, городской замок, – неожиданно открылся взору Карла слева по ходу движения, как раз в тот момент, когда он уже увидел маяк. Карл постоял с минуту, рассматривая замок, который, судя по размерам и изысканной архитектуре, принадлежал одной из Семей, и пошел дальше. Он заметил также, что если на небольших боковых улицах – что здесь, что в Загорье – шумели грязным стоком привычные глазу и носу любого горожанина сливные канавы, то на больших центральных улицах ничего подобного не было. Это могло означать только одно: в Семи Островах была построена канализация вроде той, какую описывал в своей книге о правильном градоустройстве Александр Нобель. В любом случае именно это, а не дворцы и храмы, являлось самым большим чудом.

Очередная улица, на которой ему встретились стоящие стена к стене крошечный храм Морской Девы и древнее по виду капище Живущих в Ночи, вывела Карла к маяку и рыбному порту. Маяк – высокая, в пять сужающихся ярусов, башня из серого, потемневшего от времени и влаги, известняка – возвышался над рыбным портом, оказавшимся всего лишь небольшой гаванью между двумя укрепленными стенами и башнями волнорезов. У деревянных причалов покачивались рыбацьи лодки, а на дощатых столах, расставленных длинной неровной линией вдоль одетой в камень оконечности острова, в больших плоских корзинах и прямо на оструганных досках был выставлен ночной и утренний улов. У столов толпились женщины, продающие и покупающие, воздух был пропитан запахом свежей рыбы, перебиваемым запахами рыбы жареной и копченой – чуть дальше, вблизи основания второго волнолома, дымили коптильни и выпускали сытные ароматы большие жаровни. И гул, порождаемый множеством громко говорящих, спорящих, торгующихся и ссорящихся людей, плыл над рыбным рынком вместе с клубами дыма, запахами и криками чаек.

Карл втянул носом витающие над рынком ароматы и невольно пожалел, что так плотно позавтракал. Но, так или иначе, жареного тунца приходилось отложить на более позднее время.

Он огляделся и, как и говорили ему люди у фонтана, сразу увидел аптеку. Лавка размещалась в первом этаже углового дома на следующей выходящей к причалу улице. Над входом в лавку аптекаря слабый ветерок с моря покачивал связку каких-то трав, так что ошибиться было трудно. Пройдя вдоль рынка, Карл подошел к дому и толкнул дверь. Внутри было темновато, свет проходил через маленькое оконце, забранное слюдяными пластинками в густом

свинцовом переплете, да в углу, на рабочем столе аптекаря, горели восковые свечи в бронзовых подсвечниках. Там, в относительно хорошо освещенном углу, и сидел, сгорбившись над крохотными весами, хозяин. Он действительно походил на медведя – и своими размерами, и цветом клочковатых черно-бурых волос. Аптекарь обернулся на скрип двери и секунду смотрел на вошедшего в лавку Карла. Затем он быстро встал – это оказалось неожиданным, что человек его габаритов способен так быстро двигаться, – и склонил голову в поклоне, какой обычно предназначается только старшим по возрасту или положению.

– Я к вашим услугам, господин, – сказал аптекарь низким звучным голосом. – Это большая честь, что вы изволили меня посетить. Да, очень большая честь. Я польщен, господин.

Карл с интересом рассматривал стоявшего перед ним человека, гадая о том, что на самом деле тот имеет в виду, говоря все эти странные слова.

– Я весь к вашим услугам, господин, – аптекарь склонил свою огромную голову еще ниже.

Молчать было глупо, а отвечать нечего, разве что спросить о том, за чем он, собственно, сюда и пришел.

Карл обвел взглядом полки, уставленные глиняными и каменными кувшинами и горшками, стеклянными склянками и деревянными ящичками, и вежливо сказал:

– Доброго вам дня, хозяин. Я чужеземец и не знаю ваших обычаев, но сюда меня привела нужда. Мне потребовалось гвоздичное масло, и я подумал, что найти его легче всего у вас. Я не ошибся?

– Разумеется, нет, мой добрый господин, – улыбнулся поднявший наконец голову аптекарь. – Все виды масел, любые травы и минералы, равно как и лекарственные средства... У меня есть все!

– Все мне не надо, – усмехнулся Карл. – Но пол унции гвоздичного масла я бы у вас купил.

Старик, а аптекарь, без сомнения, был уже немолод, посмотрел на Карла так, как если бы ожидал какого-то продолжения или объяснения, но, ничего такого не дождавшись, повернулся к полкам и точным движением снял с одной из них маленький каменный кувшинчик.

– Вот, мой господин, здесь триста гранов. Это, конечно, несколько больше, чем...

– Не утруждайте себя, мастер, – остановил его Карл. – Я знаю, что такое гран. Сколько я вам должен?

– Ничего! – испуганно возразил аптекарь. – Помилуйте, добрый господин, разве я могу взять с вас деньги?

– Но ведь масло чего-то стоит? – Карл был в полном недоумении, хотя привычно сохранял спокойствие. Держал лицо.

– Вы пришли, – почти шепотом произнес аптекарь. – Вы пришли! Я не могу принять от вас деньги. Вы должны меня понять, мой добрый господин.

– Ладно, – согласился Карл, видя, что уговоры бесполезны. – Пусть будет по-вашему. Но у меня есть к вам еще одно дело.

– Все что угодно! – сразу же откликнулся старик и моментально смутился, осознав, с какой поспешностью он ответил. – Все, что в моих силах, – добавил он уже спокойнее.

– Мне нужен нотариус или судья – в общем, человек, сведущий в вопросах местного права.

– Нет ничего проще, – буквально просиял старый аптекарь. – Мой родной брат – судья корпорации корабельных мастеров.

4

Где-то далеко («На Дозорном мысу», – сказал прохожий) ударил колокол. Ему ответило вразной с дюжину малых и больших колоколов в разных частях города, и, наконец, тяжело басовито пробил с ратушной башни Набольший – старший из городских колоколов. Полдень.

Полуденный бой застал Карла у княжеского подворья. Уже примерно с час, как на всех городских улицах наметилось сначала едва заметное, а затем уже вполне очевидное движение в сторону Пятой Сестры, к ратуше и Гончему полю. Горожане, одетые в свои лучшие наряды, шли, кто поодиночке, кто парами или даже целыми семьями, неспешно переговариваясь, степенно раскланиваясь со знакомыми и родичами. Редкие чужестранцы – участники Фестиваля – выделялись среди горожан не столько своей одеждой или внешностью, сколько абсолютной отчужденностью, одиночеством в толпе. И сам Карл безошибочно угадывал незримые границы, отсекавшие его от всех прочих на оживленной улице, полной идущих в одном и том же направлении людей.

Удивительно, подумал он. Толпа как будто выдавливает нас.

Странно было и другое. Бродя по городу с раннего утра, Карл ничего подобного не замечал. Напротив, в отличие от многих других мест, где ему привелось бывать, в Семи Островах чужеземец не был ни невидалью, ни досадной помехой привычному образу жизни. Торговый город не мог не привыкнуть к тому, что его посещают люди из самых разных мест обитаемого мира. Горожане были в меру любезны и обходительны, и это скорее он сам выделял себя из их среды, чем наоборот. Но потом все изменилось. Чем выше поднималось солнце, тем очевиднее становилось, что есть город и его обитатели, и есть он – один, но не один из них, а один среди них. Ощущение одиночества нарастало – медленно, но неуклонно – по мере того, как солнце приближалось к зениту, а он подходил к Гончему полю. По-видимому, сходные чувства испытывали и все остальные чужаки, которых Карл видел тут и там среди идущих на Фестиваль людей. Во всяком случае, выражение их лиц было одинаково растерянным, и в глазах – пару раз ему удалось в них заглянуть – плескался страх, если не ужас перед фатальностью своего собственного выбора. Цена за право попытаться счастья была велика. Зато и куш был немал. Победитель получает все, но горе побежденным. Однако если выбор сделан, отступить было уже невозможно. Не идти туда, куда властно звала их судьба, они просто не могли. Карл попробовал раз-другой свернуть с пути, выйти из набирающей силу людской реки, несущей его к Гончему полю, и понял, что это совсем непросто. Лично он выйти из потока мог – смог бы, если бы имел такое желание, – но не был уверен, что такое под силу и остальным участникам Фестиваля. Впрочем, он-то как раз участником Фестиваля не был, потому что быть им не желал.

Он миновал просторную, украшенную гранитным обелиском площадь перед княжеским подворьем, прошел по мощенной дубовыми плашками улице, пересекавшей надвое обширный парк, в глубине которого прятались беломраморные статуи, пересек еще одну – Ратушную – площадь и, обогнув высокое темное здание самой ратуши, вышел наконец к Гончему полю.

Гончье поле на поверку оказалось каменным ипподромом, сооружением внушительным и красивым, но, главное, необычным для города, построенного на островах. Вместе со сгустившейся толпой Карл прошел под аркой, украшенной несущейся прямо в небо колесницей, и оказался на самом поле. Оно имело форму вытянутого эллипса, оправленного в кольцо ступенчатых трибун. Сейчас трибуны были уже почти заполнены, а на поросшем зеленой травой поле служители в красных куртках заканчивали приготовления к Фестивалю. Они натягивали на вбитых в землю кольях канаты, размечая отдельные площадки для испытаний, устанавливали на козлах большие и малые деревянные столы, расставляли трехногие табуреты, стулья с высокими спинками и длинные скамьи.

Карл задержался на минуту, наблюдая за спорой работой служителей, и понял, что три площадки слева предназначались для поединков, а две другие – для испытаний мастеров. На этих последних и устанавливались столы, а на столах слуги из нескольких кланов раскладывали и расставляли какие-то предметы, частью знакомые Карлу – вроде глиняных кувшинов или деревянных ведер, – а частью совершенно непонятные, как, например, сложная конструкция из стекла и бронзы, которую именно сейчас подтаскивали к одному из столов несколько мужчин. Вещь, на которую обратил внимание Карл, была большая и, по всем признакам, тяжелая, но что

это такое, он не знал. Более того, у него не возникло на этот счет даже самой жалкой догадки. И это было странно.

«Как видно, – подумал он, посмотрев теперь на дальний край поля, где были установлены в ряд мишени и где сейчас несколько рабочих вбивали в землю мерные кольшки, – прав был Николай Линдский. Чем больше мы знаем, тем больше остается непознанным».

Карл постоял еще немного, наблюдая за работой людей на поле, и, повернувшись, пошел было к трибунам, но его туда не пустили. Стражник, прохаживавшийся у подножия лестницы, остановился и вежливо, но твердо указал Карлу на ряд скамей, установленных справа, прямо на краю поля, на его зеленой траве.

– Вам туда, господин, – сказал стражник, глядя на чужеземца равнодушными голубыми глазами.

Карл не стал спорить, он уже понял, что начало Фестиваля означает, кроме всего прочего, ясное и недвусмысленное отделение участников от зрителей. Он был участником по положению, нравилось ему это или нет. Город определил ему роль, и никакие возражения к рассмотрению не принимались. Во всяком случае, пока. Карл кивнул стражнику и пошел в указанном направлении.

Он неторопливо подошел к скамьям и сел на свободное место во втором ряду. Первый ряд был уже заполнен. Дебора тоже находилась там, среди самых нетерпеливых участников Фестиваля, пришедших первыми. Она сидела, выпрямив спину и устремив невидящий взгляд вперед. Но и на трех задних скамьях народу оказалось тоже немало. Их вообще собралось здесь на удивление много, этих смелых или безрассудных людей, решивших сыграть в кости с Судьбой. Были ли они безумцами? Наверняка таковые среди них присутствовали, но все-таки приходилось признать, что остальные – четыре дюжины молодых мужчин и несколько женщин – просто-напросто страстно желали преуспеть в жизни и верили, что у них достанет на это сил и дерзости. Дерзости им было не занимать, а вот есть ли у них потребные для возвышения силы, обладают ли они Даром, покажет время. А приз... Что ж, возможности Сдома были велики. Тот, кто так же, как Карл, имел возможность прогуляться по его улицам, мог сказать, что теперь знает, как выглядят настоящие богатство и власть. Семь Островов держали в своих руках всю морскую торговлю Севера и имели значительную долю в торговле на континенте, и это были не пустые слова.

Шумели трибуны, суетились на Гончем поле служители, заканчивавшие последние приготовления, подходили и рассаживались задержавшиеся в городе зрители. Сияло солнце. Легкий ветерок трепал узкие полотнища флагов корпораций, играл треугольным знаменем князя и волновал тяжелые штандарты Семей. Время шло, но ожидание не затянулось. Удар бронзового гонга возвестил наконец о начале Фестиваля. Густой протяженный звук, заполнивший пространство амфитеатра, произвел на собравшихся здесь людей почти магическое действие. Впрочем, магия ритуалов или отклик души на звук и цвет ничуть не худший род колдовства, чем арканы мастеров или формулы творцов. Гонг ударил, и сразу же смолк шум трибун, прекратилось и движение на поле. Все замерло, все затаили дыхание, но ничего неслыханно грандиозного не произошло. Просто начался Фестиваль.

После минутной паузы пропели трубы герольдов, и в ложе, расположенной прямо перед скамьями участников, появились роскошно одетые, украшенные драгоценностями сыновья и дочери Шести Семей. Их ложа была отделана раскрашенным деревом и декорирована узорчатыми тканями, и было их, тех, кто на самом деле владел Семью Островами, много. На глаз не менее сотни мужчин и женщин степенно спускались по лестницам и рассаживались на позолоченных скамьях. Само по себе это действие, по-видимому, тоже было сродни ритуальной магии. И Карл согласился в душе, что зрелище кавалеров в ярких шелковых плащах и дам в пышных платьях, неторопливо, с ощущением значимости своих действий, занимающих места на четырех ярусах огромной Семейной ложи, могло произвести и производило на горожан – и не

только здесь, в Семи Островах – неизгладимое впечатление. Такую грандиозную демонстрацию роскоши и изысканного вкуса можно было, конечно, увидеть и во дворце илимского короля или при дворе любого из герцогов Лиги, но простой люд на такие ассамблеи обычно не допускается. В иных странах, в других городах подобное количество дам и кавалеров, собравшихся вместе и на глазах такого большого стечения простого народа, можно было увидеть разве что во время коронации или похорон монарха. Однако коронации, похороны и свадьбы монархов случаются нечасто, быть может, всего несколько раз на памяти поколения, здесь же, в Сдоме, Фестиваль повторялся ежегодно.

Семьи рассаживались наособицу и, отличаясь цветами своих одежд, символизировавших клановые тотемы, как бы говорили городу и миру: мы вместе, но мы разные. Когда минут через пять ложа наконец заполнилась полностью, стали отчетливо видны шесть цветных полос, спускавшихся сверху донизу, туда, где в первом ряду в великолепных креслах, мало чем отличавшихся от королевских тронов, восседали в гордом одиночестве главы Семей.

Снова пропели трубы герольдов, и в маленькой, но еще более роскошно украшенной ложе, нависавшей сверху над головами членов Семей, появились князь Семион и княгиня Клавдия. Семион, высокий массивный мужчина, наряженный, кажется, в одну золотую парчу, подошел к резным перилам ложи и поднял вверх правую руку с зажатой в ней княжеской булавой. Ответом ему был дружный рев трибун. Шум не смолкал несколько минут и утих только после двух ударов гонга. Князь и княгиня уселись в свои кресла, позади них расположились дамы и кавалеры их свиты и встали телохранители, и тогда гонг ударил снова.

Откуда-то из-за спины князя появился герольд, подошел к перилам и в наступившей тишине торжественно объявил:

– Фестиваль!

И сразу же за последним звуком, пропетым сильным голосом герольда, ударили барабаны, взметнули ввысь свои голоса длинные флейты, ударили в душу призывы медных труб. Резкая, тревожная, но торжественная мелодия заставляла гудеть воздух, сжиматься сердце.

А Карл смотрел на ложу Шести Семей. Обе черноволосые красавицы, встреченные им накануне, были здесь. Они сидели в ложе, каждая в цветах своего клана: старшая – в изумрудно-зеленом, расшитом золотом и драгоценными камнями глухом платье и капюшоне, скрывавшем ее роскошные волосы и схваченном на лбу тонкой золотой диадемой, и младшая – в открытом платье из алого шелка и высокой остроконечной шляпе, с вершины которой на ее левое плечо спадала вуаль цвета слоновой кости.

«Значит, – подумал Карл, рассеянно переводя взгляд с ряда на ряд, – одна из них Садовница¹, а другая... Как будет Кузнец женского рода? Наш язык не предусматривает такой возможности, и ни один другой, кажется, тоже».

Между тем на поле появились судьи – по одному от каждой из Шести Семей – и торжественно расселись на приготовленных специально для них стульях с высокими спинками.

– Испытания начинаются, – возвестил герольд, и сразу же с первой скамьи поднялись несколько наиболее нетерпеливых мужчин и женщин и заспешили к судьям, ожидавшим их на краях выгороженных площадок.

Посматривая вполглаза на то, что происходило на поле, Карл достал трубку, набил ее табаком из расшитого бисером кисета и закурил. Ничего по-настоящему интересного он пока не увидел. Но, возможно, самое главное ожидало его впереди?

¹ Принято различать шесть родов магического искусства, каждый из которых связан с особым характером магического Дара, имеющегося у колдуна или колдуньи, что, в свою очередь, определяет преимущество в «работе» с одной из шести Великих Сущностей или Стихий. Соответственно, в ойкумене существуют шесть колдовских цехов, которые в Сдоме (Семь Островов) называются Семьями: Кузнецы (огонь и металлы), Садовники (земля и жизнь), Филологи (слово и смысл), Геометры (число и форма), Рыбаки (движение и вода), и Мельники (воздух и дух).

Следующие несколько часов он с умеренным интересом наблюдал за испытаниями. Карл не вступал в разговоры с соседями (о чем им было говорить?), не выражал своих эмоций выкриками или бранью, как делали другие (им не владели столь сильные эмоции), а просто сидел спокойно, курил трубку, делал по временам глоток-другой бренди из фляги, предусмотрительно наполненной во время утренней прогулки, и смотрел. Впечатления от увиденного были противоречивы, но, с другой стороны, происходящее на площадках для испытаний было поучительно.

Мечники оказались в целом неплохи, особенно те, кто выступал в поединках от имени города. Но и соискатели и испытующие были одинаково медлительны и дрались шаблонно. Любой из использованных ими приемов можно было найти в «Науке фехтования» Виктора Воина или «Мечном бое» Иакова из Во. Впрочем, один совсем молоденький мечник, рыжеватый и веснушчатый, показался Карлу достойным пристального внимания и доли подлинного интереса. Это был настоящий самородок, из тех, в чьей крови боец живет со дня рождения и не умирает никогда. Парнишка – еще птенец, конечно, но птенец сокола, – был гибче и значительно быстрее остальных, и, хотя техника его оставляла желать лучшего, а репертуар был подобен скучной жизни скопца, связки стандартных приемов в его исполнении выглядели просто великолепно. Парнишке не хватало силы, опыта и хорошего учителя, но все это было поправимо. Сила придет, как и опыт, разумеется, если парень проживет достаточно долго, чтобы все это успело случиться, вот только найти достойного учителя будет непросто. Во всяком случае, руки настоящего наставника Карл здесь пока не заметил. Впрочем, если боги чего пожелают, так то и случится, и ученик найдет учителя, или учитель найдет его, но только неполное станет полным. Время покажет.

А вот среди стрелков Карл обнаружил достаточно много отличных лучников. Люди на стрелковом поле были в большинстве своем старше, чем мечники, опытнее, и качество подготовки у них было много лучше, что и неудивительно. Хороший стрелок, способный научить тебя без промаха посылать стрелу в цель, есть в любой армии. Почти в любой деревне найдется достойный лучник, а вот встретить хорошего мечника гораздо труднее. Однако, наблюдая за испытаниями бойцов, Карл не забывал и о мастерах. Испытания мастеров интересовали его гораздо больше.

Странная вещь Дар. Кто скажет, что он такое? Откуда берется? Кто из богов наделил им людей? Кто из них был так щедр или, напротив, так изощренно коварен? Те, кто обладает Даром – или, быть может, правильнее сказать, болен им? – не любят об этом рассказывать. Они вообще предпочитают не говорить о своей силе, во всяком случае, не с теми, кто этой силы лишен. Не говорят они и о том, как с этим жить. Что это такое, быть одаренным? Их книги, если они существуют, хорошо спрятаны, их каста замкнута сама в себе. А то, что пишут о них и об их уродстве другие, Дара лишенные, настолько смутно и сумбурно, что никакого положительного мнения составить невозможно. Ложь сознательная и ложь по неведению, ошибки в интерпретации виденного или слышанного, непроверенные и принципиально непроверяемые слухи, фантазии душевнобольных – там есть все. Возможно, там спрятана истина, вот только увидеть ее в мутных водах шарлатанства, недомыслия и злобного невежества почти невозможно. Поэтому с таким интересом наблюдал сейчас Карл за испытаниями творящих – но что на самом деле видели его глаза? Что нового вынес он из своих наблюдений? Правда заключалась в том, что интерпретировать увиденное было совсем непросто. Почему, например, судьи признали мастером вот этого немолодого сутулого мужчину? Он не сделал, казалось бы, ровным счетом ничего, что указывало бы на проявление силы. Во всяком случае, ничего такого Карл не заметил, лишь привычно кольнуло в висок и горячая волна омыла глаза по ту сторону орбит, но вот судьи что-то такое увидели, почувствовали, узнали – иначе с чего бы это они так всполошились? Даже со стульев, на которых уже второй час восседали с выражением безразличия, повскакали. Окружили растерянного соискателя, закрыли от чужих

взглядов и куда-то поспешно увели. А ведь до этого мужчины как минимум две женщины продемонстрировали наличие у них Дара и были признаны прошедшими испытание, но ни в первом, ни во втором случаях судьи такого энтузиазма не проявляли. Принимали как данное, свидетельствовали результат, и все. Однако с обывательской точки зрения все обстояло иначе, и реакция зрителей подтверждала такое отношение к произошедшему.

Совсем юная русая девушка в коричневом деревенском платье и грубом дорожном плаще одним мановением руки зажгла свечу, находившуюся от нее в добрых пяти метрах. На фокус было не похоже, да и судьи признали проявление Силы истинным, хотя больше ничего такого девушка сделать не смогла. Зато другая женщина – постарше, хотя тоже молодая, – одетая, как богатая горожанка, творила чудеса минут пять, пока судьи не сочли продолжение неуместным и не прекратили испытания. Эта женщина не производила никаких пассов, она вообще ничего не делала, но ярко вспыхнули сразу семь свечей в бронзовом канделябре, а через минуту повалил пар из деревянной бадьи, стоящей на одном из столов. Она вскипятила воду? Скорее всего – да. Хотя опять, как и прежде, не было ничего – ни молнии, ни луча и ничего другого тоже, – что физически соединило бы женщину и предмет, на который она воздействовала своей Силой. Во всяком случае, Карл ничего не заметил, лишь тонко кольнуло в висок, и все. Все? Об этом стоило бы поразмышлять, но не сейчас.

5

Время прошло незаметно. Не то чтобы Карл не ощущал его хода, но, занятый своими мыслями, почти внезапно обнаружил, что солнце склоняется к закату, а испытания завершились. Прошедшие их участники уже покинули Гончее поле. В полночь они станут истинными сыновьями и дочерьми кланов или получат свидетельства о поступлении на службу. Неудачники, те, кто испытания не прошел, остались сидеть на своих скамьях, еще более одинокие, чем несколькими часами ранее. И Карл тоже был с ними, но он был сам по себе. Как всегда.

Карл был единственным, кто не ощущал горечи поражения, – прежде всего потому, что не участвовал в испытании и, значит, не мог проиграть. Одиночество, то абсолютное одиночество отвергнутых и отверженных, которое тяжким бременем легло на плечи оставшихся на скамье, не тяготило его. Одиночество было частью его жизни, неотделимой от всего остального, хорошего и плохого, что составляло жизнь Карла Ругера. Тем более его не мучил страх перед будущим. Оно еще не состоялось, это будущее – это или какое-либо другое – и, значит, объективно не существовало. До полуночи оставалось еще много времени, и многое могло за это время случиться – даже то, чего не предполагает ни один из присутствующих здесь и сейчас людей, есть у них Дар или нет. Возможно, об этом не знал и сам Карл. Как можно знать то, чего нет? Никак.

Карл был спокоен. Он снова достал трубку и стал неторопливо набивать ее табаком. Запах загорского табака всецело завладел его обонянием, отбросив прочь все множество разнообразных запахов, витавших вокруг Карла, даже запах ужаса, доминировавший в этой пестрой палитре еще мгновение назад. Он набивал трубку, лениво думая о самых разных вещах, и единственное, что мешало ему всецело отдаться тихой радости покоя среди взбаламученного противоречивыми эмоциями мира, это пристальное внимание двух женщин из Семейной ложи, уже который час не выпускавших его из виду. Такое внимание казалось необъяснимым, тем более что, как он подозревал, каждая из них имела свою особую причину интересоваться совершенно незнакомым ей человеком. Ему было любопытно, что у них на уме, что ими движет, что в нем привлекло их капризное внимание. Однако он знал, что рано или поздно, получит ответы и на эти вопросы, как всегда получал ответы на все разумные вопросы, на которые так щедро была его бродяжья жизнь. Или не получит... С другой стороны, женщины смотрели на него с таким напряжением – которое только усилилось в последние минуты, – что Карл скло-

нен был полагать, что никуда они не денутся – ни женщины, ни вопросы, – и любопытство его так или иначе, но будет удовлетворено.

А вот Дебора на него не смотрела. Сидела на передней скамье, с которой встала лишь однажды, два часа назад, чтобы через считанные минуты вернуться обратно с выражением потрясения на прекрасном лице, сидела выпрямив спину и высоко подняв голову и ни разу не повернулась, чтобы посмотреть на Карла. И то сказать, с чего бы ей на него смотреть? Кто он ей? Что, кроме стечения обстоятельств, их связывает? Вероятно, она, как и большинство людей на ее месте, смотрела сейчас в свое будущее, каким нарисовали его жестокие законы Сдома и ее собственное воображение. Карл видел ее напряженную спину, золото ее вьющихся волос и едва ли не физически ощущал охватившее ее отчаяние. Впрочем, аура отчаяния, плотная, как туман над болотом, давно уже висела над скамьями проигравших и отверженных.

Судьи ушли. И служители, стоявшие с краю Беговой тропы во все время испытаний, готовые тут же выполнить любое поручение судей, исчезли тоже. На всем Гончем поле осталась лишь группа несчастных, потерянных людей, сидящих на скамьях участников Фестиваля. Приближалась развязка. Карл чувствовал, как со спины подходят к ним стражники, охватывая скамьи полукольцом. Он не стал оглядываться, как сделали это некоторые другие. Оглянувшись, он наверняка не увидел бы ничего для себя нового. Так имело ли смысл суетиться?

Карл усмехнулся, хотя веселья в его усмешке не было вовсе, и, достав огниво, закурил. Закуривая, он смотрел вперед, на залитую лучами заходящего солнца Семейную ложу. К сожалению, как ни сильны были его глаза, рассмотреть выражение лиц и глаз двух едва ему знакомых черноволосых красавиц Карл не мог.

– Следуйте за мной! – равнодушно приказал появившийся откуда-то сбоку офицер и неторопливо пошел в сторону княжеской ложи.

Он не оглядывался. Он знал, что они пойдут за ним, потому что больше им ничего не оставалось, оказавшись в одиночестве под взглядами горожан, смотревших на непрошедших испытание с притихших трибун ипподрома. Разве могли эти жалкие люди – практически уже рабы Сдома – не подчиниться воле города, прозвучавшей из уст офицера? И они встали со своих скамей и пошли за офицером. Пошел с ними и Карл.

Начиналась финальная часть Фестиваля. Без нее, как понимал Карл, праздник не был бы праздником, а зрелище зрелищем.

6

– Я объявляю протест! – Голос у девушки в алом платье был звонким и сильным и прозвучал в наступившей торжественной тишине как удар хлыста.

– Протест, – подхватили трибуны, и удивленный ропот пронесся по ипподрому, наполнив воздух тревогой и напряжением.

– Протест, протест, про...

– Протест? – Кое-кто из Кузнецов – и не только Кузнецов – с удивлением и раздражением посмотрел на молодую сестру, но возражений не последовало. По-видимому, она была вправе протестовать, если таково было ее желание. Но право – это одно, а его реализация – совсем другое. Поэтому и были удивлены и раздражены – хотя, вероятно, и по разным причинам – свидетели этой сцены.

Стоящий у перил своей ложи князь Семион тоже удивился. Он чуть подался вперед и посмотрел вниз, но увидеть девушку не смог – она находилась почти прямо под его ногами, и край балкона надежно скрывал ее от княжеского взгляда.

– Кто протестует, и в чем состоит протест? – громко и торжественно спросил первый герольд.

– Я, Анна дочь Кузнеца, протестую, – резко ответила девушка, оставшаяся сидеть в своем кресле. – Один из них не принял участия в испытании!

– Это его право, госпожа, – ответил герольд. – Никто не может требовать от человека иного, если таково его желание. Но, войдя в Сдом в Фестивальную ночь, он принял на себя определенные обязательства, вне зависимости от того, участвовал он затем в испытании или нет. Таков закон.

– Я знаю закон, – решительно возразила Анна. – Но на его бедре меч! Он может быть принят в дружину князя. Об этом я и прошу его светлость.

– Сожалею, госпожа, – ответил герольд. – Но ваш протест должен быть отклонен. Даже если бы его светлость князь ответил на вашу просьбу положительно, закон воспрепятствовал бы этому. Никто не видел этого человека в деле.

– Так посмотрите! – потребовала девушка, которая, по-видимому, не привыкла получать отказа в чем бы то ни было.

– Невозможно. – Герольд был непоколебим и спокоен, чего нельзя было сказать обо всех остальных, включая Карла, следившего за странным спором с огромным интересом. – Невозможно, – повторил герольд. – Время поединков истекло, и этот человек испытания не прошел, госпожа.

– Он не участвовал в испытании – вы способны понять разницу?

– Это его право, как я уже имел честь вам объяснить. Никто не вправе требовать от свободного человека, чтобы он участвовал в поединке.

– Вы сказали в поединке?

– Прошу прощения, госпожа, я имел в виду испытания.

Девушка уже хотела что-то сказать в ответ, но тут в разговор вступил сам князь. По-видимому, он заинтересовался Карлом, и просьба Анны не была для него пустым звуком.

– Кто ты, чужеземец? – спросил князь. Голос у него был низкий и хриплый, но при этом сильный, и слышали его все.

– Я Карл Ругер из Линда, – вежливо поклонившись, ответил Карл и посмотрел на князя. – К вашим услугам.

– Почему ты не принял участия в испытании, Карл из Линда? – спросил князь.

– Потому что таково мое право.

Его ответ заставил князя удивленно поднять бровь, а ропот, возникший после протеста, предъявленного Анной, снова пошел кружить по трибунам ипподрома.

– Ты знаешь, что в таком случае ты становишься рабом города?

– Да, ваша светлость, но только через шесть часов.

– Закон не оставляет мне много возможностей, но одна у меня все-таки есть, – усмехнулся князь. – Я могу послать к тебе кого-нибудь из своих гвардейцев. Это не будет испытанием, но будет, скажем, поединком. . .

– Благодарю вас, ваша светлость. – Карл снова поклонился князю. – Но я вынужден отказаться. Как я уже сказал, это мое право. Я никогда не участвую в состязаниях, которые судят люди.

В тех, которые судят боги, добавил он мысленно, тоже.

– Ян! – резко сказала Анна, снова привлекая к себе внимание. – Ян! – Она повернулась к сидевшему рядом с ней молодому мужчине. – Поединок!

Мужчина скептически посмотрел на Карла, потом на Анну, но все-таки встал. Вся его одежда была черной, но расшита красной тесьмой и украшена золотыми вышивками и огромным количеством рубинов, так что свою лепту в красную ленту Кузнецов вносил и он. Волосы у мужчины были тоже черными, а лицо смуглое, красивое и властное, надменное.

Встав со своего места, мужчина еще секунду смотрел на Карла, потом пожал плечами, как бы говоря, что нравится ему это или нет, но не выполнить просьбу Анны он не может, и сказал:

– Карл из Линда, ты оскорбил мою сестру. – Голос у него был равнодушный, лишенный эмоций, но говорил он громко и внятно. – Она хотела тебе помочь, но ты отверг ее помощь.

– Ни в коем случае, мастер, – возразил, поклонившись заговорившему с ним мужчине, Карл. – Я не имел намерения оскорбить вашу сестру и даже не говорил с ней.

– Это не имеет значения. – Ян Кузнец равнодушно смотрел на Карла и явно тяготился всей этой историей. Он всего лишь выполнял просьбу Анны, которой, по неведомым Карлу причинам, не мог отказать. – Я вызываю тебя на поединок.

– Это возможно? – спросил Карл, поворачиваясь к герольду, являвшемуся устами князя.

– Да, – кивнул тот в ответ. – Ян Кузнец находит твоё поведение оскорбительным и вызывает на поединок. Это его право. Вызов сделан при свидетелях и сформулирован правильно.

– Имею ли я право отказать от поединка?

– Ты уронишь свою честь, Карл из Линда.

– Это *моя* честь.

Теперь с удивлением на него смотрели уже все, даже Ян Кузнец и его сестра Анна. Такого не слышали здесь никогда.

– Тогда в возмещение оскорбления ты должен заплатить пени, – сказал, подумав, герольд.

– Какое пени назначается в случае, подобном этому? – спросил Карл.

– Закон оставляет это на усмотрение бросившего вызов.

«Хорошие в Сдومه законы, – с усмешкой подумал Карл. – Придется драться».

– Какое пени ты назначаешь мне, Ян Кузнец?

Ян Кузнец не улыбнулся, а оскалил зубы, окинул Карла оценивающим взглядом и сказал:

– Сто золотых марок, Карл, сто золотых марок.

– У меня нет таких денег, – развел руками Карл. – Что же делать?

– Драться, – ответил герольд.

– Хорошо, будем драться, – согласился Карл.

Услышав его слова, Ян кивнул и начал спускаться. Анна победно улыбнулась, но выражение лица Яна, на котором сквозь напускное равнодушие на мгновение проступило холодное презрение, Карлу не понравилось. Спустившись на поле, Ян Кузнец, оказавшийся высоким и широкоплечим, отстегнул черный, расшитый алыми цветами шелковый плащ и бросил его подбежавшему слуге. Затем снял пояс и, вынув из висевших на нем ножен прямой длинный меч, передал слуге и пояс с ножнами.

– Я готов, – сказал он, выходя в центр площадки для поединков.

Между тем приготовился и Карл. Он уронил на землю свой дорожный плащ, снял и положил сверху кожаный камзол, оставшись в рубашке без воротника и шерстяном жилете. Развязывать шейный платок он не стал, как не снял и пояса, лишь отстегнул висевшие на бедре ножны и, обнажив меч, аккуратно положил ножны на камзол.

– Я к вашим услугам, мастер, – сказал он, подходя к Яну.

На ипподроме стояла мертвая тишина, и его слова, произнесенные тихим голосом, прозвучали неожиданно громко. Драться не хотелось, но в данном случае приходилось соглашаться. Ему просто не оставили выбора. Второй раз за этот день.

«Если так пойдет и дальше, то скоро мне придется пересматривать собственные принципы, – подумал он, глядя на юную красавицу Анну. – А что движет твоим сердцем, девушка? В какие игры играешь ты?»

Ян ударил без предупреждения. Его выпад был стремителен, но слишком прямолинеен. Он хотел убить Карла и желал сделать это как можно быстрее и... нагляднее? Да, пожалуй. Он не предполагал демонстрировать виртуозное владение мечом, которое, тем не менее, ощущалось в манере удара и скорости, с которой он был осуществлен. Ян собирался преподать урок – не ему, Карлу, а кому-то другому. Возможно, Анне, но это сейчас не имело никакого

значения. Выпад мог оказаться первым и последним. Так и случилось, хотя и не совсем так, как предполагал Кузнец.

Карл поймал мгновение, предшествующее удару, краткий миг, когда Ян, владевший собой просто великолепно, все-таки должен был напрячь мышцы. Лицо Яна Кузнеца оставалось спокойным, глаза равнодушно смотрели куда-то в сторону княжеской ложи, тем не менее, баланс мышечного напряжения вдруг изменился, хотя внешне это почти никак не проявилось. В следующее мгновение последовал выпад. Клинок Яна прошел едва ли не в сантиметре от груди Карла, чуть качнувшегося в сторону и одновременно развернувшегося к противнику боком. Вот этого Ян Кузнец никак не ожидал. Его удар провис, а Карл перехватил наносящую удар руку своей свободной рукой и, с силой повернув, заставил выпустить меч. Клинок упал, а отпущенный Карлом Ян пробежал по инерции еще несколько шагов и остановился, изумленно глядя на свои пустые руки. Карл нагнулся и подобрал с земли меч. Это было великолепное оружие, и дело тут не в драгоценных камнях, украшавших эфес и гарду, а в качестве клинка. Карл внимательно рассмотрел неповторимый узор брэнской стали, но времени любоваться этим чудом у него не было, и, с внутренним вздохом прервавшись на самом интересном, он поднял меч над головой.

Возможно, он еще у меня побудет, успокоил он себя.

– Надеюсь, все было по правилам? – спросил Карл и поклонился князю. Боковым зрением он видел все еще не пришедшего в себя Яна и бледную, как полотно, Анну.

«Он хотел меня убить – а чего добивалась она?»

– Bravo! – сказал князь. Было видно, что он доволен. – Я принимаю тебя в свою дружину.

– Благодарю вас, ваша светлость, – еще раз поклонился ему Карл. – Но мой меч служит только мне.

– Жаль, – покачал головой Семион. – Хорошо сказано, еще лучше сделано, но ты знаешь закон. Если ты не на службе, то в полночь обратишься в раба.

– Я заявляю протест, – улыбнулся Карл.

– Слушаю тебя, Карл из Линда. – Князь смотрел на него с интересом. – В чем заключается твой протест?

– По закону, – объяснил Карл, – каждый входящий в Семь Островов накануне Фестиваля должен быть осведомлен о его правилах.

– Ты прав, Карл, – кивнул князь. – Но в чем же состоит твой протест?

– Лейтенант на Долгом мысу пропустил меня в город, но ничего не сказал о Фестивале. Князь посмотрел на Карла с сожалением и покачал головой.

– Тебе не повезло, Карл, – сказал он, помолчав. – Возможно, все так и было, но скажи, если я призову сюда того лейтенанта, подтвердит ли он твои слова?

– Думаю, что нет.

– Я тоже так думаю, – согласился князь. – Но может быть, там были другие свидетели?

– Нет, наша светлость, – усмехнувшись, ответил Карл. – Я был последним, кто вошел в город вчера вечером. Кроме меня и офицера там были только стражники.

– Стражники уж точно не подтвердят твои слова, ведь так? – Князь был расстроен, Карл это видел.

– Вероятно.

– Я отклоняю твой протест, Карл из Линда.

– Я протестую! – поклонившись князю, повторил Карл.

– Что-то еще? – Теперь князь был по-настоящему заинтригован, причем настолько, что окончательно отбросил формальности.

– Я объявляю себя свободным мастером! – Карл смотрел на князя и гадал, не кончится ли сейчас у того терпение. Но, по-видимому, князю стало интересно. Разговор с Карлом его развлекал.

– И что это тебе дает, Карл? – спросил Семион.

– Закон о свободных мастерах включает определение «в любое время, днем или ночью», а закон о Фестивале, оговаривая специально приостановку действия пяти городских законов – о гостеприимстве, о торговцах и других, – не упоминает закона о свободных мастерах.

Князь повернулся к кому-то в своей ложе и что-то тихо спросил. Карл ждал. Прошла минута, другая, третья. Наконец князь снова повернулся к Карлу и сказал:

– Ты прав, Карл. Протест принят. Ты можешь объявить себя свободным мастером. В чем твое мастерство, Карл?

«И в самом деле, – спросил себя Карл, – в чем мое мастерство?»

Пора было выбирать.

Он вспомнил запах клея и кож, ощутил в руке острый нож – и тут же понял, что сапожником быть не хочет. Можно было бы, пожалуй, податься в аптекари или оружейники, но интуиция подсказывала, что делать этого не следует.

– Я художник, ваша светлость, – сказал он, с интересом ожидая, чем ответит князь.

Секунду князь смотрел на него, как бы примеряя к Карлу звание художника.

– Ты не похож на художника, – наконец медленно произнес Семион. – Впрочем, если у тебя есть королевский патент или хотя бы рекомендательные письма...

– У меня их нет, – развел руками Карл.

– Тогда как же я узнаю, что ты говоришь правду?

Карл обратил внимание, что Семион окончательно замкнул его дело на себя, выведя из него всех остальных возможных участников. Выражения лиц глав Шести Семей были понятны любому, кто их видел. Впрочем, князь-то их как раз и не видел – но не мог же он не знать, что, узурпируя власть, которая принадлежала ему лишь формально, он задевает интересы кланов?

– Если вы разрешите, ваша светлость, я докажу свое право называться художником. Четверть часа, ваша светлость. Это все, что мне нужно.

– Приказать принести тебе бумагу?

– Не стоит, ваша светлость. Если позволите, я нарисую вас углем прямо на этой столешнице. – Карл указал на небольшой стол, стоящий у кромки поля.

– Четверть часа, – кивнул князь. – Я должен стоять?

– Ни в коем случае, – улыбнулся Карл. – Я нарисую вас по памяти.

Он подошел к столу, воткнул оба меча, которые все еще держал в руках, в землю, затем снял столешницу с козел и поставил ее вертикально, оперев на козлы и мечи. Потом взял из стоявшей рядом жаровни кусок древесного угля, обил его край и стал рисовать. Князя он запомнил хорошо, доски были гладко оструганы и плотно сбиты, и, хотя уголь оставлял желать лучшего, но это компенсировалось кипением взбаламученной поединком крови. Ему потребовалось даже меньше времени, чем он попросил.

– Готово, – сказал Карл, отбрасывая уголь и поворачивая разрисованную столешницу к княжеской ложе, а значит, и к Семейной ложе тоже. Выражения лиц тех, кто увидел портрет, сказали ему, что в этот раз он победил, но последнее слово все-таки принадлежало князю Семиону.

Однако первым заговорил не князь. Первой заговорила княгиня Клавдия.

– Великолепно! – сказала она и улыбнулась. – Вы напишете мой портрет, мастер Карл?

– Если таково будет ваше желание, блистательная, – поклонился ей Карл.

– Я принимаю твой подарок, Карл из Линда, и объявляю тебя свободным мастером. – Князь улыбался. – Унесите мой портрет в замок.

Он вдруг остановился, прислушиваясь к тому, что говорил ему из глубины ложи сутулый человек в темно-коричневом камзоле – возможно и скорее всего, княжеский советник, – и продолжил после минутной заминки:

– Впрочем, закон, на основании которого ты можешь стать свободным мастером, требует предъявления обеспечивающего минимума. – Было очевидно, князь этой новой помехой сильно недоволен. – Поэтому спрашиваю тебя, Карл из Линда, имеешь ли ты пятнадцать королевских марок, чтобы предъявить собранию?

– Имею, – кивнул Карл, перехвативший быстрый взгляд черноволосой Садовницы в изумрудном платье, но предъявлять ее синий кошель он не собирался. – Этот меч, верно, стоит много больше пятнадцати марок. – Карл кивнул на воткнутый в землю меч Яна Кузнеца.

– Мастер Ян, – спросил князь, – какова цена вашего меча?

– Тысяча больших марок. – Ян не мог лгать при свидетелях.

– Значит, вопрос исчерпан, – улыбнулся князь. – Добро пожаловать в Сдом, мастер Карл!

– Благодарю вас, ваша светлость, но у меня есть еще один протест.

– Последний, надеюсь.

– Да.

– Говори, Карл!

– Если я являюсь свободным мастером, то как таковой имею право на льготы, предусмотренные законом в пунктах с седьмого по восемнадцатый.

Князь опять повернулся к своему советнику, выслушал его ответ и подтвердил сказанное Карлом:

– Да, но только в первые сутки.

– С вашего позволения, ваша светлость, я хотел бы воспользоваться этим правом прямо сейчас.

– Говори, Карл, – улыбнулся князь. – Закон на твоей стороне.

– Я желаю приобрести в собственность обращенную в рабство, именуемую Деборой и стоящую ныне перед вами.

Вот теперь она посмотрела на него. Их глаза встретились, и Карл улыбнулся.

– Это твое право, Карл, – кивнул князь, рассматривая Дебору. – Не позже завтрашнего полудня ты должен внести в кассу Городского совета шесть золотых марок. Меч мастера Яна является достаточным залоговым свидетельством. Если ты не против, то свое имущество ты можешь получить ровно в полночь, – цинично усмехнулся князь при виде реакции Деборы.

Глава вторая Художник

1

Когда она проснулась, Карл давно уже был на ногах. Просторная комната, насколько вообще может быть просторна комната в городском доме, соблазнила его своими размерами, и он уже с полчаса изнурял тело, выполняя одно за другим упражнения Двадцати Семи Ступеней. Но, как бы ни был он занят исполнением несочетаемых сочетаний изысканно сложных движений трех уровней сложности, краем глаза он нет-нет да поглядывал на спящую Дебору. Она была восхитительно хороша без этого дурацкого чепца, в которых спит большинство женщин. Ее золотые волосы свободно лежали на подголовном валике, припухшие после ночи любви губы были полуоткрыты, а сползшее набок меховое одеяло обнажало великолепную полную грудь. Спала Дебора очень тихо, так что даже Карл лишь с трудом мог уловить нежную музыку ее дыхания да заметить, как чуть приподнималась на вздохе грудь. Чуть-чуть, едва-едва. Вот и все признаки жизни, как будто и не живая женщина лежала в постели, а дано ему было созерцать живописное полотно, плод вдохновения настоящего мастера, или статую, которая никогда не оживет, хотя и кажется великолепно живой.

Видимо, ей наконец стало холодно. Она потянула тяжелое одеяло на себя и проснулась. Дебора открыла глаза и увидела Карла, совершавшего наклон вперед с прогибом спины, так что смотрел он не в пол, а прямо перед собой, на нее. Секунду она лежала, не двигаясь, только смотрела на него широко открытыми глазами. Потом покраснела и закрыла глаза. Впрочем, она быстро поняла, что, закрывай глаза или нет, никуда Карл не исчезнет, и, полежав так – с закрытыми глазами – несколько секунд, вынуждена была встать. Она повернулась к нему спиной и стала быстро одеваться. Однако одежда ее была разбросана где попало, вернее, там, где бросил ее ночью нетерпеливый Карл. К тому же спешка плохая помощница, особенно если тебе надо справиться с несколькими юбками и рубашками, застегивая по ходу дела многочисленные пуговицы и пряжки. К тому моменту, как глухое платье скрыло от него ее спину, плечи и шея Деборы стали уже совершенно красными. Красным оказалось и ее лицо, когда она наконец снова повернулась к нему.

В этот момент он как раз сел на шпагат, а его естество, налившееся силой при виде одевающейся Деборы, легло на пол перпендикулярно к линии сильных мускулистых ног. Взгляд девушки непроизвольно задержался на его жезле, но покраснеть больше, чем она уже покраснела, Дебора не могла. Глядя на нее, Карл поставил ладони на пол, оперся на них и плавно поднял тело вверх, не сводя, однако ноги вместе. Прерывать упражнения из-за таких мелочей, как стыдливость девушки, которая провела с ним ночь в одной постели и которая на поверку девушкой не являлась, он не собирался. К тому же, встав на руки, он ее уже не видел. Она осталась за его спиной.

– Почему ты снял этот дом?

– Разве я разрешил тебе обращаться ко мне на «ты»? – спросил Карл, перемещая центр тяжести и отрывая правую руку от пола. Теперь он стоял на одной руке.

– Простите, господин! – быстро ответила Дебора.

– Так лучше. Продолжай. – Он чуть согнул левую руку и толчком послал свое тело вверх. Левая рука у него была чуть слабее, чем правая, но высоты хватило, и, перевернувшись в воздухе, он снова приземлился на руки, но уже лицом к Деборе. Напряженный жезл Карла смотрел теперь прямо ей в лицо. Тем не менее, Дебора, по-видимому, уже взяла себя в руки и смогла продолжить разговор.

– Почему вы сняли этот дом, господин? – спросила она.

– Затем, что он просторен, – ответил Карл. – В нем есть место для мастерской, и потом – нам ведь надо где-то жить.

Он опрокинулся на спину и, мягко перекатившись через голову, встал на ноги.

– Разве вы собираетесь остаться в Сдоме? – В голосе Деборы прорезалась паника. – Я полагала...

– Что мы покинем город этим же утром? – закончил за нее Карл, взлетая под низкий потолок. Ему пришлось пригнуть голову и согнуться в поясе, чтобы не удариться о потолочную балку, но все-таки высоты хватило, чтобы совершить полный переворот.

– Да, – тихо сказала Дебора.

– Но у меня другие планы.

Приземлившись на ноги, он резко крутнулся вокруг себя, согнув левую ногу в колене и выбросив вперед правую в стремительном ударе. Одновременно его руки, действовавшие, казалось, сами по себе, нанесли два асинхронных удара в разных плоскостях.

– Увы, Дебора. – Карл мгновенно перетек к сундуку, стоявшему у стены, подхватил свой меч и, повернувшись к Деборе, сделал быстрый выпад. Острие клинка замерло в миллиметре от ее горла. – Я не для того прибыл в Сдом, чтобы покинуть его на следующее утро.

– А я? – Неожиданный удар Карла Дебору не смутил. Она даже не вздрогнула, только краска сошла с ее лица. Сейчас она была просто прекрасна.

– А я? – спросила она тихо.

– Тебе я дам вольную, но несколько позже.

Он ударил мечом за спину, развернулся и провел стремительную связку, от которой у Деборы должно было зарябить в глазах, но у нее лишь участилось дыхание.

– Видишь ли, – сказал он, останавливаясь и внимательно осматривая клинок. – Ты мне нравишься, к тому же мне все равно потребуется служанка и натурщица. Ты великолепно подойдешь и для этого.

– Я не умею готовить.

– Не страшно. – Карл вернул меч в ножны и положил его на сундук. – Ты будешь приносить еду из трактира напротив, а чтобы купить на рынке зелень, сыр и ветчину, хлеб у булочника и вино в винной лавке, больших талантов не требуется. Принеси, пожалуйста, воды, мне надо умыться. Тебе, кстати, тоже. Женщина должна следить за своим телом даже больше, чем мужчина.

Дебора, в продолжение минуты молча стоявшая перед ним, опустила глаза и кивнула.

– Сию минуту, господин, – сказала она и направилась к двери.

До ее возвращения Карл успел немного подышать, восстанавливая силы, и даже продумать свои действия на ближайшие сутки, не учитывая, разумеется, привнесенных обстоятельств, которые могли случиться и которые просто не могли не случиться. В ближайшие часы – раз уж он решил остаться в городе – ему следовало выполнить взятые на себя финансовые обязательства и оборудовать мастерскую. У художника – а ведь он теперь художник, не так ли? – должна быть своя мастерская. Под нее Карл решил отвести вторую большую комнату, расположенную по другую сторону от лестницы, дверь в дверь с той, в которой он находился сейчас.

Вообще, дом оказался подходящим. Интуиция его не подвела, и хозяин не обманул. Накануне, завершив свои переговоры с князем, Карл без стеснения обратился к горожанам, сидевшим на трибунах ипподрома, с просьбой помочь ему найти дом на съем. Лучшего времени и места, чтобы найти желаемое, трудно себе даже представить. Когда он вышел с Гончего поля, его ожидали уже с дюжину домовладельцев, желавших сдать жилье внаем. Еще через полчаса он остановил свой выбор на немногословном худом старике, который и предложил ему этот дом со всем имуществом и мебелью, которые в нем были. Дом Карл осматривал уже при свете свечей, но первое ощущение, возникшее при разговоре с мастером Борисом, только окрепло, когда он увидел, что дом просторен, удобен, чисто убран и находится в тихом месте, но при этом всего в двух шагах от большой торговой улицы. К тому же дом стоял на Третьей Сестре, то есть во владениях князя, и это устраивало Карла куда больше, чем возможность попасть в один из анклавов. Оценив все эти обстоятельства, Карл ударил со стариком-домовладельцем по рукам и, подписав договор, успел перенести сюда свои вещи, а ровно в полночь, у ратуши, то есть всего в пяти минутах ходьбы от своего нового жилища, принял от офицера городской стражи принадлежащую ему собственность – закутанную в плащ Дебору, державшую в руке кожаный дорожный баул.

Вернулась Дебора, молча поставила на стол фаянсовый кувшин с водой и на пол рядом со столом – медный таз и так же молча, потупив взгляд, вышла, оставив Карла одного. Он проводил ее взглядом, хмыкнул и принялся за туалет. Он как раз успел помыться и был уже почти одет, когда раздался стук во входную дверь. Прислушиваясь к тому, как Дебора идет к двери, открывает ее и говорит с кем-то вполголоса, Карл повязал черный шейный платок, опоясался мечом и надел камзол. Когда он спустился в прихожую, Дебора отступила от двери, и Карл увидел на пороге невысокого лысого человечка в темно-зеленом кафтане. Шапку тот держал в руках. За его спиной переминались с ноги на ногу двое здоровенных парней в коричневых коротких куртках. Парни держали за ручки тяжелый – даже на вид – окованный бронзой сундук.

– Доброго утра вам, сударь, – быстро сказал человечек, увидев Карла. – Меня зовут Гримм. Павел Гримм, к вашим услугам, сударь.

Он поклонился и снова поднял на Карла взгляд водянистых глазок.

– Доброе утро, – коротко ответил Карл, подходя и останавливаясь напротив Павла Гримма. Он ждал объяснений и этого не скрывал, хотя кое-какие догадки по поводу столь раннего визита у него были.

– Я, видите ли, стряпчий, – сказал Павел Гримм и кивнул через плечо на стоявших за ним слуг, как будто их присутствие могло свидетельствовать о правдивости его слов.

– Рад за вас, – усмехнулся в ответ Карл. – Я слышал, это доходная профессия.

– Не жалуюсь, – кивнул посетитель, – но я, собственно, к вам по делу, мастер Карл.

Ну вот, я уже и мастер.

– И какое же у вас ко мне дело, Павел Гримм?

– Меч, – коротко ответил стряпчий.

– Меч? – делано удивился Карл. – Но зачем же вам меч, мой друг? Вы же стряпчий, а не солдат. Да и я, знаете ли, художник, а не оружейник.

– Тем не менее я хотел бы купить меч.

– Ах вот вы о чем! – улыбнулся Карл. – Вас послал Ян Кузнец. Только в этом случае правильнее было бы сказать, что вы желаете меч выкупить, а не купить.

– Нет, – покачал головой стряпчий. – Меня никто не посылал, и я хочу именно купить меч. Тысяча триста золотых марок.

– Нет, – отрезал Карл. – Это меч Яна Кузнеца, и вести разговоры о выкупе я буду только с ним.

– Но я не имел в виду меч мастера Яна. Тысяча шестьсот.

– Тогда, о чем же вы говорите? – Карл посмотрел на странного посетителя с новым интересом. – Вы что же, хотите купить *мой* меч?

– Да, – кивнул Павел Гримм. – Тысяча восемьсот.

– Он не продается.

– Две тысячи двести.

– Торг здесь неуместен.

– Две тысячи пятьсот.

– Я сказал.

– Три тысячи.

– Не утруждайте себя, мастер Гримм. Мой меч не продается.

– Четыре тысячи. – В глазах нотариуса плескалось безумие.

– До свидания. – Карл коротко поклонился и закрыл дверь.

«И что это значит?» – мысленно спросил он себя, оборачиваясь к Деборе.

– Этот человек хотел купить мой меч, – сказал он и улыбнулся.

Но Дебора ему не улыбнулась.

– Зачем? – спросила она равнодушно.

– Это интересный вопрос, но я забыл спросить об этом мастера Гримма. Впрочем, пустое. Давай лучше займемся нашими делами.

– Да, господин, – Дебора опустила глаза.

– Не надо, Дебора. Я разрешаю тебе называть меня Карлом. И так, еды в доме нет, и многого из того, что нужно людям для нормальной жизни, тоже. Что из этого следует?

– Я думаю, что нам придется все это купить, – раздраженно ответила Дебора, поднимая на него глаза. – Если у вас, Карл, конечно, есть деньги.

– Деньги у меня есть, – сказал Карл и, достав из кармана синий кожаный кошелек Садовницы, высыпал на ладонь десять золотых марок. – Вот, возьми, здесь десять марок.

Он увидел, как от удивления расширились ее глаза.

«У тебя красивые глаза, Дебора, – подумал он, глядя на девушку. – И ты еще не разучилась удивляться или не научилась скрывать свое удивление. Это скорее хорошо, чем плохо. Но, в любом случае, мне это нравится».

– Я вернусь после полудня, – сказал он, рассматривая ее лицо, линию носа, высокие скулы. – Поешь где-нибудь и купи нам еду. Не скупись. Пусть будут сыр, и ветчина, и копченая рыба. Не забудь про хлеб и вино. Лично я люблю яблочный бренди, но красное вино купи тоже. Корабли с юга привозят изюм и орехи...

Он рассматривал сейчас ее подбородок и шею. Линии были безупречными, но плавными, нежными. И краснела она необычно. Краска поднималась откуда-то из-под высокого ворота платья, возможно от самой груди, и, поднимаясь по шее к подбородку, подбиралась сейчас к щекам.

– У нас нет свечей и лампадного масла, нет мыла, и нам совсем не помешали бы губки. Вечером я собираюсь нормально помыться, а хозяин дома уверял, что его баня – она находится в пристройке позади дома – просто превосходна. А значит, нам нужно полотно, чтобы вытираться. И вот еще что...

Краска залила ее щеки и лоб.

– Купи постельное белье. Я знаю, в Загорье люди спят одетыми, но я из Линда, и я привык спать без одежды.

Он еще секунду любовался ее залитым краской лицом, потом улыбнулся и, взяв в руку меч Яна Кузнеца, пошел прочь.

– Прощай, – сказал Карл выходя.

2

Первое впечатление Карла не обмануло. Сдом оказался хорошо организованным, удобным городом. В нем было все, что должно быть в городе, и все это работало, как хорошо отлаженный механизм, четко и без сбоев. Не прошло и часа, как меч Кузнеца был заложен в ломбарде Семьи Шауль под тысячу сто золотых марок. Еще полчаса ушло на то, чтобы превратить большую часть этого золота в векселя Воробьев, банкирского дома, известного не только в Семи Островах, но и по всему побережью. Положенные взносы – за аренду жилья, за право быть свободным мастером – и выкупное пени за Дебору тоже не заняли у него много времени. Казначей Городского совета был деловит и предельно вежлив, а хозяин дома торопился по своим делам. Так что утро не успело превратиться в день, а Карл уже прогуливался вдоль лавок и мастерских в квартале художников на Шестой Сестре.

Здесь было тесновато. Узенькие улочки, похожие на темные щели, переплетались, образуя сложный лабиринт. Из открытых дверей и окон остро пахло минералами и красками, маслом и лаками. Продавцов было много, а покупателей мало, так что Карл был здесь желанным гостем. Его вежливо приветствовали, приглашали зайти, предлагали вино и развлекали приличествующей случаю беседой, пока он осматривал представленные его вниманию товары. По-видимому, все здесь знали, кто он такой, но никто ни словом, ни взглядом не напомнил ему о событиях прошлого вечера. Трудно сказать, было ли это выражением принятой в городе вежливости или за молчаливым игнорированием всем известных событий скрывалось что-то другое, однако Карлу такой подход к делу скорее нравился, чем наоборот. Впрочем, это не значило, что он ничего не заметил. Заметил, запомнил и отложил до лучших времен. А пока у него было дело, и дело это не терпело поспешности.

В мастерской Альтера он купил два мольберта (большой – из светлого дуба и маленький треножник – из красного дерева), палитру, собранную из полированных костяных пластинок, и простую липовую палитру. Там же он купил и подрамники, долго промеряя их углом и метром и оценивая на глаз. Все они, кроме одного, оказались безупречны, и, когда Карл пере-

шел в соседнюю лавку, где продавались холсты, настроение у него было превосходным. Выбор холстов его не разочаровал. Здесь он без труда нашел себе то, что искал – льняное полотно, сотканное из ровных, без утолщений и узлов, ниток, – и заплатил, не торгуясь, запрошенную цену, потому что холст был именно таким, каким должен быть холст. Он был средней толщины, имел разное зерно – от очень крупного до самого мелкого – и был отменно ошлихтован. Одним словом, это был великолепный холст, такой, что, держа его в руках, Карл испытывал острое желание поскорее покрыть его краской. Впрочем, так скоро, как хотелось бы, использовать купленную ткань Карл не мог. Ее еще предстояло отмачивать в горячей воде, сушить, а затем грунтовать и снова сушить. Дело важное, но долгое, однако такое, которое абы кому не поручишь – поэтому грунтованные холсты Карл покупать не стал. А желание писать, созревавшее в нем с прошлого вечера, достигло теперь, в квартале художников, своего апогея. Поэтому кроме холстов куплены были светло-коричневые и розоватые картоны, а также плотная и гладкая шелковая бумага.

Он шел, неторопливо переходя из лавки в лавку, покупая что-то здесь и что-то там, обсуждая за кубком вина достоинства угольных карандашей из Бре или кистей маэрской работы, испытывая ферменты на растворение и вынюхивая масла. И время медленно утекало в песок забот, так что очнулся он только тогда, когда солнце на три деления перешло через зенит. Да и то Карлу в этом помогли. Сам он настолько увлекся покупками, что позабыл даже о еде, всецело погрузившись в мир красок, основ, растворителей и наполнителей, в мир, составляющий основу живописи не меньше, чем мастерство, талант и воображение.

Промаявшись с четверть часа за спиной Карла, обсуждавшего с вышедшим из мастерской художником относительные достоинства виноградной и персиковой черных красок, молодой Кузнец набрался наконец смелости и, откашлявшись, передал срывающимся от волнения голосом приглашение встретиться с неким важным лицом, к которому он, Кузнец Лавр, с радостью проводит мастера Карла, если он, Карл, соизволит за ним, Лавром, последовать, потому что время не ждет, а солнце уже высоко, и важное лицо, кое...

Карл с интересом посмотрел на юного Лавра и, оценив степень нервозности последнего, пришел к выводу, что как это ни странно, но на встречу его приглашает сам Великий Мастер.

Я становлюсь популярным, – усмехнулся он, продолжая вежливо выслушивать бесконечные периоды вконец запутавшегося в них Лавра. – Как бы мне не пришлось платить за это слишком большую цену.

– Хорошо, – сказал он вслух, придя к выводу, что Лавр начинает повторяться. – Подожди меня здесь, я должен зайти еще в одну лавку.

Особой необходимости в этом визите не было. Карл успел уже купить все, что ему требовалось. Но он не был расположен отправляться в путь по первому призыву, даже если его позвал сам глава клана Кузнецов. Поэтому Карл зашел еще в одну лавку, постоял у прилавка, перебирая в пальцах непрозрачные, коричневого цвета плитки мездрового клея, поболтал с хозяином, расспрашивая того, из плавательных пузырей каких именно рыб изготовлен предложенный его вниманию рыбий клей, узнал, что клей – полупрозрачные, сморщенные, разного размера пластинки – получен из осетров и белуг, купил немного белужьего клея и только после этого согласился проследовать за изнывавшим от нетерпения Кузнецом Лавром.

3

Великий Мастер принял его не в цитадели Кузнецов, как следовало бы ожидать, а в частном доме. Этот дом стоял на берегу внутренней гавани, защищенной от штормов и неприятельских набегов телами трех островов и двумя высокими дамбами. Из тех окон, что смотрели на гавань и порт, по-видимому, открывался великолепный вид, но Карл находился сейчас по другую сторону дома, напротив широкого, богато украшенного фасада, выходящего на тихую

уютную площадь. Отсюда завораживающее зрелище гавани, полной кораблей, и оживленного порта можно было только воображать. Впрочем, у Карла было живое воображение и богатый жизненный опыт, и, остановившись в центре площади, он видел перед собой не высокое каменное крыльцо и не парадные из резного дуба двери с маленьким бронзовым портиком над ними, но – как бы прямо сквозь оштукатуренные кирпичные стены трехэтажного особняка – корабли, прибывшие в Семь Островов из двух десятков стран. Большие и маленькие, они стояли у причалов или покачивались на низкой волне по всему обширному пространству гавани. Одни из них только что прибыли, другие готовились отплыть, третьи еще только разгружались или, напротив, загружались, или всего лишь ожидали своей очереди встать у каменных причалов Сдома. Корабли и море, порт и морской люд могли стать хорошей темой для стенной росписи, но кто решится сделать такой большой заказ чужаку без имени и репутации? И захотел ли бы он сам взять на себя такие обязательства? Честный ответ был – «нет». Следовательно, такой фрески в Сдоме не будет. Увы.

Карл перешел площадь и приблизился к терпеливо ожидавшему его юноше. Как только он поднялся по восьми ступеням к дверям, юный Кузнец позвонил в колокол, и их сразу же впустили. Большая прихожая, двери, ведущие в глубину дома, лестница, плавно поднимающаяся наверх. Открывшая им служанка низко поклонилась и молча пригласила Карла пройти наверх. Ничего не спрашивая, Карл легко, но без спешки, поднялся по лестнице и вошел в первые встретившиеся на его пути двери. Они были открыты, а за ними, в большой светлой комнате, сидел в кресле жилистый старик в темно-красном костюме и смотрел на Карла молодыми карими глазами. Карл постоял секунду, рассматривая старика и давая тому рассмотреть себя, и вошел. Двери за его спиной закрылись, и они остались вдвоем.

– Добрый день, – вежливо сказал Карл и, не ожидая приглашения, сел на стоящий перед креслом старика стул.

– Зачем ты пришел? – спросил старик, во взгляде которого Карл прочел тревогу, едва ли не страх.

– Я не иду, – усмехнулся Карл. – Меня ведет дорога.

– Ты хотел сказать «путь». – Интонация старика непременно должна была что-то означать, но Карл не знал пока, что именно.

– Путь, дорога? – сказал он, чтобы что-нибудь сказать. – Слова, всего лишь слова.

– Именно, – приподнял верхнюю губу старый Кузнец.

– И это тоже всего лишь слово, – улыбнулся Карл. В эту игру переиграть его было сложно. – Звуки, которые порождает наша гортань.

– А суть? – подался вперед Великий Мастер.

– Я здесь, – пожал плечами Карл, ведь то, что он находится в Сдоме, было очевидно.

– Но я не твой! – резко сказал Кузнец.

Вот как! – удивился Карл. – Хотел бы я знать, что ты имеешь в виду, старик!

– Разве я звал тебя? Это ты позвал меня, – сказал он вслух.

– Ты...

– Я.

– Ты – ужас! – не сказал, а выплюнул старик.

– Я бы не стал драматизировать, – снова улыбнулся Карл, пытавшийся между тем сообразить, о чем же они, собственно, говорят. – Я всего лишь художник Карл Ругер из Линда.

Эту игру придумал Мышонок. Он называл это «сказать много и ничего». О да, Мышонок, безусловно, виртуоз – он умел говорить, и речь в его устах превращалась в страшное оружие. Когда-то, много лет назад, Леон из Ру был маленьким тщедушным мальчиком, и все называли его Мышонком. Теперь он уже зрелый мужчина, но внешне изменился мало. Во всяком случае, два года назад, когда дорога неожиданно привела Карла в Амст, Леон оставался именно таким: худым, маленьким, серым. Мышонок,мышь. Однако он уже служил первым советни-

ком протектора, слыл мудрецом, и женщины рвали друг у друга волосы за право провести с ним ночь. Мышонок – умница. Он действительно сказочно одарен. Его эстетическое чувство было совершенно, а речь виртуозна. Единственный человек, которого он не мог или не желал подчинить власти своего интеллекта, – Карл. С Карлом Леон просто говорил. А игра, которую он когда-то придумал и в которую самозабвенно играл всю жизнь, была под стать его уму и таланту. Никто не мог соперничать с ним в умении вести диалог так, чтобы сказать немного, но достаточно, чтобы собеседник полагал, что знает, о чем они говорят. Сам же ты об истинном содержании разговора мог даже не догадываться.

О чем говорил Игнатий Кузнец? Что он имел в виду? Карл этого не знал. Но ведь Кузнец говорил серьезно, и, значит, существовала надежда, что неясное когда-нибудь разъяснится, а неизвестное станет известным. А пока не стоило старику Игнатию знать о том, что он говорит с ветром.

– Отдай Яну меч, – сказал Игнатий после нескольких минут молчания, в течение которых они просто смотрели друг на друга. Карл ждал продолжения, а старик Игнатий, видимо, собирался с силами.

– Это приказ? – спросил Карл, доставая трубку.

– Нет, конечно! – откровенно ужаснулся Великий Мастер. – Это просьба.

– Просьба стоит денег, – серьезно объяснил Карл и стал набивать трубку табаком.

– Во что ты оцениваешь его меч? – спросил Игнатий.

– Меч хороший. Сейчас редко встретишь такой сплав, и кузнец... – Карл сделал многозначительную паузу. – Его ковали твои люди?

– Да, – нехотя признал Игнатий, неудачно маскируя небрежным тоном свое волнение. – Когда-то давно.

«Ах вот оно как! Это твоя работа? Этот меч ковал ты сам? Интересно».

– Пятьсот золотых марок, – сказал Карл вслух.

– Значит, мы договорились? – с видимым облегчением спросил старик.

– О чем? – удивился Карл.

– О мече.

– Нет.

– Но ты же сказал «пятьсот марок».

– Ты спросил, во что я его оцениваю. – Карл вторично обратился к Великому Мастеру на «ты», но тот этого, казалось, не замечал. – Я ответил.

– Хорошо, – отступил Игнатий. – Я спрошу по-другому. Сколько ты хочешь за его меч?

– Смотря кто меня попросит, – спокойно объяснил Карл.

– Что это значит? – Похоже, старик его просто не понял.

– Если меня попросит сам Ян, цена мечу будет серебряный пенни, но зато Ян останется жив, – улыбнулся Карл.

– А если нет? – спросил старик.

– Если попросит Анна, я запрошу за меч две тысячи королевских марок. А если ты, то пять тысяч.

– Что будет в этом случае с Яном?

– Он умрет.

– Мою просьбу ты оценил дорого, – пожаловался Игнатий. Впрочем, сожаления в его голосе Карл не услышал.

– Она того стоит, ведь ты глава клана. – Карл закурил и, встав со стула, коротко поклонился: – Приятно было познакомиться, Мастер.

Игнатий ничего не ответил, сидел, нахохлившись, и смотрел на вставшего Карла.

Карл улыбнулся старику, повернулся и пошел прочь.

4

Дома Карла ожидали встревоженная его долгим отсутствием Дебора, горящий камин и плотный ужин, состоявший из всего, что купила и приготовила к его приходу несостоявшаяся волшебница. А еще его ждали лежавшие на краю стола письма, доставленные днем с нарочными. Карл взял в руки два свитка, пергаментный и бумажный, посмотрел на печати и отложил в сторону.

– Я голоден, как волк после неудачной охоты, – сказал он. – Накорми меня, женщина, и ты сохранишь в целости мягкие части своего роскошного тела.

Дебора привычно покраснела и бросилась накрывать на стол. Есть действительно хотелось зверски, ведь Карл ничего не ел с прошлого вечера. Поэтому с одинаковым аппетитом он поглощал и копченых угрей, и жареную ветчину, не забывая также про вино, лук, и редиску, и конечно же про белый хлеб. Хлеб был просто роскошный, из просеянной пшеничной муки, заквашенный на пивных дрожжах, и испечен был тоже на славу. Карл с удовольствием макал хрустящие коричневато-золотистые корочки в густой красноватый мед и отправлял в рот вместе с кусочками копченого овечьего сыра. Всего этого великолепия ему с лихвой хватило бы и на ужин, и на обед, но, оказывается, Дебора, утверждавшая, что готовить не умеет, сварила и суп. Этот суп Карла приятно удивил и заставил задуматься о том, где носила нелегкая загорянку Дебору до того, как она встретила с ним. Такой суп из говядины с перцами, помидорами и картофелем готовили только на Великой равнине, и бывавший в тех краях Карл хорошо себе представлял, как далеко от Семи Островов лежат равнины убру. Тем не менее, даже эта мысль не помешала ему вполне насладиться ароматом и вкусом горячего густого супа, хотя вовсе его и не покинула.

Уже было совсем темно, когда Карл завершил свою первую и единственную в этот день трапезу. Дебора от еды отказалась, сославшись на то, что поела перед самым его приходом, и все время, пока он ел, пропадала где-то в доме, производя неясного происхождения шум, на который, впрочем, Карл внимания не обращал. Она появлялась время от времени только затем, чтобы спросить, не нужно ли ему что-нибудь еще, и исчезала снова. Но, когда она открыла дверь в очередной раз, именно тогда, когда Карл почувствовал, что наконец сыт, он ее уже не отпустил.

– Останься, Дебора, – попросил он, и она, помедлив секунду в дверях, вошла в комнату и остановилась перед ним, опустив глаза в пол.

– Садись, – предложил он. – Выпей со мной вина. Вино-то ты еще не пила?

– Нет, – ответила Дебора и, снова помешкав секунду или две, села к столу.

– Ну вот и славно, – улыбнулся Карл и, встав со своего места, принес Деборе кружку и наполнил ее вином. Девушка, сделавшая вначале движение, чтобы встать, оставалась все это время на месте, следя за ним одними глазами. Она снова была вся красная от смущения. Протянув ей кружку с вином, Карл налил себе бренди, отметив, что его «служанка» не упустила ничего из того, что он ей поручил утром, и спросил:

– Что ты там делала?

– Ты же хотел устроить баню! – почти с вызовом ответила она.

– Да, – улыбнулся Карл. – Это третья вещь, о которой я мечтал, возвращаясь домой.

– Куда? – Дебора его, кажется, не поняла, хотя, на взгляд Карла, ничего особенно замысловатого он не сказал.

– Домой, – повторил он, закуривая.

– Твой дом в Линде! – отрезала Дебора, которая, видимо, раздумала краснеть по всякому поводу.

– Давно уже нет, – покачал головой Карл. – Теперь мой дом там, где я живу сейчас. И вот этот дом – мой дом. Здесь и сейчас... И твой тоже, – добавил он после секундной паузы.

– И о чем же ты, Карл, мечтал, возвращаясь домой? – спросила Дебора, в голосе которой звучала ирония.

– О еде, естественно. – Карлу их разговор начинал нравиться. – Я ведь ничего сегодня не ел. Совсем ничего... Так вышло, – объяснил он, уловив новую волну удивления в ее прекрасных глазах.

– А еще? – спросила она, не отводя взгляда.

– Еще я думал о том, как мне хочется заняться делом... Кстати, я там накопил всякого...

– Все уже наверху, – серьезно сообщила Дебора. – Я разложила вещи, как могла. Ну просто чтобы они не испортились и не загромождали комнату.

– Спасибо, – поблагодарил девушку Карл. – Это очень хорошо. С утра займемся делом.

– Ты будешь рисовать? – В ее глазах зажегся интерес.

– Разумеется, но не сразу. – Карл наконец сделал глоток бренди. – Сначала надо будет натянуть холст на подрамники и проклеить.

– Проклеить? – Дебора была удивлена. – Я думала, что ты сразу...

– Ни в коем случае! – притворно ужаснулся Карл. – Этого никак нельзя делать.

Он отпил еще бренди, наблюдая за Деборой, которая, по всем признакам, была полна недоумения.

– Видишь ли, – сжалился над ней Карл, – писать масляными красками можно только на грунтованном холсте. Если не положить грунт, основа – в данном случае холст – впитает масло и краски быстро высохнут и пожухнут. Начнут осыпаться... Да и холст от этого портится, потому что масло – такое дело – разрушает ткань. А на грунт и краски лучше ложатся, ты понимаешь? У них лучше сцепление с холстом.

– Так ты будешь... грунтовать холст? – спросила она с интересом.

– Холсты, – поправил он. – Мы займемся подготовкой холстов прямо с утра. А вот потом, когда они будут сохнуть, я предполагаю нарисовать твой портрет. Пока на бумаге.

– Портрет?

– Чем тебе не нравится эта идея?

– Ничем, но... – Она замялась, и Карл понял, что ее беспокоит, во всяком случае, ему показалось, что понял.

– Не волнуйся, – усмехнулся он. – Для первого случая я нарисую тебя одетой, а полюбоваться на тебя без платья я смогу и в бане.

Теперь она все-таки покраснела.

– Так ты на самом деле художник? – спросила она, отводя взгляд.

– А как же иначе? – поднял брови Карл. – Я же объявил себя свободным художником.

– Ты прав, об этом я забыла, – сказала Дебора и снова посмотрела на него. – Просто мне показалось, что ты слишком воин, чтобы быть художником.

– Ах это! – улыбнулся Карл. – Ты просто мало знаешь о художниках. Художники, Дебора, тоже разные бывают. Ты когда-нибудь бывала в Цейре? – спросил он через секунду.

– Да, – осторожно ответила Дебора.

– А во дворце правителя?

– Почему ты спрашиваешь? – сразу же насторожилась она.

– В зале Ноблей, – объяснил Карл – Есть плафон...

– О да! – сказала Дебора, и ее глаза засияли. – «Война и Мор»!

– Именно так, – кивнул Карл. – Эту роспись сделал Гавриель Меч – самый знаменитый полководец прошлого столетия.

– Я не знала об этом, – виновато улыбнулась Дебора.

«Зато теперь я знаю, что ты действительно гостила в землях убру», – подумал он, доливая себе бренди.

– Все люди разные, – сказал он вслух. – И никогда не стоит судить о человеке по тому, каким делом он сейчас занят. Возможно, раньше он был занят чем-нибудь другим.

– А чем был занят ты? – спросила она.

– Легче рассказать, чем я не был занят, – улыбнулся он, но объяснять ничего не стал. Но и Дебора поняла уже, что никакого вразумительного ответа от него не получит, и сменила тему.

– Почему ты не читаешь письма? – спросила она.

– Я их прочту, – пообещал он. – Потом. А пока... пойдём-ка мы мыться, Дебора, а то уже на дворе ночь, а у нас завтра много дел. Прямо с утра.

5

Море было недвижно. Тихие воды лежали, как толстое темное стекло, а по лунной дорожке шла женщина. Она была еще далеко, и Карл мог видеть только силуэт. Белая кожа женщины казалась серебряной в лунном сиянии, и нимб сияющего серебра окружал ее голову.

Карл стоял на берегу, там, где прибой должен был лизать носки его сапог, но в этом мире не было движения. Ни дуновения ветра, ни плеска волн. Двигалась только «лунная дева». И Карл тоже стоял неподвижно, глядя на медленно приближающуюся к нему женщину, не в силах разорвать пути наваждения. Он стоял и смотрел, как легко ступают ее длинные ноги, как двигаются при ходьбе ее широкие бедра, как плавно покачиваются в такт движению тяжелые груди. Женщина приближалась. Длилось бесконечно растянутое мгновение тяжкого безволия. Неведомая прежде тоска сдавила грудь, и холодный огонь заемной страсти, чужого желания ядом разлился в крови. Но чужое – чужое и есть, и ничего этого Карлу не было нужно.

Сделав невероятное усилие, он втянул воздух сквозь сжатые в мертвой хватке зубы, почувствовал языком его вкус и отрезвляющую прохладу и проснулся. В комнате было темно и тихо, только ровно дышала за его плечом спящая Дебора.

Все бы ничего, – сказал он себе, тихо вставая с кровати, – да вот беда, ты, красавица, не угадала – обычно я не вижу снов.

Он легко нашел в темноте свои вещи и быстро оделся.

«А кстати, – спросил он себя, бесшумно спускаясь по лестнице, – которая из двух?»

Этого он пока не знал, но полагал, что скоро узнает.

Карл пристегнул меч, вышел на улицу и осторожно притворил за собой дверь. Полная луна скрывалась за высокими крышами домов, и здесь, внизу, было почти темно, но темноты Карл не боялся. Он постоял секунду, прислушиваясь к себе, и решительно направился в сторону гавани. Туда звало его сердце, а вот кто позвал туда его сердце, оставалось пока загадкой. Впрочем, на то и загадки, чтобы их решать, и эту загадку Карл тоже предполагал когда-нибудь решить. Опыт подсказывал, что обычно решения приходят сами, надо только уметь их ждать. И знать где.

Ожидаем – значит, существуем, – мысленно усмехнулся он и пошел в сторону гавани.

Он быстро и практически бесшумно шел по городу, по временам пересекая редкие освещенные луной участки и снова погружаясь в глубокий мрак пустынных улиц. Город спал, спал и порт. Спали на залитой лунным светом глади внутренней гавани темные тела кораблей. Море было спокойно, тихая волна с невнятным бормотанием накатывалась на гранитные плиты набережной. Редкие слабые огоньки зажженных фонарей – в порту и на кораблях – не могли побороть ночь. Это было под силу только полной луне, едва миновавшей зенит.

Карл прошел вдоль обреза набережной до маленькой площади перед храмом Морской Девы и здесь остановился. Сердце звало его идти дальше, но разум был против, тем более что уже несколько минут кто-то осторожный и ловкий держал в пальцах его тень. Карл не любил

дышащих в спину, но с некоторых пор предпочитал не выяснять с ночными охотниками, кто ловчее, а уходить от них, вырывая свою тень из их холодных рук. Однако в данном случае ему было интересно, откуда взялся этот хитрый лис, вернее, откуда он узнал о ночной прогулке Карла, о которой заранее не знал и он сам.

Если тень не придет сама, решил Карл, становясь спиной к воде, придется сыграть с ней в прятки.

Луна светила ему в спину, заливая призрачным серебром площадь и вытягивая узкую короткую тень Карла из его сапог. Карл осмотрел пустынную площадь, взглянул на свою тень и перевел взгляд на устье темной улицы, выходявшей на площадь по другую сторону храма. Что-то происходило в глубоком мраке этой улицы, но что именно, Карл пока не понимал. Он только чувствовал приближение чего-то – что бы это ни было – и терпеливо ждал, не забывая, впрочем, следить боковым зрением за переулком, по которому сюда пришел. Там в густой тени спящих домов пряталась другая тень. Там остановился его преследователь, вероятно, еще не решивший, что делать дальше, и думавший об этом теперь. Запах тени, донесенный до Карла легким ветерком, был необычен. Ночной охотник пах брусникой, и запах этот был Карлу знаком. Он осторожно втянул носом холодный и влажный воздух ночи, желая проверить первое впечатление, и пришел к выводу, что чутье его не обманывает. Несомненно, это была брусника. Карл задумчиво кивнул своим мыслям и, достав трубку, стал ее набивать, и в этот именно момент из темного зева улицы появилась тень кошки. Самой кошки Карл не увидел, но ее тень, живущая, по-видимому, сама по себе, вышла на высеребренную луной стену дома и медленно двинулась по стенам других домов к храму, постепенно увеличиваясь в размерах. Почти одновременно в глубине улицы раздалось сумбурное топотание множества легких лап, и на площадь ворвалась стая кошек. Бегают ли кошки вместе? Никогда. Кошки – одинокие путники, но здесь и сейчас они были вместе. Их было много. Возможно, сейчас здесь собрались все кошки, живущие в округе, и можно было только гадать о том, какая сила могла объединить их – пусть и на время – в стаю.

Продолжая неторопливо и методично набивать трубку, Карл с возросшим интересом наблюдал за невиданным действием. Кошки, выбежавшие на площадь, сначала устремились к ее центру и там, разом прервав движение, расселись кто где стоял, совершенно очевидно пристально следя за тенью товарки, которая, достигнув храма, стала уже невероятно большой. Карл тоже смотрел на нее. Теперь огромная кошка прогуливалась от одного угла храма до другого, по временам останавливалась, поворачиваясь к неподвижно сидящим перед ней зверькам, и вновь продолжала свою неспешную прогулку по гладкому фасаду здания. Запах брусники стал сильнее. По-видимому, ночной охотник тоже увидел тень кошки, а кошка, вернее, тень, потевшая где-то принадлежащее ей тело, продолжала медленно гулять по стене.

Прошла минута, но ничего нового не происходило. Не выпуская из виду тень кошки и притаившегося во мраке преследователя, Карл закурил и выпустил дым первой затяжки. Сердце все еще тянуло его прочь, но он уже окончательно решил, что никуда сегодня больше не пойдет, и слушать свое растревоженное чужим зовом сердце не желал. Ему вполне хватало сейчас кошек и человека, пахнущего брусникой. Между тем тень кошки остановилась и выгнула спину, и тотчас же по рядам застывших в немом созерцании тварей прошла нервная волна, но с места они все же не двинулись. А тень на стене храма раскрыла зубастую пасть и ошетинулась, как будто готовилась прыгнуть на врага, и в тот же момент начала меняться. Превращение происходило стремительно, но не настолько быстро, чтобы Карл не успел заметить несколько плавно переходящих одна в другую фаз трансформации. У него дух захватило, когда он понял, что видит, но все случилось очень быстро, и уже через секунду перед Карлом стояла тень немого ревушего ягуара. Ветер ужаса накрыл заворуженно следивших за тенью кошек, как если бы они и в самом деле могли слышать голос безжалостного охотника. Несчастные перепуганные кошки вскочили со своих мест и врассыпную бросились прочь. Секунда – и площадь снова

опустела, и только тень ягуара бесшумно разевала пасть на стене храма. Потом тень начала бледнеть, и еще через несколько мгновений исчезла и она. Карл остался на площади один.

Он стоял, покуривая трубку, и ждал. Ожидание его не затянулось. Прошла минута или две, и из плотного мрака на свет вышел человек. Он был высок и широкоплеч и шел легкой походкой опытного бойца. Но шел он медленно, чуть разведя в стороны пустые руки, давая возможность Карлу увидеть его и оценить мирные намерения.

– Доброй ночи, капитан, – сказал человек, приблизившись к Карлу, и в знак уважения снял с головы шляпу.

– Здравствуй, Август, – ответил Карл, рассматривая старого знакомца. – Как поживаешь?

– Хвала Единому! – серьезно ответил Август по прозвищу Лешак. – Я нахожусь в здравии, и моя жизнь устроена.

– Кому ты служишь теперь, Август? – спросил Карл.

– Князю, – коротко ответил Лешак и тут же пояснил: – Но меня послал не он.

– Имени нанимателя ты мне, конечно, не скажешь. – Карл не спрашивал, а размышлял вслух. – Но что ты скажешь ему?

– Скажу, что Карл из Линда мне не по зубам, – усмехнулся Лешак. – И скажу за вас слово. Нормальные люди не будут щупать вашу тень, капитан. Даю слово.

– Хорошо, Август, – кивнул Карл. – Я принимаю твое слово. Но скажи, он приказал тебе ждать меня сегодня ночью?

– Да, – кивнул Лешак. – Сегодня ночью между вашим домом и гаванью.

– Ты видел?

– Да.

– Что скажешь?

– Люди говорят, что в городе опять объявился оборотень.

– Давно?

– Кошка бродит третьей ночью.

– Спасибо, солдат, – сказал Карл. – Прощай.

Он обошел Августа и направился домой. Сердце больше никуда его не звало.

6

Встав с солнцем, Карл постоял секунду, в нерешительности глядя на Дебору, но затем, решив дать ей еще поспать, тихо спустился на первый этаж, проверил, плотно ли закрыты ставни, и только после этого приступил к своим утренним упражнениям. Впрочем, уже через несколько минут легкий шум на втором этаже дал ему знать, что Дебора проснулась. Она спустилась уже одетая и причесанная, когда Карл заканчивал упражнения третьей ступени.

– Доброе утро, – сказала она ему, проходя на кухню. При виде обнаженного Карла она больше не краснела.

– Доброе утро, – сказал он через несколько мгновений, когда короткая пауза в связке позволила ему это сделать.

– Я приготовлю завтрак? – спросила она.

– Я буду готов через полчаса, – ответил он ей еще через минуту. – Поставь кипятиться воду. Большой чан.

– Хорошо, Карл, – ответила она из кухни. – Через полчаса.

Карл выполнил поворот, и в поле его зрения попал стол. На столе лежали давешние письма: одно на пергаменте, запечатанное знаком саламандры, и второе на бумаге, несущее печать скарабея. В обоих письмах содержался заказ на портрет. Портрет работы Карла Ругера из Линда желали иметь дочь Садовника Виктория и дочь Кузнеца Анна. Обе.

7

Все утро прошло в рутине больших и малых дел, которые не могли быть отложены в связи с их обязательностью, но изнуляли Карла своей обременительностью, так как отдаляли тот момент, когда он смог бы предаться вожделенному наслаждению творением. Внутренняя потребность выплеснуть накопившееся напряжение в движении руки, вооруженной не сталью, а углем, становилась все сильнее. Тем не менее, он прилежно натягивал холсты на подрамники, прибывая их к обратной стороне планок острыми обойными гвоздиками, а потом разводил клей, в то время как Дебора затупленной деревянной спицей проталкивала на обратную сторону холстов наиболее крупные узелки. Затем Карл проклеивал холсты, методично водя кистью вдоль поперечных и продольных нитей, и счищал лишний клей широким стальным шпателем, но сил бороться с собой оставалось все меньше.

Нетерпение рождалось в груди и знобкими волнами прокатывалось по всему телу, заставляя дрожать до предела напряженные нервы. Карл чувствовал, что еще немного – и вся его великолепная выдержка рухнет, как рушатся крепостные башни, взорванные пороховым зарядом, заложенным минерами в глубоком подкопе. Терпеть эту жажду было не в его силах – он и так уже растянул ожидание сверх всякой меры, – и, отставив в сторону последний проклеенный холст, Карл взял наконец в руки лист бумаги.

– Встань там, – попросил он Дебору, не отрывая взгляда от листа, и кивнул ей, не глядя, головой.

Бумага была плотная и гладкая, и ему казалось, что сквозь сахарную белизну ее поверхности уже проступают контуры будущего рисунка. Оставалось только вытащить его из млечных глубин, наполнив цветом, который в данном случае есть жизнь. Жизнь рисунка. Карл провел кончиками пальцев по глади листа, и его движение было сейчас подобием ласки. Он не проверял бумагу, он наслаждался и дарил наслаждение. С нежностью, о которой мечтает любая женщина, с вожделением, достойным истинного сластолюбца, Карл положил лист на планшет и начал его осторожно закреплять. Но, по-видимому, запах страсти, исходивший от него, был по-настоящему силен. Шелест одежды привлек его внимание, и Карл поднял голову, взглянув поверх мольберта на свою модель. Дебора, отошедшая к дальней, хорошо освещенной светом ламп стене, снимала платье. А ведь он сказал ей накануне, что разрешает позировать в одежде...

Вид обнаженной Деборы довершил дело. Он раздул пламя, бушующее в его сердце, и, схватив уголь, Карл погрузился в безумие творения. Остановилось время. Пропали из воздуха звуки и запахи. Сама комната, в которой он находился, растворилась в вечности. Сейчас и здесь был только он один, один на один с девственной белизной бумажного листа, своей взбаламученной душой и женщиной, стоявшей в пятне света. Мгновение-другое он смотрел на Дебору, уже не узнавая ее, но стремительно погружаясь в реальность иных миров, скрытых до времени в темных глубинах человеческого сознания. Теперь глаза Карла и его рука жили своей собственной жизнью, а его «я» корчилося под ударами штормовых ветров времени...

8

– Ну вот, – устало сказал Карл, отступая от мольберта. Рука его разжалась, и остатки угля просыпались на дощатый пол маленькой кучкой черного песка.

– Можно посмотреть? – спросила Дебора.

– Да, конечно, – ответил он, медленно приходя в себя.

Кажется, нагота Дебору больше не смущала. Во всяком случае, Карл не заметил в ней ни скованности, ни смущения, когда она шла к нему от того места, где простояла все это время. И кожа ее оставалась безупречно белой. Краска не тронула ни ее груди, ни лица.

Под равнодушным взглядом Карла Дебора спокойно подошла к мольберту, посмотрела на рисунок, и брови ее взметнулись вверх.

– Это великолепно, Карл! – воскликнула она. В ее голосе смешались потрясение и удивление. – Но это не я!

– А кто?

Карл чувствовал такую усталость, какую не испытывал даже после самых жестоких сражений; такую опустошенность, какую, вероятно, должен чувствовать кошелек банкрота.

– А кто? – удивленно спросил он и посмотрел на рисунок.

Уперев руки в крутые бедра и широко расставив крепкие ноги, с бумажного листа на него победно смотрела Карла. Ее глаза смеялись, а соски полных грудей смотрели вверх.

– Да, – согласился Карл. – Это не ты, Дебора.

– А кто?

Неужели в ее голосе он услышал нотки ревности? Или ему это только показалось?

– Кто? – переспросил он, не в силах оторвать взгляд от овального лица Карлы. – Это... Карла.

Карла

– Ну, – сказала Карла, глядя на него своими бесстыжими зелеными глазами. – Не стой столбом, Карл! Ты же мужчина!

Глаза у нее были большими, а их зелень глубокой. Они завораживали, и Карл чувствовал, что утопает в этой зелени, тонет, как в омуте, вроде того что под черной скалой в излучине Быстрой. Эти глаза обладали страшной властью, они притягивали его взгляд и держали его, скрывая наготу Карлы лучше любых одежд.

– Не молчи! – потребовала Карла, и он очнулся от наваждения. Перед ним в блистательной прелести юности стояла обнаженная девушка, первая женщина, которую он увидел без одежды. – Говори!

– Что? – спросил он и почувствовал, что губы его пересохли и гортань суха, как ложе ручья в конце засухи.

– Вообще-то ты сам должен знать, – усмехнулась Карла. – Ну скажи, например, я тебе нравлюсь?

– Ты моя сестра, – выдохнул Карл.

– Глупости! – отмахнулась Карла. – Какая я тебе сестра, парень? У нас разные матери, и отцы тоже.

Она была права. Просто Карл привык считать ее своей сестрой, а привычка – вторая натура. Ведь так? На самом деле они не были даже сводными братом и сестрой. Его отец, Петр Ругер, женился на ее матери, Магде, когда оба они, и Карл и Карла, уже родились и успели немного подрасти. Карл не знал своей матери, умершей от родовой горячки, а Карла не запомнила своего родного отца, погибшего на той же войне, на которой Петр Ругер потерял ногу. Карл и Карла росли вместе, потом родились другие дети, общие для Петра и Магды, но старшими среди них, хотя и совершенно чужими друг для друга, являлись именно они, Карла и Карл.

– Ну да, – согласился Карл. – Это так, но...

– Без «но»! – Карла была решительна. Она всегда была решительна и всегда умела настоять на своем, зеленоглазая Карла Ругер. – Или это сделаешь ты, или какой-нибудь грязный илимский негодяй! Ты хочешь, чтобы моим первым мужчиной стал насильник?

От ее слов Карлу стало нехорошо. Это был ужас, вошедший в него через уши со звуками ее голоса и мгновенно затопивший его сознание. С такой точки зрения на осаду города Карл еще не смотрел, но теперь он увидел картину будущего поражения во всех подробностях, и его затоснило.

– Что... – пролепетал он, не в силах справиться с охватившим его чувством, в котором смешались страх, жалость и отвращение. – Что ты такое говоришь, Карла?!

– Не будь слюнтяем, Карл! – потребовала девушка. – Будь мужчиной!

Ее полные губы разошлись в улыбке, открыв белые, как сахар, ровные и острые зубы. В ее зеленых глазах кружили хороводы демоны страсти и смерти.

– Ты что, не знаешь, что случится, когда войска короля ворвутся в Линд?

Ее голос звенел от возмущения, но в нем не было страха. Он ударил Карла, как плеть, и Карл очнулся, ощущая стыд за свою слабость, проявленную перед Карлой. Но он быстро взял себя в руки, глубоко вздохнул, облизал губы и посмотрел на Карлу, не пряча взгляда.

– Говори! – приказала она, встретив его взгляд, и повела плечами. Она знала, что делала. От этого движения плавно качнулись ее большие груди, и увидевшего это чудо Карла обдало жаром.

– Ты красивая, – сказал он, чтобы не молчать.

– Дальше! – Карла была неумолима.

– О чем? – В самом деле, о чем он должен был говорить? И зачем?

– Начни с лица, – предложила она медовым голосом. – Тебе нравится мое лицо?

– У тебя очень красивые глаза, – сказал Карл.

Начав говорить, он почувствовал неожиданное облегчение, а через секунду уже забыл обо всем на свете, рисуя словами портрет Карлы. Карл был точен в деталях и выразителен в сравнениях. Он был честен, говоря только о том, что видел, и так, как видел это он. Он презрел запреты, вернее – напрочь о них забыл, подробно описывая то, о чем и упоминать-то вслух было не принято. А потом слово стало делом, и Карл узнал, какие у нее мягкие и податливые губы; ощутил, как ложится в ладонь горячая и упругая грудь девушки, понял, о чем говорят поэты, сравнивая кожу женщины с атласом или шелком, удивился, почувствовав, какой жар скрыт внутри Карлы. Но все это случилось до того, как Карл растворился в потоке своей и ее страсти. Тогда исчез мир, и слова потеряли смысл, и разум отступил, освободив поле боя чувствам.

Через несколько часов, оставив разнеженную Карлу на сеновале, он возвратился в дом, коротко взглянул в глаза отца, сидевшего в кресле у кухонного стола, на котором Магда готовила обед, опустился перед ним на колени и поцеловал Петру руку. Ничего не было сказано, но Магда заплакала, а Петр нахмурился, но тоже ничего не сказал. А Карл, встав с колен, пошел в комнату родителей, открыл отцовский сундук и достал оттуда старую кольчугу и широкий солдатский меч. Через час он был уже на южной стене. Там, на стене, он и встретил тот рассвет.

На востоке вставало солнце, а по земле стлался низовой туман, и из этого белесого холодного марева бесшумно выходили идущие на приступ илимские солдаты. Это называлось генеральным штурмом. Так сказал старый десятник, стоявший на стене недалеко от Карла, но слова, которые так любил Карл, слова, которыми он умел рисовать точно так же, как углем и красками, слова больше ничего не значили. Его душа была уже в бою. Все остальное, что произошло с Карлом в этот день, стало всего лишь продолжением того, что уже состоялось в его душе в ночь перед боем. Не было ни страха, такого простительного перед лицом воплощенного ужаса войны, ни робости. И пьяного азарта юности, не ведающей смерти, не было в помине. Все, с кем он дрался в тот день, были для него не вражескими солдатами и не вооруженными людьми, способными и желающими его убить. Они не были даже врагами, в том смысле, в котором они являлись врагами для всех жителей города Линд. Они – мужчины, которые пришли для того, чтобы изнасиловать Карлу, и этого ему было вполне достаточно. Образ, возник-

ший в его душе после слов Карлы, по-прежнему стоял перед глазами даже теперь, когда он дрался на стене с идущими на штурм илимскими солдатами. С тем большей сноровкой разил он их своим мечом.

Первого илимца Карл убил в половине седьмого утра, последнего, в этот день, – в вечерних сумерках. Он начал бой зеленым новичком, впервые выставившим свою жизнь против чужой жизни, а закончил – ветераном, на которого с уважением, восхищением или ужасом смотрели другие защитники стены. Его хладнокровию могли позавидовать и гораздо более опытные бойцы. Его способности, которые с ранних лет развивал Петр Ругер, раскрылись наконец со всей своей впечатляющей силой. Карл был неутомим и смертоносен. И он не ведал жалости.

Вечером, после боя, когда защитники стены расселись у костров, чтобы согреться, отдохнуть и поесть, люди гораздо старше его по возрасту обращались к нему уже не иначе как «мастер Карл». А за глаза его прозвали Бойцом, потому что, как оказалось, в этом и заключалась его суть.

Королевские войска так и не смогли взять город. Линд выдержал полуторамесячную осаду и восемнадцать штурмов. Потом подошли союзные войска, и король отступил. А Линд праздновал победу. Карл целый день танцевал и пил вино в трактирах и на площадях веселого Линда, а ночью неистово любил Карлу. Их общее безумие достигло предела возможного, а может быть, и перешагнуло его. Во всяком случае, если кто-нибудь в доме Петра Ругера или в домах его соседей еще не знал об этом прежде, теперь крики Карлы и рев Карла уже точно перебудили весь квартал. Тем не менее, ни отец, ни приемная мать ничего ему не сказали, когда утром он прощался с ними на пороге дома, в котором прошла вся его прежняя жизнь. А ведь в этот день, солнечным победным утром, шестнадцатилетний Карл Ругер прощался со своим домом и своим городом навсегда. Он почувствовал это тогда так отчетливо, что сжало грудь и просыпалась соль по ту сторону глаз. И, прощаясь с родителями, он уже доподлинно знал, что дороги назад нет и не будет. Так оно на самом деле и вышло. Длинные дороги вели его по миру, и не раз и не два возвращался он в иные места, где бывал или жил прежде, но в Линд он не вернулся никогда.

Глава третья Тень

1

Превращение завершилось, и ягуар беззвучно зарычал, подняв раскрытую пасть к прозрачному небу мира теней. Мгновенный ужас, порывом штормового ветра пролетевший над площадью перед храмом, смахнул с нее замороженных трансформацией кошек, и Карл остался один на один с немо ревушим убийцей.

Сжало виски. Это было уже не привычное покалывание, а настоящая боль, и серебряное сияние, наполнявшее ночной воздух, окрасилось кровью. Кровавый туман встал перед глазами, и Карл чудом удержался от того, чтобы не зашататься и не закричать.

Этой ночью он снова пришел в порт. На этот раз Карл был здесь один, если не считать зрителей, затаившихся на пяти галерах и двух парусных кораблях – войанском когге и шебеке из Амста, – пришвартованных к ближайшим к месту действия пирсам. Но, поскольку зрители вели себя тихо, делая вид, что их здесь нет, и Карлу не мешали, он был склонен не обращать на них внимания, хотя принимал в расчет. Однако теперь, когда его ударила боль, он забыл о них на самом деле, занятый борьбой со своим слабым человеческим телом. Впрочем, терпеть ему пришлось недолго. Как и прежде, тень ревущего ягуара стала бледнеть – Карл увидел это

даже сквозь красную пелену, застилавшую взор, – секунда, другая, и все кончилось. Исчезла со стены храма тень ночного охотника, истаяла боль, но оставшийся стоять на месте Карл, с трудом втягивающий воздух через сжатые зубы, успел понять, что ягуар не угрожает. Отчаяние – вот чувство, которое определяло состояние оборотня. Отчаяние.

2

Было начало одиннадцатого, когда Карл подошел к дому в Кривом переулке. Во всяком случае, по его личным ощущениям, прошло не более десяти минут с тех пор, как колокол на Ратушной площади пробил десять. Солнце теперь стояло уже высоко, но до полудня оставалось еще очень много времени.

Эта часть острова была высокой. На самом деле Шестая Сестра представляла собой скалистый холм, но все-таки северная часть острова являлась его подошвой, а Кривой переулок находился на южной стороне, круто поднимаясь вверх от Цветочной улицы к подножию замка Великого Садовника. По левой стороне переулка с самого низа тянулась каменная стена грубой кладки, густо заплетенная лозами дикого винограда, и в этой стене время от времени открывались узкие щели лестниц, уходящих вверх, к домам знатных Садовников. А вот вход в дом Виктории был другим. Тяжелая дубовая дверь, обитая бронзовыми украшениями, была врезана прямо в камень стены. Рядом с дверью на толстой железной цепочке висел молоток, которым Карл в дверь и ударил. Подождав с полминуты, он ударил снова.

Открылась дверь на шестом ударе. Худой мрачный старик, одетый в куртку и штаны зеленого сукна, выжидающе посмотрел на Карла, но, заметив в его руках мольберт, кивнул и молча указал рукой куда-то в глубину темного прохода, открывавшегося сразу за дверью. Карл тоже не стал ничего говорить, а только коротко кивнул старику – то ли здороваясь, то ли показывая, что понял, – и прошел внутрь. Дверь за ним закрылась, и сразу же стало почти совсем темно. Если бы не слабый огонек свечи, которую старик, закрыв за Карлом дверь, взял из стенной ниши, в коридоре царил бы полный мрак. Пока они шли куда-то в глубину холма, Карл разобрал, однако, что находится в узком каменном туннеле со сводчатым потолком. И стены, и пол, и потолок – все здесь было из кирпича, так что напоминало скорее не вход в дом богатой и влиятельной дамы, а преддверие гномьих рудничных городов. Впрочем, гномьи галереи могли тянуться на сотни метров, а этот коридор оказался совсем коротким. Карл сделал едва ли больше пятнадцати шагов, когда впереди скрипнула открываемая стариком дверь и в глаза ударил ликующий свет солнечного утра. Еще пара шагов, и они вышли во внутренний двор дома Виктории.

– Ждите здесь, мастер, – сказал старик и быстро скрылся за еще одной дверью, оставив Карла одного.

Карл огляделся и пришел к выводу, что место ему определенно нравится. Двор, образованный двумя глухими стенами, вроде той, что шла вдоль переулка, и самим домом Садовницы, имевшим два разных по стилю и, видимо, по времени постройки фасада, был просторен. Все четыре стены, замыкавшие двор, были густо оплетены длинными стеблями каких-то ползучих растений, сейчас радостно цветущих, и все тем же диким виноградом. В центре двора ласково журчал крохотный фонтанчик, помещенный в сложной формы мраморный бассейн, похожий на большую морскую раковину, но скорее намекавший на это, чем воспроизводивший образец с принятой у скульпторов и архитекторов точностью. Вокруг бассейна и по периметру двора были разбиты цветочные клумбы, на которых среди разнообразных цветов и сочной травы, разбросанные в художественном беспорядке, росли розовые кусты. Оставшееся не занятым пространство было замощено плитками зеленоватого мрамора.

Виктория не заставила его долго ждать и вышла к Карлу через широкие двери более новой части дома уже через несколько минут, едва позволив ему вполне насладиться видом

дома и сказочным ароматом цветов. Она была одета в глухое платье бледно-зеленого цвета, но волосы ее сейчас были непокрыты. Теперь, солнечным утром и вблизи, Карл смог рассмотреть ее значительно лучше, чем прежде. Да, она была очень красивой женщиной. В этом не могло быть никаких сомнений, и даже законченный мизантроп и самый придирчивый критик женской красоты вынуждены были бы признать это как факт Божественного Промысла. Она была уже немолода, по-видимому, недавно перешагнув через третье десятилетие своей жизни и войдя в четвертое. Впрочем, увидеть это мог Карл, но вряд ли большинство других мужчин и женщин дали бы Виктории больше двадцати. У нее было узкое овальное лицо с тонкими и изысканно выверенными чертами. Тонкие черные брови над огромными миндалевидными глазами. Длинные ресницы и снежно-белая кожа. При этом цвет ее изящно очерченных губ заставлял вспомнить о гранатах крайнего юга, но никакой краски на них не было. Виктория вообще не пользовалась ни помадой, ни краской, ни белилами. Украшений она не носила тоже, по-видимому, полагая, что ее красоту ничем подправлять не надо. И усиливать тоже.

«Что ж, – подумал мельком Карл, отвешивая Виктории сдержанный поклон, – в этом она права».

– Здравствуйте, госпожа Садовница, – сказал он вслух. – Я польщен приглашением и очарован вашей красотой. Мне будет что писать.

Он говорил серьезно. Без улыбки.

– Здравствуйте, мастер Карл. – Она тоже не улыбалась. – Вам нравится мой двор?

– Очень приятное место, – кивнул Карл.

– Но вы больше любите деревья, не правда ли? – спросила Виктория, откровенно рассматривая его.

– Да, пожалуй, – согласился Карл, поняв, что она права. Он как-то не задумывался над этим раньше, но сейчас, когда прозвучал ее высокий голос с резким носовым призвуком, понял, что она права. Ему и в самом деле больше нравились деревья.

– А как пахнет ветер? – спросила она вдруг.

– Ветер? – Карл был удивлен странным вопросом. – Ну как может пахнуть ветер? Воздух не имеет запаха, как я слышал, а ветер есть движение воздушных масс, моя госпожа. Так говорят ученые.

Карл развел руками, не скрывая, что ее вопрос его озадачил. Однако на самом деле, уже произнося эти слова, он начал понимать, что вопрос Садовницы был не так бессмыслен, как это показалось ему вначале.

– Ветер носит чужие запахи, госпожа Садовница. – Он решил, что пришло время улыбнуться. – Цветы и деревья, костер и немытое тело, гниющие водоросли... да мало ли чем может пахнуть ветер, крадущий запахи, как сорока блестящие вещички.

– Возможно, вы правы, – кивнула Виктория. – Но что вы скажете о снеге? Или опять сошлетесь на мнения мудрецов, полагающих, что снег есть вода, а вода сама по себе запаха не имеет?

– Скажу, что вы правы. – Карл еще не понимал, куда она клонит, но подозревал, что ее вопросы возникли не от живости ума прекрасной Садовницы, а из соображений, далеко выходящих за границы значений известных им обоим слов. – Снег пахнет зимой и смертью. Так говорят горцы.

– А может ли снег петь? – Казалось, с каждым вопросом ее черные глаза становятся все больше и больше.

– Не надо испытывать на мне свои чары, госпожа, – сказал он, стерев с губ улыбку. – На меня они, как вы должны были уже убедиться, не действуют, но настроение у меня от этого портится, а художник должен быть в хорошем настроении, иначе портрет выйдет плохо.

– Думаешь, я хочу заполучить тебя в постель? – спросила она, не меняя выражения лица.

– Возможно, что и нет, – покачал Карл головой. – А возможно, что и хочешь, но если не хочешь сейчас, то захочешь потом.

– Ты умеешь читать будущее? – подняла она бровь.

– Нет, не умею, – с сожалением признался он. – Но зато я разбираюсь в людях, особенно в женщинах.

– Вот как. – Она все-таки улыбнулась. – Но ты имеешь в виду обычных людей, а я...

– Видящая, – закончил он за нее.

Вот теперь он ее удивил так удивил. Глаза Виктории раскрылись еще шире – хотя куда уж еще?

– Откуда ты узнал? – спросила она.

– Догадка, не более, – усмехнулся он. – Но ты мне, конечно, не расскажешь, что тебе привиделось.

– Расскажу. – Виктория уже взяла себя в руки и снова была бесстрашна. – Не все, но кое-что расскажу.

Она вдруг улыбнулась, и оказалось, что улыбка у нее такая же красивая, как и все остальное. И такая же неживая.

– Во время Фестиваля я поняла, что Яна ты не убьешь, хотя он и умрет, и умрет плохо.

– Надеюсь, что ты права. – Карл искренне хотел ей верить, но верилось с трудом. Ян должен был объявиться так скоро, как скоро перекипит его первое бешенство.

– Ты так хочешь его смерти? – Виктория второй раз разрешила своим чувствам выглянуть из-за стены, построенной ее волей.

– Нет, – покачал головой Карл. – Я просто не хочу никого убивать.

– Любопытно, – тихо и медленно, как бы взвешивая в уме его слова, произнесла Виктория. – Но для чего тогда ты носишь меч? Впрочем, не отвечай, я уже знаю. Ты дворянин?

– Так ты читаешь не только будущее, но и прошлое?

На каждого умника всегда найдется еще больший умник, – не без облегчения мысленно процитировал Карл старую загорскую мудрость. Теперь он знал, что прошлое она читать не могла. В его прошлом Виктория видела лишь то, что он готов был ей показать.

– Дворянин, – признал он вслух. – Но меч я ношу просто потому, что мне это нравится. Просто нравится. Понимаешь?

– Допустим, – сказала она, задумчиво рассматривая его меч, и Карл понял, что не один он такой умный. У этой женщины отличное чутье на правду, и, если ей и не дано заглянуть в его прошлое так глубоко, как хотелось бы, все-таки Виктория способна почувствовать, что видит не все. – А еще я увидела эти вопросы: чем пахнут ветер и снег и как поет ночь? Ты знаешь ответы, Карл?

– Нет. – Сейчас он сказал правду. Ее вопросы его озадачили, и более того – они заставили тревожно сжаться его бестрепетное сердце, а это, как он знал, сделать совсем не просто. – А что ты увидела на дороге? – спросил он.

– Что ты застрянешь в Сдоме и что тебе потребуются деньги, – легко ответила она, но тут же добавила: – Это все, Карл. Большого я тебе не скажу. Пойдем в дом, я буду тебе позировать, а буду ли я с тобой спать, покажет время. Сейчас я думаю, что нет, но кто знает, что подумаю потом?

3

Надо признать, Виктория оказалась идеальной моделью в том смысле, что ее дивная красота предоставляла художнику редкостную возможность говорить правду. Впрочем, нет вещи без изъяна, как любят повторять горцы с Высокого хребта. Красота Виктории была лишена жизни и внутреннего света. Это была холодная красота эстетического идеала, но эмоционально

она вызывала у Карла отторжение, а могла вызвать и отвращение. Ему потребовалось напрячь все свои чувства, обрушить баррикады и стены, воздвигнутые привычкой и волей, чтобы увидеть за холодным мороком, созданным искусством опытной колдуньи, живое пламя души незаурядной женщины. Это был вызов его искусству, и Карл был благодарен Виктории за этот труд души, который и есть главное дело художника, как понимал это сам Карл. А еще она умела «держат мгновение». Обычно даже самая опытная модель продолжает жить и во время сеанса. Она дышит, тело ее движется, она устаёт, и настроение ее меняется по мере того, как уходит время. Виктория не двигалась и, казалось, даже не дышала. По-видимому, она не знала, что такое усталость, и Карл, стремительно менявший лист за листом, откладывая в сторону готовые наброски, был ей за это благодарен тоже. Два часа времени и десять листов бумаги закончились удивительно быстро, и за все это время Виктория не произнесла ни единого слова.

Закончив, Карл поблагодарил Садовницу за доставленное ему удовольствие и начал складывать рисунки.

– Теперь я смогу работать в своей мастерской, – сказал он. – Полагаю, что ваш портрет, госпожа, будет готов не позднее, чем через десять дней.

– Так быстро? – Казалось, что она совсем не удивлена тем фактом, что позировать больше не придется.

– Я привык работать быстро, – улыбнулся Карл.

– Могу я взглянуть на ваши наброски? – спросила она, подходя.

– Разумеется, – ответил он и протянул ей листы.

Виктория взяла рисунки и, пройдя к круглому дубовому столу, стоявшему посередине гостиной, начала раскладывать их на инкрустированной светлым деревом столешнице.

– Я на самом деле так красива? – спросила она, посмотрев на первый рисунок.

– Да, – коротко ответил Карл. – Вы можете спросить зеркало, оно не обманывает.

– Откуда ты знаешь, сколько мне лет? – спросила она через минуту, рассматривая другой рисунок.

– Разве я ошибся? – вопросом на вопрос ответил он.

– Я еще не решила, хочу ли я с тобой спать! – В голосе Виктории прорезалось раздражение.

– Я думаю, что ты ошибаешься, – не согласился он.

– Я ничего не боюсь! – Гнев прорвал плотину ее выдержки.

– Мы все чего-нибудь боимся, – пожал плечами Карл. – И ты, и я, и Великие Мастера. Даже богам есть чего опасаться.

– Кто это? – спросила она, дойдя до последнего рисунка.

– Что-то не так? – удивился он, подходя к Виктории.

– Все так, но это не я, – объяснила она.

– А кто? – Карл был озадачен.

– Действительно – кто? – усмехнулась Виктория, передавая ему лист.

Карл взял в руки рисунок, и сердце сжалось, и кровь застучала в висках.

«Опять! – с тоской подумал он, глядя на собственный рисунок. – Опять...»

Это и в самом деле была не Виктория.

София

У нее были пышные черные волосы, чуть вьющиеся, волнистые, и смуглая кожа. Сочетание довольно редкое в империи, но оттого делающее ее красоту еще более яркой, вызывающей, дерзкой. Черные глаза Софии смотрели на мир чуть насмешливо, но сейчас они были серьезны и внимательны.

Герцогиня Цук приняла Карла в чайной комнате, сидя в жестком полукресле у маленького круглого столика, на котором едва умещался чайный сервиз. Она была в темно-красном

платье, вырез которого почти полностью открывал взгляду Карла роскошь ее груди. Было ли это случайностью или нет, Карл не знал. Он мог только надеяться на то, что это не случайность. В конце концов, это был частный визит, но, с другой стороны, она позвала его сама.

– Я много о вас слышала, Карл, – сказала София Цук, когда, поклонившись ей, он занял предложенный ему стул. Голос у нее был низкий, грудной, дивно окрашенный легкой природной хрипотцой.

– Я много о вас слышала, Карл, – сказала она, глядя на него серьезно и как бы изучающе.

– Обо мне? – спросил он, любуясь ее полными губами. – Помилуйте, ваша светлость, что же такое вы могли обо мне слышать? Верно, вы имеете в виду какого-нибудь другого Карла. Это имя довольно распространено в некоторых местах.

– Не прибедняйтесь, Карл, – попросила она, и тень улыбки скользнула по ее губам. – И перестаньте, граф, величать меня светлостью. Это смешно!

София выделила интонацией его титул, который он при дворе, к слову, ни разу не объявлял, и Карл посмотрел на нее с новым интересом, никак не связанным с ее красотой.

– Вы правы, герцогиня, – усмехнулся он. – Возможно, я подчеркиваю, возможно, ибо на этот счет существуют разные мнения; так вот, возможно, я могу так титуловаться, но все-таки обычно я этого не делаю.

– И напрасно, – возразила ему София. – Титул, полученный из рук императора, да еще такого императора, каким был Евгений Яр, носить не стыдно.

– Яр?! – почти искренне удивился Карл. – Вы меня пугаете, София. Я еще под стол пешком ходил, когда императора отпевали в Цуре!

– Возможно, я ошибаюсь. – София пожалала прекрасными плечами и наконец улыбнулась Карлу. – Но люди также говорят, что меч, которым вы опоясаны, это меч маршала Гавриеля, а он, мне кажется, жил в то же время, что и император. Или я ошибаюсь?

– Нет, София, – в свою очередь улыбнулся Карл. – Вы не ошибаетесь. Гавриель Меч был маршалом императора Евгения, и этот меч... – Карл тронул кончиками пальцев эфес своего меча, – этот меч действительно однажды принадлежал Гавриелю, но это, София, ни о чем не говорит. Подумайте сами, мало ли когда и кому принадлежала та или иная вещь! В отличие от людей, вещи живут долго.

«Забавно, – подумал он, – меч Меча! И тогда, кто чей хозяин?»

– Наверное, вы правы, Карл. – София снова была серьезна, а ее большие черные глаза почти скрылись под опущенными веками и в тени длинных ресниц. – Вы правы, а я не права, но что вы тогда скажете о росписи купола в зале Ноблей в Цейре?

– Вы имеете в виду плафон? – поднял бровь Карл, которого завязавшийся разговор уже не радовал. Идя к герцогине, он преследовал совсем иную цель. – Роспись великолепна. Воистину Гавриель Меч был не только прославленным полководцем.

– Я имею в виду северную часть плафона. – Веки поднялись, и на Карла взглянули черные глаза, из которых полыхнула страсть такой силы, что ему стало страшно.

– Ах вот вы о чем! – Ему было что ответить и на этот вопрос. – Мой стиль, София, действительно несколько напоминает стиль того безвестного мастера, которому маршал Гавриель поручил роспись северного предела, но только напоминает. Не больше.

– Значит, это были не вы?

Возможно, София была разочарована, но сказать об этом определенно Карл не мог. Ее эмоции были сложны, это являлось фактом, однако, вне всякого сомнения, герцогиня была отнюдь не так проста, как предлагала думать о себе посторонним.

– София, – сказал он мягко, – простите, если я вас разочаровал, но роспись плафона в Цейре завершена тридцать лет назад.

– Какая жалость! – воскликнула София, демонстрируя почти натуральное разочарование. – Какая жалость!

– О чем же вы жалеете? – спросил он, уже зная, куда повернет их беседа теперь. Эта дорога была ему знакома, но, главное, предпочтительна.

– Я жалею, что вы не он. – Она была расстроена, вернее, хотела это продемонстрировать Карлу. Ее артистизм был великолепен, а игра безупречна. – Я предполагала заказать вам мой портрет.

– Так закажите, – предложил Карл и снова улыбнулся.

– Но вы же не тот Карл, которого я имела в виду, – лукаво улыбнулась София.

– Зато я тоже художник! – возразил Карл. – Кому же и заказать портрет, как не художнику? А уж я, герцогиня, постараюсь, чтобы мои краски запечатлели вашу красоту на века и для всех!

– Для всех не надо, – улыбнулась София, ее глаза сияли.

– Вы не верите, что я могу это сделать? – обиженно поднял бровь Карл. – Или, упаси нас Единый, сомневаетесь в собственной красоте?

– Ни то, ни другое. – Ее голос опустился, она почти шептала. – Я предполагаю позировать вам нагая, Карл. Естественно, я не буду показывать портрет всем.

– Как пожелаете, София, – поклонился Карл. – Значит, мне предстоит увидеть вас без одежды...

– Бойтесь? – улыбнулась она.

– Боюсь, – улыбнулся он.

– Испытание страхом – страшное испытание, – задумчиво сказала она.

– Вы правы, София, – согласился он.

– Жестокость не входит в число моих пороков, – усмехнулась она и добавила, вставая: – Следуйте за мной, граф.

Карл поклонился и без вопросов последовал за ней. Не встретив по пути ни единой живой души, они прошли анфиладой просторных комнат и кривым узким коридором, поднялись по короткой лестнице из полированного ясеня и, наконец, оказались в роскошно декорированной спальне. По-видимому, это была парадная спальня герцогини. Впрочем, если верить рассказам о ее расточительности и страсти к изысканной роскоши, могло оказаться и так, что сейчас они находились в ее личных апартаментах.

В спальне их ожидали две камеристки герцогини, молча поклонившиеся госпоже и ее спутнику и замершие в ожидании распоряжений.

– Разденьте меня, – приказала София и повернулась к Карлу лицом.

Она стояла всего в трех метрах перед ним, несомненно, с умыслом выбрав дистанцию, позволяющую ему видеть ее целиком и в то же время не упустить ни одной детали. А Карл не стал, что естественно, напоминать герцогине Цук, что у него нет с собой ни красок, ни холста, ни бумаги. Все, что могло потребоваться – или не потребоваться, – было при нем. Остальное в руках богов и переменчивого нрава Софии. Однако у него создалось впечатление, что, начиная осаду, он ошибся в намерениях гарнизона. Кажется, эту крепость никто всерьез оборонять не предполагал.

4

Возвращаясь домой, он не спешил. Хотелось кое-что обдумать, и делать это лучше всего на ходу. Карл шел, что называется, куда глаза глядят, не выбирая дороги, не имея определенной цели. Он забыл даже о еде, и только запах копченой рыбы заставил его очнуться и оглядеться. Ноги привели его к рыбному порту на Первой Сестре. Или это были не ноги, а чутье? Или Судьба? Кто знает?

Карл прошелся вдоль почти опустевших к этому времени рыбных рядов, дошел до коптилен и, купив за несколько медных грошей кусок горячего тунца и гречневую лепешку, при-

нялся за еду. Теперь выяснилось, что он смертельно голоден. И то правда, завтракал он рано утром, а сейчас солнце уже клонилось к закату. У Виктории он только выпил два бокала вина, но ничего не ел, а сколько он бродил по Сдому, занятый своими мыслями, можно было легко вычислить по положению солнца, но никакого смысла в этом занятии не было. Долго бродил. Этого достаточно.

Тут же, в порту, стоя на краю пирса, Карл быстро съел свой не слишком обильный обед и пошел было домой, вероятно, к заждавшейся уже его Деборе, но, проходя мимо лавки старого Медведя, изменил свои планы и зашел к старику.

Аптекарь, как и следовало ожидать, работал, что-то взвешивая на своих крошечных весах, пересыпая какие-то порошки из одних горшочков в другие, смешивая в склянке из мутного стекла неизвестные Карлу жидкости. Работал он сосредоточенно и... красиво. Пожалуй, слово «красиво» было уместно в этом случае не менее чем в любом другом. И, кроме того, запах, вернее – запахи, витавшие в лавке, многочисленные и разнообразные, составляли неотъемлемую примету аптеки.

Карл несколько минут стоял за спиной старого Медведя, наблюдая за его работой и вдыхая запахи сухих трав и минералов, иногда узнаваемые, а иногда и нет. Он просто был не в силах прервать очарование момента, благо глуховатый аптекарь, по-видимому, не услышал, как Карл вошел в лавку. Но, с другой стороны, чувство такта мешало Карлу затягивать удовольствие и, значит, предоставить аптекарю возможность самому его обнаружить. Поэтому, как ни жалко было разрушать магию момента, Карл тихо кашлянул несколько раз и этим привлек внимание старика. Вскочить с табуретки, как это случилось днем раньше, Карл аптекарю, однако, не позволил, шагнув к старику вплотную и придержав того за плечи.

– Прошу вас, мастер, сидите! – попросил Карл. – Я зашел просто поболтать. Если у вас, конечно, есть время.

– Время! – возмутился старый Медведь. – Да что вы такое говорите, господин мой Карл! Кто я, чтобы следовало заботиться о моем времени?

– Тогда я присяду, с вашего позволения, – усмехнулся Карл, усаживаясь на другую табуретку. – Как поживаете? Хорошо ли идет торговля? – спросил он, не позволяя старику продолжить в том же возвышенном тоне, в котором тот начал.

– Спасибо, господин мой Карл, – серьезно ответил аптекарь. – Здоровье мое, как и следовало ожидать, отменное, хотя годы немалые, сами понимаете. А торговля... Пока люди болеют – а они болеют всегда, даже здесь, в Сдومه, – без дела нам сидеть не приходится. Не сами ищем, оно нас находит. Дело, я имею в виду. Да и прочее разное... Вот сейчас, например, – не поверите! – готовлю тинктуру из сушеных корней яремы. Для чего, спросите? Дурная травка, если честно сказать, и корешок подлый. Ничего не лечит толком, да и отравы из него, честно сказать, никакая. Право слово, легче человека ножом убить, чем яремником травить. Но дело то, господин мой Карл, разные бывают. Яремник, должен заметить, седьмая часть приворотного зелья. Кто не знает, всегда удивляется, а только без яремника ничего путного не выйдет, а с яремником – и не захочешь, а полюбишь. Такое дело!

– Так вы что же, мастер Медведь, колдовством тоже промышляете? – удивился Карл.

– Ни в коем случае, – лукаво улыбнулся в ответ старик аптекарь. – Не враг я себе, чтобы в Сдومه приворотное зелье варить! Хотя чего там трудного! Уж поверьте, надо будет – сварю. И выйдет не хуже, а лучше, но только не здесь! Оболтус один – из Синих – взялся кому-то сварить, а руки пачкать не хочет, да и не умеет, наверное. Яремник-то, такое дело, ни в чем не растворяется, и при обработке секрет знать надо, чтобы порошок нужной мелкости вышел. Вот он мне и заказал. А я что? Закона не нарушаю, и заработок опять же неплох. Сделаю, конечно. Почему бы не сделать?

– А про кошку вы слышали? – спросил Карл, переходя к главному.

– И видел, – кивнул старик. – Она тут в рыбном порту уже четвертую ночь гуляет.

– А я думал, она только в гавани бывает, – задумчиво произнес Карл.
– Нет, господин мой Карл, – покачал головой старик. – Еще и здесь, и в Арсенальной гавани тоже.
– И что это, по-вашему, такое? – спросил Карл.
– Оборотень, конечно. – Старик в своих словах не сомневался. – Но что-то с ним, оборотнем, я имею в виду, не так, господин мой Карл. А что – не знаю. Я про такое даже не слышал никогда, и вы, как я понимаю, тоже. Значит, что? Или впервые такое случилось, во что верится с трудом, ибо нет нового и старого под вечными небесами, все уже когда-то случилось, и не раз. Но если такое уже когда-то где-то случалось, то редкое это *что-то* и сподобило нас сие чудо лицезреть. К добру ли, мой лорд? Не знаю, но только страшно мне отчего-то, а меня напугать, сами понимаете, непросто. Но вот ведь привелось.

5

«Ну вот я и дома», – подумал Карл с улыбкой.

Его дом был уже виден в конце улицы, и возникшая у Карла мысль была, в сущности, простой констатацией факта. Все просто: шаг вперед и еще один шаг, он поворачивает за угол и видит вдалеке дом, который на время стал его домом. Ничего особенного, но случайная мысль заставила Карла насторожиться и задуматься о вещах, казалось бы, отвлеченных и с содержанием предыдущей мысли не связанных.

Карл знал, что у некоторых слов есть способность облекаться плотью снов, у других – становиться явью. Как бы то ни было, но разумный человек не станет бросаться словами, даже если он не Филолог и ему неведомы сокровенные тайны созвучий и смыслов. Сами Фиолетовые, вероятно, могли бы рассказать о словах много такого, о чем и не догадываются непосвященные, то есть абсолютное большинство людей, но кланы молчат, не раскрывая своих секретов. Молчат и Филологи, опасаясь, по-видимому, что их конструкции и правильные выражения однажды могут стать острыми ножами в их собственных спинах. Однако есть вещи, которые знают все. «Не поминай лихо», – говорят в Приморье. И правильно говорят, потому что опыт поколений может чему-то научить даже самого твердолобого невежду. «Не злословь, не богохульствуй», – требуют адепты почти всех религий, известных Карлу. И тоже, вероятно, неспроста. «Хочешь добра – говори о нем чаще», – поучают старики и здесь, на побережье, и на Высоком хребте, и в Загорье. Даже Леон из Ру, для которого слова всегда были точно таким же инструментом, как нож для сапожника или меч для солдата, даже он был согласен с мудростью стариков и, играя словами, всегда был осмотрителен и, пожалуй, даже осторожен.

«Леон?» – с удивлением подумал Карл. Что ж, вполне вероятно. И это многое могло бы объяснить.

Но думать сейчас о Мышонке ему было лень. Он думал о другом. Не наделил ли он случайно жизненной силой некое внутреннее, возможно, им самим не осознаваемое желание, когда объяснял Деборе, что этот чужой дом в чужом для них городе – *их* дом?

Тогда не иначе как на пороге меня должна встречать хозяйка, с чувством неожиданной печали подумал он и постучал в дверь.

6

– Будешь ужинать? – спросила Дебора, когда он вошел в дом.
– Буду, – коротко ответил Карл, ставя к стене мольберт, и снял плащ. Уже наступил вечер. Смеркалось.

Карл прошел к кадке с водой, но Дебора опередила его и, схватив ковш, зачерпнула воды. Карл посмотрел ей в глаза и встретил уверенный взгляд серых глаз. Дебора не улыбалась, но

улыбка жила в ее глазах, готовая выйти наружу, но до времени спрятанная за невозмутимым выражением лица.

Так быстро? – удивился Карл.

– Спасибо, – мягко сказал он вслух и улыбнулся.

Губы Деборы дрогнули. Мгновение – и она улыбнулась тоже.

– Где ты пропал? – спросила Дебора, выливая воду в его подставленные ладони.

«Она ревнует? Быть этого не может!»

– Рисовал даму Садовницу. – Он замолчал, ополаскивая лицо.

– Целый день?! – Дебора снова зачерпнула воду.

– Отчего же! – усмехнулся он в ответ. – Еще я гулял.

– Похоже, ты можешь гулять целыми днями, – насмешливо вставила она, пока он мыл лицо.

– Могу, – ответил он, принимая из ее рук кусок чистого полотна. – Чем ты угостишь меня сегодня?

– Посмотрим, – лукаво улыбнулась Дебора. – Увидим... Садись, Карл, я буду тебя кормить.

На этот раз его ожидала уха из морской рыбы и свинина, тушенная в сметане, и копченые ребрышки, и крепкое, почти черное вино из Прага, и соленый овечий сыр, и...

– У кого ты покупаешь такой великолепный хлеб? – спросил Карл, прожевав очередной кусок мяса.

Дебора сидела напротив него, по другую сторону стола, и с улыбкой, блуждавшей по ее дивным губам, смотрела на то, как он ест.

– Хлеб и в самом деле замечательный, – согласилась она. – А покупаю я его в пекарне, что в конце улицы. К слову, булочник говорит, что он тоже родом из Линда, но твоего имени не помнит.

– И немудрено. – Карл сделал глоток вина. – Линд – большой город, да и я давно его покинул.

– И что же ты, Карл, делал, после того как покинул Линд? – спросила она и неожиданно начала краснеть.

– Шел, – пожал он плечами, не сводя с нее глаз. – Потом снова шел... О чем ты подумала?

– Я обязана отвечать? – Впервые в ее голосе проступил гнев.

– Нет, – тихо ответил он. – Не обязана, но мне очень хотелось бы об этом знать.

Дебора смотрела на него и молчала.

– Ты очень красивая женщина, – сказал он по-прежнему тихо. – И необычная. Ты говоришь, как загорянка, но родилась ты на дальнем западе. Я думаю, где-нибудь близ Больших Озер – ведь так?

Дебора не ответила. Она молча смотрела на него, и в ее серых бездонных глазах полыхал такой неслышанный пожар, что впору было испугаться собственной дерзости, но Карл никогда не отступал.

– Ты не умеешь варить суп из морской рыбы, Дебора, – улыбнулся он. – Тунца варят по-другому. Но ты умеешь варить озерную рыбу, и именно так ее варят в Новом Городе.

Краска отлила от ее лица, но она не смутилась.

– Далеко же ты зашел на своем пути, Карл Ругер, – сказала Дебора. Звонкий ее голос огрубел от волнения.

– Тебе ли удивляться, Дебора? – улыбнулся он в ответ.

– Я подумала о том, что уже вечер, – сказала она вдруг. – И, значит, скоро ты снова меня обнимешь.

– Это хорошо, что ты так подумала, – ответил он.

– Почему?

– Потому что я тоже об этом думал.

7

Явь обратилась в сон, и сон стал продолжением яви, но в какой-то момент Карл понял, что женщина, которую ласкают его руки, это не Дебора. Его Дебора осталась за гранью сна, и грудь, которую он покрывал поцелуями, была не ее грудью. Все изменилось. Все обратилось во что-то другое. Во всем крылся обман. Исчезли запахи, и с ними пропал одуряющий, сводящий с ума запах Деборы, запах ее волос, напоминавший ему ароматы степных трав в разгаре весны и летние запахи лилий в заводях тихих озер запада. Исчез запах ее желания, и запах их любви исчез, и в пресном, лишенном запахов и самой жизни мире ночного морока, Карл сжимал в объятиях тело чужой и совсем не нужной ему женщины. И ей он был не нужен. Вернее, Карл, несомненно, был ей нужен, но совсем не так, как нужен влюбленной женщине любящий ее мужчина. В ней не было страсти, и желания в ней не было тоже. Женщина отдавалась ему так, как если бы выполняла абсурдную, скучную, но необходимую работу. Он хотел узнать, кто она, но крепкие руки прижимали его лицо к безупречной груди, не позволяя рассмотреть лицо. Но тела этого он не знал тоже, потому что был с этой женщиной впервые.

Такое положение дел устроить Карла не могло. Он не привык быть игрушкой в чьих-либо руках и не желал этого даже пробовать. Раздражение, возникшее в его душе из-за бесцеремонности чьего-то постороннего вмешательства в его жизнь и в его чувства, быстро превратилось в гнев, и Карл разорвал сковывавшие его объятия. Принуждение лопнуло, как лопаются в шторм туго натянутые швартовочные канаты, и сон истаял. И вместе со сном исчезла женщина, которую он только что обнимал, но зато к нему вернулись свобода воли и вещный мир. И Дебора, тихо дышащая во сне рядом с ним. От нее шло живое тепло, и ее запахи были теми, которые он ожидал и хотел слышать.

Карл открыл глаза. В комнате было темно, но он видел все детали необычайно отчетливо. Такое с ним уже случалось, и он не удивился. Болела голова, но и это вполне понятно. Колдунья, которая попыталась овладеть им, была необычайно сильна, и можно только гадать, какая цель могла заставить такую сильную женщину тратить свой Дар на такие пустяки.

Или, спросил он себя, вставая с постели, судьба бросила кости?

Он оделся и спустился вниз. В доме было тихо. Тихо было и на улице, только где-то далеко лаяли собаки. Карл остановился посередине кухни и прислушался к себе. Голова все еще была тяжелой, но боль отступила. А вот обострившиеся чувства продолжали питать его мозг массой слишком точных и ненужных ему сейчас подробностей, но с этим можно было мириться. Во всяком случае, это Карлу не мешало. Особенно ночью.

Не зажигая света, Карл налил себе бренди и, раскурив трубку, сел около большого кухонного стола. Полночь миновала, но, в любом случае, идти этой ночью в гавань он не собирался. Сердце, растревоженное ночным кошмаром, уже успокоилось, и, судя по всему, никто сегодня не звал его в неведомую даль.

Несколько минут Карл просто сидел около стола, курил, отпивал время от времени бренди из тяжелого серебряного стаканчика и думал. Потом у него появилась одна странная на первый взгляд идея, которую, тем не менее, стоило проверить, тем более что спать он уже не хотел и заняться ему сейчас было нечем. Подниматься наверх не хотелось, но тут Карл вспомнил, что, возвратившись вечером домой, он оставил мольберт здесь, внизу. В мольберте же было все, что могло теперь понадобится.

Он встал, пошел к мольберту, открыл его и вынул чистый лист бумаги и свинцовый карандаш. Вернувшись к столу, Карл положил бумагу на стол, взял в руку карандаш и уставился в окно. За маленьким оконцем, в частый свинцовый переплет которого было вставлено настоящее стекло, смутно виднелся дом на противоположной стороне улицы. Память Карла услуж-

ливо дополнила недостающие детали, и он как будто наяву увидел этот дом, причем не так, как его можно было увидеть из этого именно окна, а так, как он увидел бы фасад дома, находясь от него метрах в пятидесяти. Ничего примечательного в этом доме не было, но Карл заставил себя рассматривать его снова и снова, как если бы намеревался этот дом теперь нарисовать. Между тем его рука, предоставленная сама себе, чиркала что-то на листе бумаги, но думать об этом Карл себе запретил.

Через несколько минут он почувствовал, что рисунок готов, и быстро, даже не взглянув на него, сложил бумагу и сунул в боковой карман камзола. Было любопытно, конечно, что же он там такого нарисовал, но Карл привык ждать и умел это делать без сожаления.

Самое любопытное, что, закончив рисунок, он почувствовал, что снова стал самим собой. Прошла голова, ночь стала ночью, и его спокойное сердце уверенно билось в груди. И сразу же, как только он это почувствовал, выяснилось, что усталость прошедшего дня никуда не делась, и ночь позвала его в постель.

8

Однако лечь спать не получилось. В тот момент, когда Карл встал из-за стола, намереваясь вернуться в спальню, в дверь постучали. Стук был тихий, но уверенный, и Карл понял, что человек, стучащий в дверь его дома, знает, что он не спит и находится недалеко от двери.

«Нашел время», – усмехнулся Карл и пошел открывать.

За дверью стоял высокий мужчина в темном плаще, но Карл не сомневался, что, будь сейчас светло, плащ оказался бы красным.

– Доброй ночи, – вежливо сказал Карл незнакомцу и выжидательно посмотрел ему в лицо.

– Доброй ночи, – ответил тот. – Мое имя Павел, и я принес вам вызов на поединок от известного вам мастера Яна.

– Ночью? – улыбнулся Карл.

– А чем вас не устраивает ночь, мастер Карл? – Павел был спокоен и не склонен шутить.

– То есть вы не только принесли мне вызов ночью, но предлагаете ночью драться? – уточнил Карл.

– Именно так, – кивнул Кузнец.

– Почему вы полагаете, что я приму вызов? – спросил Карл.

– Потому что ставкой мастера Яна является вот это. – Павел протянул Карлу пергаментный свиток, с которого на длинных лентах свисали три печати.

– Что это? – Голос Карла, когда он принимал свиток, выражал полное отсутствие интереса к возможному ответу.

– Это разбор вашего дела, составленный тремя самыми уважаемыми судьями Сдома. – Павел Кузнец говорил равнодушно, как бы по обязанности или только приличия ради. – Они пришли к выводу, мастер Карл, что в вашем случае князь Семион допустил восемь нарушений законов вольного города Сдома и процессуальных норм, принятых в его юридической практике. Если вы откажетесь драться, завтра протест будет внесен в княжескую судебную палату и делу будет дан ход.

– А если я убью мастера Яна? – спросил Карл.

– Исход поединка не является темой для обсуждения, – пожал плечами Павел. – Вы соглашаетесь на поединок и выставляете в качестве залога меч мастера Яна, он отвечает этим документом и словом Мастера никогда более не возвращаться к этому щекотливому вопросу. Это все.

Павел не просил и не угрожал. Он объяснял.

– Где? Когда? – не меняя тона, спросил Карл и положил свиток в карман.

- Через полчаса в муниципальном саду. Это недалеко отсюда.
- Ждите меня здесь, – кивнул Карл и закрыл дверь.

Он постоял секунду, затем быстро, но тихо, поднялся наверх и забрал свой меч. Спустившись обратно, Карл пристегнул меч к поясу, набросил плащ и, подойдя к столу, медленно, со вкусом, допил свой бренди. Затем так же не торопясь, он выбил трубку, набил ее по новой и закурил. Только после этого он вышел из дома и присоединился к терпеливо ожидавшемуся его на улице Павлу.

- Я в вашем распоряжении, мастер Павел, – сказал Карл.
- Следуйте за мной, – равнодушно откликнулся тот и добавил: – Пожалуйста.

9

Ян ожидал их на большой лужайке в муниципальном саду. Луна уже сильно склонилась к западу, и здесь, среди деревьев, было сумрачно, но возражений против ночного поединка у Карла было не больше, чем против дуэли ярким днем.

- Я предлагаю смертный бой, – сухо сказал Ян, сдержанно поклонившись Карлу.
- Не принимаю, – ответил Карл, кланяясь в свою очередь.

– Как угодно. – Ян, видимо, понял, что настаивать бесполезно. – Вы принесли залоговое письмо?

– Естественно. – Карл достал из кармана пергамент с залоговым письмом, составленным в ломбарде Семьи Шауль, и передал его Павлу.

- Приступим? – спросил Ян, сбрасывая плащ.
- В вашем распоряжении, – ответил Карл и тоже снял плащ.

Он уже с минуту рассматривал своего противника, и теперь положение дел было ему более или менее понятно. Нельзя сказать, что увиденное его напугало, но равнодушным не оставило. Кожа Яна слабо светилась в темноте, его глаза тоже. Это было как будто и неплохо, если не знать, что это свечение может означать. Ян был буквально переполнен Силой, настолько полон ею, что она заставляла в прямом смысле светиться его кожные покровы, порождая бледное, но тем не менее отчетливое зеленоватое сияние.

О том, что ошибки нет и это именно то, о чем он сразу подумал, Карл доподлинно узнал, приблизившись к Яну на три шага. Покалывание в висках сразу усилилось.

Ян поклонился еще раз, сделал шаг назад и отсалютовал сопернику уверенно вскинутым вверх мечом. Карл повторил его движения, лишь чуть изменив их рисунок. Ян был северянином или жил здесь достаточно долго, чтобы перенять культурные традиции северного побережья. А Карл давным-давно принял южный – загорский – стиль, хотя родился и вырос как раз на севере. Но, как бы то ни было, мечи взлетели вверх, и поединок начался стремительной атакой Яна.

Как и в прошлый раз, Ян ударил резко, без подготовки, нацеливаясь на быстрый, хотя и лишенный внешних эффектов, финал. Карл, однако, выпад парировал, показывая, что случившееся на Гончем поле не было случайностью. Впрочем, Кузнец чего-то подобного, по-видимому, ожидал и не был ни удивлен, ни разочарован. Сегодня он дрался всерьез. Карл тоже не шутил, понимая, что имеет дело с опытным фехтовальщиком, к тому же колдуном.

В течение нескольких десятков секунд они кружились во все ускоряющемся танце поединка, стремительно взвинчивая и без того невероятно быстрый темп и демонстрируя друг другу все более сложные и редкие фехтовальные приемы и их почти невозможные связки. А потом воздух ночи вздрогнул – и силуэт Яна растворился в сгустившемся сумраке. Ян не исчез вовсе, он как бы продолжал быть здесь и сейчас, но в то же время его здесь не было. Было какое-то слабое мерцание на границах полей зрения, была невнятная, ускользающая от взгляда тень среди других теней, было чистое движение, лишенное вещественных примет, которое улавли-

вали не глаза, а... чутье? Возможно, что это было чутье, но Карл не мог позволить себе сейчас философствовать. Он напряг все чувства до предела, ускорился еще больше, вычерпав до дна все резервы своего организма, и отразил две атаки противника, когда меч Яна возникал из ниоткуда и моментально оказывался там, где мгновение назад билось сердце Карла. Долго так продолжаться не могло, и Карл, ясно осознававший, с чем ему пришлось встретиться, сделал то, чего не делал давным-давно. Не делал не только и не столько потому, что в этом не было нужды, а потому, что делать это ему было неприятно, пожалуй, даже омерзительно. Но, когда нет выбора между хорошим и плохим, выбирать приходится между плохим и... много худшим.

Карл резко разорвал боевой контакт, далеко отскочив назад и в сторону, стремительно крутнулся на месте, изменив траекторию своего движения, и вдруг замер. Глаза его были закрыты, а отпущенное на волю воображение молниеносно рисовало в плотной тьме, поглотившей окружающий мир, руку, сжимающую рукоять дорогого кавалерского меча. Белая напряженная рука проявилась во мраке, и, не рассуждая, не пытаясь понять, куда нацелено острие меча Яна, Карл нанес стремительный удар.

Ян закричал, и Карл открыл глаза. Перед ним, обхватив левой рукой правую, искаленную и окровавленную, корчился Ян. Он больше не мерцал, свечение его кожи погасло, он страдал и был занят теперь исключительно своим страданием. Терпеть боль этот надменный человек не умел.

Карл нагнулся, подобрал с земли меч – это был уже второй меч Яна, ставший его законной добычей, и повернулся к Павлу, спешившему оказать Яну помощь.

– Залоговое письмо, – напомнил Карл холодно.

Кузнец его понял и не стал возражать. Он быстро достал из кармана свернутый в трубочку пергамент, отдал Карлу и бросился помогать своему другу. Карл аккуратно положил свиток во внутренний карман камзола, который он так и не снял, подобрал свой плащ и пошел прочь. Он чувствовал страшное опустошение. Силы почти оставили его, и Карлу пришлось сделать огромное усилие, чтобы вернуться домой. В муниципальный сад он шел чуть меньше получаса. Возвращался он почти два часа, преодолевая искушение упасть на камни мостовой прямо там, где сейчас находился, и забыться мертвым сном. Упасть и заснуть, чтобы не помнить бархатистого мрака вечной ночи, в которой силой его проклятого воображения рождалась новая реальность.

Он все-таки дошел. Уже начинался рассвет, когда он вошел в свой дом. Дебора, завернутая в одеяло, с зажженной свечой в одной руке и тесаком для рубки дров в другой, стояла посередине кухни.

– Бренди, – прошептал Карл, оседая на пол. – Много бренди.

Перед его глазами уже сгустилась темнота.

– И не давай мне спать, – попросил он из последних сил. – Говори...

10

– Лей! – приказал Карл, склоняясь над бочкой на заднем дворе, и Дебора вылила ему на голову ведро холодной воды.

К сожалению, вода была не настолько холодна, как ему хотелось бы, но выбирать не приходилось.

– Еще, – попросил он, и Дебора опрокинула на него второе ведро.

Волна прохлады омыла уставший мозг Карла и, если не выдернула окончательно его сознание из трясины обессиливающего морока, как сделала бы это ледяная вода, то, во всяком случае, освежила, дав силы для следующего шага.

– Спасибо, – сказал Карл, выпрямляясь.

Вода лилась с него ручьями. Штаны и рубашка сразу стали мокрыми, и озноб робко прошелся своими тонкими холодными пальцами по позвоночнику.

– Иди, – сказал он Деборе, начиная стаскивать через голову рубашку. – Я буду... танцевать.

Мокрая рубашка полетела в сторону, и Карл взялся за пояс.

– Ты уверен? – осторожно спросила Дебора. – Я имею в виду, что ты... Ну, ты ведь только что...

– Был никакой, – усмехнулся Карл. – Ты права, но, если оставить все, как есть, будет только хуже. Иди, я буду танцевать голым.

– С каких это пор ты стал стеснительным, Карл? – усмехнулась Дебора.

– Оставайся, – пожал он плечами и стащил с себя прилипающие к коже штаны. – Только принеси мне, пожалуйста, меч и смотри на здоровье.

11

– И все-таки, тебе лучше остаться дома, – сказала Дебора, когда после завтрака он стал собираться в город. – Не знаю, что случилось ночью, но думаю, тебе стоило бы немного отдохнуть.

– Ерунда, – отмахнулся Карл. – Я уже в полном порядке.

«Ты в этом уверен?» – спросил он себя, еще не закончив отвечать Деборе, и вынужден был признать, что, скорее всего, права она, а не он. Но в том-то и дело, что, кто бы из них ни был прав, существовала еще одна правда, которую приходилось принимать в расчет. Карл не хотел ломать ритм. Разрушать гармонию повседневности не есть хорошо вообще, а нынче – и того хуже. Какая интрига закручивалась теперь в Семи Островах, оставалось для Карла пока неясным. Не то чтобы не было у него на этот счет предположений, но предположения потому так и называются, что не являются истинными ответами. А Карл не знал даже того, в одной интриге он увяз или в нескольких. В любом случае, кто-то – один или несколько неизвестных ему игроков – пригласил Карла на партию, забыв сообщить об этом ему самому, точно так же как и то, в какую именно игру они играют и каковы ее правила. И значит, единственное, чего он не мог себе позволить, это идти на поводу у событий. Везде, где только можно, следовало ломать рисунок выстраиваемой этими неизвестными игроками интриги. А самое простое, хотя иногда и нелегкое средство, которое всегда под рукой, – это вопреки всем обстоятельствам жить так, как если бы ровным счетом ничего не произошло.

– Ты же видишь, – сказал Карл встревоженной Деборе, – я в полном порядке: свеж и полон сил.

– Ты не спал ночь, – ответила Дебора, обмануть которую, после того что она видела на рассвете, было непросто.

– Я не спал много ночей, – усмехнулся Карл. – И знаешь, у меня бывали такие утра, когда мне предстояло драться не на жизнь, а на смерть, а не рисовать скучающих красоток.

12

Анна жила в маленьком особнячке на берегу узкого и извилистого пролива, разделявшего Вторую и Третью Сестер. Место здесь было довольно низкое и влажное, а в воздухе чувствовались запахи горячего металла и сгоревшего угля. Над арсеналом, находившимся всего в трех кварталах от дома Анны, поднимались дымки, а у причалов Арсенальной гавани стояли пузатые барки, по-видимому, привезшие во владения Кузнецов уголь и железную руду, медь и олово, древесину и свинец с континента. Народ на улицах выглядел более суровым и замкнутым, чем в других районах города, и общая атмосфера, царившая на улицах, больше

соответствовала рабочему дню, чем, скажем, суета в квартале художников. Однако там, где жила дочь Кузнеца Анна, улицы были почти безлюдны, но зато они были чище и зеленее, чем вокруг арсенала.

13

– Итак, – Карл смотрел на Анну равнодушным взглядом мастера, не нуждающегося в заработке, но пришедшего к заказчику из одной лишь вежливости, – что бы вы хотели получить за свои деньги, госпожа Анна?

– А что вы можете предложить, мастер Карл? – Анна была насмешлива и даже иронична. Вернее, такой она желала перед Карлом предстать. На самом деле она была взволнована и, возможно, расстроена. Пожалуй, даже зла. Естественно, она пыталась скрыть свои чувства, но то ли из-за молодости и неопытности, то ли из-за живости своего характера надеть настоящую маску Анна не сумела. Все было видно, все скрытое проступало через напускную веселость и заемную иронию.

– Все! – вежливо улыбнулся Карл, которому этот необязательный визит был скучен и тягостен. Сегодня он с удовольствием просто остался бы дома.

Это старость? – с удивлением подумал он. – Или Судьба уже все за меня решила?

– Все! – повторил он вслух. – Все, что пожелаете, и даже больше того.

– Вот как? – В ее взгляде плясали всполохи далекого пожара. – Коварная колдунья?

– Колдунья? – переспросил Карл. – Еще нет, пожалуй.

– Что?! – Ее брови взлетели вверх, и гнев окрасил румянцем высокие скулы.

И с таким темпераментом ты пытаешься повелевать огнем? Карл был удивлен и, пожалуй, даже разочарован.

– Я не имел в виду ваши способности, моя госпожа, – сказал он примирительным тоном. – Я только отметил, что образ колдуньи еще не сформировался. Это пока не для вас.

Он поклонился.

Анна испытующе смотрела на него, пытаясь, видимо, понять, что он имел в виду на самом деле. Но этого он пока не знал и сам. Интуиция – капризный инструмент, пользоваться ею непросто. Порой она позволяет заметить то, что скрыто от разума и осознанного внимания, но повелевать интуицией невозможно.

– Тогда, – сказала она задумчиво, – может быть, портрет знатной дамы?

Сейчас она обидится на меня по-настоящему, решил Карл и сказал то, о чем поведало ему его чутье.

– Вы не дама, Анна, – сказал он ровным голосом. – Вам едва исполнилось шестнадцать, – пояснил он, видя, как гнев зажигает пламя в ее глазах.

– Ах, это! – Кажется, Анна искренне расстроилась, оценив свою оплошность.

– Не только, – улыбнулся Карл. – Вы ведь дочь крестьянина, Анна, не так ли?

– Откуда вы знаете? – Она не закричала, а напротив, понизила тон, но зато у Карла закололо в висках.

– А я и не знаю, – ответил он равнодушным тоном. – Я так вижу.

– У вас есть Дар? – Казалось, Анна напугана.

– Не в том смысле, который вы вкладываете в это слово, – покачал головой Карл. – Просто я художник. Это тоже дар, только это слово пишется с маленькой буквы.

– Вот как! – усмехнулась Анна, успевшая, похоже, быстро прийти в себя.

Боги! – понял вдруг Карл. – Так вот в чем дело! Она изменчива и непостоянна, как пламя...

– И что же, Карл, вы увидели еще?

– Не знаю, – пожал плечами Карл. – Обычно мое видение воплощается в рисунке, а не в словах. Но мы еще не решили, какой именно портрет вы хотите получить.

– Вы правы, – легко согласилась Анна. – Может быть, обнаженная красавица?

На самом деле позировать ему голой она не желала. Более того, Карл чувствовал, что сама мысль предстать перед ним обнаженной вызывает у Анны отвращение.

«Любопытно, – решил он. – Похоже, я был не прав, и этот визит может оказаться гораздо интереснее, чем можно было представить».

– Это не оригинально, поверьте, – сказал он вслух. – Знали бы вы, моя госпожа, у скольких знатных красавиц висят в потаенных местах такие вот портреты!

– И всех их рисовали вы?! – Она была потрясена, никак не меньше.

– Только некоторых, – успокоил Анну Карл. – Причем большинству даже не пришлось для этого обнажаться.

– Как это возможно? – Любопытство оказалось сильнее раздражения.

– Иногда я придумываю им такое тело, какое, на мой взгляд, они хотели бы иметь, – спокойно объяснил Карл. – А иногда мое воображение способно воссоздать природу, ведь наше тело есть лишь часть нас.

Надо признать, ответ Карла вряд ли можно было счесть исчерпывающим, но лучше ответить он не умел. Творение – неосознанный процесс.

– Тогда что? – Анна испытывала растерянность, и чувство это ей было неприятно.

– Если у вас нет никаких ясных пожеланий, – предложил он, – давайте начнем рисовать. Иногда наброски сами указывают на то, во что они могут превратиться.

– Хорошо, – согласилась Анна, хотя было очевидно, что сомнения ее не оставили. – Я должна стоять или мне можно сидеть?

– Пойдите немного, если это вас не затруднит, – попросил Карл, раскладывая мольберт. – Потом вы сможете сесть в кресло или на стул, и я сделаю еще несколько набросков. Это возможно?

– Разумеется, – благосклонно кивнула Анна, вновь вошедшая в роль знатной дамы. – Если не возражаете, я обопрюсь о стол или вот об этот пюпитр.

– Опирайтесь, – кивнул Карл, который уже начинал чувствовать дыхание божественного ветра. – Стойте так, чтобы вам было удобно.

Пока он закреплял лист, Анна успела перепробовать несколько разных мест, но в результате остановилась на самом первом предложении – встала около небольшого стола, опершись левой рукой на его восьмигранную столешницу.

– Благодарю вас, Анна, – сказал Карл рассеянно. – Постарайтесь не двигаться, я рисую быстро, и это не должно продлиться слишком долго.

На самом деле это были пустые слова, потому что ни время, ни желания Анны его больше не волновали. Там, где он находился сейчас, все это было несущественно.

14

Закончив работать, Карл быстро перебрал сделанные наброски и не удивился, обнаружив на последнем совсем не то, что должно было там быть. Этот последний рисунок он перевернул и оставил на мольберте, а остальные со сдержанным поклоном протянул Анне.

– Посмотрите, госпожа Анна, – сказал он и улыбнулся. – Возможно, рассмотрев эти наброски, вы сможете определиться с заказом.

Анна едва не выхватила листы из его рук. Ей потребовалось значительное усилие воли, чтобы остаться в рамках приличий, но Карл видел – она сгорает от нетерпения и любопытства.

– Спасибо, мастер Карл, – сказала она через минуту, отложив наконец в сторону первый лист. – Я знаю, что хороша собой, но вы сделали из меня настоящую красавицу.

- И нигде не погрешил против истины, – снова улыбнулся он.
- Допустим. – Она тоже улыбнулась и посмотрела на второй рисунок.
- Краска почти мгновенно залила ее лицо, и она резко подняла взгляд на молча ожидавшего ее реакции Карла. В глазах ее светился гнев, но заговорила Анна ровным голосом.
- Что это значит? – спросила она.
- Что именно? – Карл подошел ближе и посмотрел на рисунок. – Вас что-то не устраивает? – спросил он, поднимая взгляд на Анну.
- Вы что, можете видеть сквозь платье? – Возмущение боролось в ней с любопытством.
- Я? – Карл в удивлении поднял бровь. – С чего вы взяли?
- Откуда же вы знаете, как я выгляжу... – Анна запнулась, подыскивая подходящее слово, – без него?
- Она уже успокоилась. Любопытство победило гнев.
- А я и не знаю, – развел руками Карл. – Откуда же мне знать? Я лишь предполагаю.
- До такой степени, что даже все родинки на своих местах?! – усмехнулась она.
- Мне просто показалось, что они будут уместны именно там, где я их изобразил, – объяснил он.
- Допустим. – Она ему не поверила, но и доказательств обратного у нее не было.
- Анна отложила второй лист и посмотрела на третий.
- Вы полагаете, что я ведьма? – спросила она еще через минуту.
- Почему вы так решили, Анна? – мягко поинтересовался Карл.
- Потому что только их сжигают на кострах... В Дарме, кажется, до сих пор?
- Она смотрела на него без гнева и раздражения. Сейчас Карл видел в ее глазах только любопытство.
- Вы правы, – улыбнулся он. – В Дарме живут истинные варвары, но вы неправильно интерпретировали мой рисунок. Вы не горите, а живете в огне.
- Ах вот оно что! – Кажется, Анна удивилась еще больше. – Интересно.
- Она вернулась к рисунку и несколько минут внимательно его изучала. Потом отложила в сторону и посмотрела на последний лист. Краска сошла с ее лица так же мгновенно, как несколькими минутами раньше залила его.
- Кто стоит за моим плечом? – тихо спросила Анна, не поднимая взгляда.
- Не знаю, – ответил Карл. – Но мне показалось, что он есть. Я не ошибся?
- Почему ты не убил Яна? – Голос ее был по-прежнему тих, но в нем чувствовалось огромное напряжение.
- А ты считаешь, что я должен был его убить? – спросил Карл, выделив интонацией слово «должен».
- Да. – Она все еще смотрела на рисунок.
- Значит, ты ошиблась, колдунья, – твердо сказал он в ответ. – Или увидела неправильно, или поняла увиденное неверно. Я не убью Яна.

Глава четвертая

День удачи

1

Покинув Анну, Карл уже знал, что будет делать дальше. Если ты атакован, то самое плохое, что может с тобой случиться, разумеется, кроме смерти и поражения, это превратиться в жертву. «Атакуй немедленно», – говаривал в таких случаях маршал Гавриель. Он знал, что говорил, потому что именно так всегда и поступал. Вопрос, однако, заключался в том, что не всегда

можно с определенностью сказать, кто должен быть атакован в ответ на произошедшее нападение. Впрочем, мир не без добрых людей, и славный кондотьер Гектор Нерис сказал как-то, что если не знаешь, куда бить, рази все, что движется, – авось и твой враг окажется под ударом.

Карл миновал одну улицу, потом другую по наитию, держа общее направление на восток, и, проплыв минут десять по пустынным в этот час улочкам и переулкам Кузнечной стороны, вышел в конце концов на широкую мощенную булыжником площадь перед Железным домом. Несмотря на столь многообещающее название, Великий Мастер клана Кузнецов жил в обычном дворце, окруженном высокой каменной стеной. Многочисленные деревья, росшие между этой стеной и самим зданием, не позволяли рассмотреть дворец в деталях, однако его фасад был хорошо виден с площади через широкие кованые ворота. Постояв пару минут на площади, Карл решил, что здание излишне тяжеловесно и неоригинально, хотя и роскошно. В целом дворец Игнатия Карлу не понравился, но это было неважно, так как жить в нем он не собирался.

Подойдя к воротам, Карл сдержанно поклонился молодому Кузнецу, несшему при них караул, и попросил передать Игнатию Кузнецу, что Карл Ругер из Линда желает его видеть по важному и неотложному делу. Он так и сказал – «Игнатий Кузнец», умышленно опустив титул Великого Мастера.

От этих слов Кузнец побледнел, но, надо отдать ему должное, это было единственное проявление удивления, граничащего с ужасом, который он, несомненно, испытал, должен был испытать. Смерив Карла быстрым оценивающим взглядом, караульный молча поклонился и, придерживая эфес меча левой рукой, поспешил к воротам и там позвонил в висевший сбоку колокольчик. Звук получился тихий, и вряд ли его можно было услышать уже в десяти – пятнадцати шагах от ворот. Однако колокольчик был, по-видимому, не простой, потому что не прошло и пяти минут, как из маленькой дверцы в стене дворца появился другой вооруженный Кузнец и, приблизившись к воротам, спросил Карла, что тому угодно. Выслушав ответ, он тоже удивился, но, подумав, все-таки пригласил Карла пройти во дворец. Ворота бесшумно открылись, вернее, приоткрылись, и Карл прошел на территорию резиденции. Еще через пять минут он находился уже в приемной зале дворца и повторял свое странное послание некоему полноватому Кузнецу, наделенному, судя по всему, особыми полномочиями.

– Передайте, мой друг, его милости, – Карл добродушно улыбнулся, – что, если он болен или умер и поэтому не может принять меня немедленно, в следующий раз ему придется умолять меня о встрече, стоя под моей дверью. Это все.

Кузнец, казалось, не удивился, услышав более чем неуместные в этих стенах слова. Он только сдержанно кивнул в знак того, что услышал, и, попросив: «Подождите меня, пожалуйста, здесь, мастер Карл», – быстро скрылся за плотно закрытыми дверями, ведущими куда-то в глубину резиденции, и Карл остался в приемной один.

Он огляделся, выбрал кресло, из которого мог видеть все двери сразу, и, устроившись в нем, раскурил трубку. Приемный зал был высок и просторен, пол каменный, а стены и потолок расписаны фресками. Помещение показалось Карлу очень старым, доставшимся относительно новому зданию от прежнего, построенного тогда, когда применялась совсем иная техника каменной кладки, то есть не менее чем три века назад. Каменные плиты полов кое-где стерлись, а некоторые из них потрескались. Трещины, иногда весьма основательные, виднелись и на фресках, темных от времени и свечной копоти. Краски на них потускнели и выцвели, но сюжеты росписей были весьма любопытны, а мастерство художников, которые здесь когда-то работали, впечатляло, даже несмотря на нынешнее состояние их творений.

Стена, которую Карл сейчас видеть не мог, так как она находилась за его спиной, предлагала вполне ожидаемый в цитадели Кузнецов сюжет: горящие горны, молотобойцы и мастера, застигнутые взглядом художника в момент наивысшего напряжения и упоения созидательным трудом, инструменты и оружие, горячий металл и, естественно, огонь. Огня на фреске было

много. Все это Карл успел рассмотреть, едва войдя в зал. Теперь, сидя в кресле и неторопливо покуривая трубку, он изучал другие фрески.

Слева от него была роспись на сюжет песни о Большой Рыбе. Разбеленные цвета, лаконичная, намеренно упрощенная до крайности техника, которой пользовался художник, простая, несколько статичная композиция и характерная вытянутость тел изображенных на фреске людей однозначно указывали на авторство Николая из Фары. Кроме того, это была единственная здесь роспись по сухой штукатурке, сделанная красками, затертыми на известковом молоке. Карлу приходилось уже видеть фрески Николая, и, хотя он не любил стиль упрощенцев, все-таки отдавал должное мастерству уроженца загорской Фары. Чего Карл прежде не знал, так это того, что однажды странствия – а мастер Николай из Фары странствовал всю жизнь – завели художника, жившего более трех веков назад, так далеко от дома.

На противоположной стене и на потолке были изображены сюжеты, взятые из времен Наместнической войны. Писал их один и тот же не известный Карлу художник, одинаково хорошо умевший изображать людей и животных. Здесь главенствовал рисунок, а не живописные приемы, хотя Карл и догадывался, что в своем первоизданном виде эти фрески могли порадовать знатока и яркостью красок, и выверенным колоритом, что для тех времен, когда создавались эти картины, было редкостью. Намек на плавные переходы полутонов можно было увидеть и сейчас, но о многом все-таки приходилось только догадываться.

Но больше всего заинтересовала Карла фреска, расположенная прямо напротив него. Дело тут было и в сюжете, и в способе, которым его разрешил молодой Василий Вастион. Насчет того, что это была рука Вастиона, никаких сомнений зрителю не оставил сам Василий. Как и на всех других своих фресках, художник и здесь умудрился вписать в оригинальную композицию свой автопортрет. Причем молодой златокудрый воин без шлема – с характерным лицом поморца Василия – стоял, повернувшись к зрителю лицом, так близко к фокусу композиции, как только было возможно. Но дело было не в этом.

Тема Последней Битвы была популярна не только во времена Василия. Писали ее и до, и после него, и сам Карл дважды получал заказы на фрески на этот именно сюжет, но оба раза, подумав хорошенько, отказывался. Дело в том, что Война Гордости случилась – если случилась вообще – так давно, что память о тех временах давно стерлась, как стираются старые монеты, продолжающие ходить по рукам больше отмеренного им природой срока. Что произошло тогда и как все это происходило, не помнил уже никто. В сущности, это была сказка, туманный миф, и это обстоятельство, казалось бы, должно было радовать художника, так как открывало простор воображению. Но, с другой стороны, война людей и темного воинства прочно вросла в плоть всех без исключения этических и мировоззренческих концепций, существующих в мире людей на протяжении всей писаной истории. Впрочем, и сама эта история покоилась на фундаменте выигранной однажды людьми войны. Слова выражали идею Войны Гордости просто и величаво, но, если отбросить поэтическую шелуху, все, что знали об этой войне люди, было несложно сформулировать всего парой фраз. На заре истории произошла война между людьми и нелюдьми. Обе стороны отчаянно сражались за право владеть миром и, значит, за полное уничтожение врага. Последнее, впрочем, скорее всего, относилось только к людям. В дошедшем предании вроде бы содержался намек на то, что нелюди не ставили перед собой цели поголовного истребления рода людского. Но, как заметил по этому поводу Иннокентий Мальца, рабство хуже смерти и позорнее поражения. В любом случае, со временем идея борьбы за выживание получила воплощение в теме борьбы Добра со Злом, Сил Света и Сил Тьмы, и соответственно сюжет Последней Битвы был широко востребован. Однако отсутствие сколь угодно достоверных данных о том, где и когда произошло последнее решительное сражение двух армий, как выглядели нелюди и как были одеты и вооружены люди, привело к тому, что люди на картинах соответствовали представлениям художников об историческом прошлом, а

нелюди всегда изображались монстрами и чудовищами. Карлу это всегда казалось слишком упрощенным решением темы, и упражняться в беспочвенных фантазиях ему было скучно.

Однако Вастион смог его удивить. Во-первых, он изобразил ночное сражение, создав два соперничающих световых центра: полную луну, освещающую поле боя из правого верхнего угла фрески желтовато-серебряным призрачным светом, и факел красно-желтого пламени, взметнувшегося над горящим деревом, расположенным на заднем плане в центре. Во-вторых, он сместил композиционный центр росписи в левый нижний угол, где стоял вождь людей и первый царь Даниил, что породило эффект пространственного конфликта тьмы и света. Тьма буквально нависала над относительно хорошо освещенными людьми, а игра света на их лицах и фигурах доводила драматизм противостояния до кульминации. И наконец, Вастион, изумительно тонко сыграв на световых контрастах, окутал нелюдей покровом мрака, лишив каких-либо реалистичных черт. Сюжет от этого только выиграл, а сила эмоционального воздействия возросла.

Рассматривать эту фреску можно было долго, но вскоре Карла прервали, сообщив, что Великий Мастер готов его принять.

Как жаль, что увидеть все это теперь могу один лишь я, подумал Карл вставая. Да и я, будь на то моя воля, еще посидел бы тут и посмотрел.

Однако сетовать было бесполезно, ведь он пришел сюда за другим. И уже через несколько минут Карл входил в просторный кабинет, обшитый панелями орехового дерева, где его ждал Игнатий Кузнец. Великий Мастер сидел в кресле у горящего камина и смотрел на Карла тяжелым взглядом исподлобья. Было очевидно, что визитом Карла он недоволен, однако кресло для гостя было приготовлено.

– Значит, мне придется скрестись в твою дверь? – спросил Игнатий вместо приветствия.

– Как знать, – усмехнулся Карл, проходя ко второму креслу. – Кто может знать, что с ним случится завтра?

– Угрожаешь? – Старик явно был зол и... напуган?

Похоже, что так, – решил Карл и сел напротив Великого Мастера.

– Предупреждаю, – объяснил он. – Или у меня есть повод тебе угрожать?

– У тебя нет повода, – буркнул Игнатий и откинулся на спинку кресла. – Чего ты хочешь?

– Задать несколько вопросов, – снова усмехнулся Карл. – И дать несколько ответов.

– Спрашивай, – устало разрешил Игнатий, по-прежнему не обращавший внимания на то, что Карл обращается к нему на «ты».

– Кому нужен мой меч? – спросил Карл.

– А сколько они тебе предложили? – поинтересовался Игнатий. – И кто к тебе приходил?

– Ко мне приходил нотариус Павел Гримм, – объяснил Карл. – Последняя цена – пока я не закрыл перед ним дверь, – четыре тысячи королевских марок.

– Сколько времени он торговался? – Казалось, Игнатий ожил. Тема его неожиданно заинтересовала.

– Минут десять, я думаю, – пожал плечами Карл.

– Значит, никак не менее десяти тысяч, – кивнул старик. – Они готовы были заплатить большие деньги.

– Кто? – вернулся к своему вопросу Карл.

– Эфраим или Даниил, – твердо ответил Игнатий.

– Кто они такие? – Карл этих имен еще не слышал.

– Эфраим – сенешаль князя, – объяснил Игнатий. – Но это не князь, а он сам, если, конечно, это он. Эфраим Гордец уже давно играет в собственные игры.

– Гордец? – переспросил Карл. – Ты назвал его Гордецом, почему?

– Потому что раньше его звали Горец, но уже лет десять, как никто его Горцем не зовет. Все называют Гордецом. – Старик был удивлен вниманием Карла к такой, в сущности, незначительной детали, как прозвище незнакомого Карлу человека.

– А как полагаешь, Игнатий, – Карла Эфраим Гордец действительно заинтересовал, и на то имелись веские причины, – как может звучать сокращение от имени Эфраим?

– Не знаю, – пожал плечами Великий Мастер. – Наверное, Эфи или Эф.

– Вот и я тоже думаю, что Эф, – кивнул Карл. – Ну да пусть себе откликается хоть на свист. Кто второй?

– Даниил, – сказал Игнатий. – Филолог.

– Спасибо, – сдержанно поклонился Карл. – Тогда второй вопрос. Кто стоит за плечом Анны?

– Оставил бы ты девочку в покое, Карл, – раздраженно ответил Игнатий, настроение которого снова испортилось.

– Оставляю, – пообещал Карл. – Позже. А пока ты не ответил на мой вопрос.

– Ян. – Чувствовалось, что говорить этого Игнатию не хотелось.

– Спасибо, – снова кивнул Карл. – А что у нас происходит с тоскующим оборотнем?

– Вот ты и узнай, – отрезал Игнатий. – А я не знаю!

– Ну не знаешь так не знаешь, – легко согласился Карл. – Я задал три вопроса, ты ответил. Теперь моя очередь отвечать.

При этих словах Игнатий как будто даже сжался, хотя угрозы в голосе Карла и не было.

– Не знаю, чего хочешь ты, – холодно улыбнулся Карл, – но зато хорошо знаю, чего хочу я. У меня нет желания убивать Яна, Игнатий, и, значит, я его не убью. А цена его меча нынче шесть тысяч золотых, и продам я его только тебе. Это два ответа. Теперь третий. Я буду делать то, что сочту нужным. Ты можешь быть этим недоволен. Это твое право, но мое право предупредить. Не надо мне мешать.

2

На княжеской земле Карл нашел небольшой кабачок, опрятный и тихий, сел за стол у открытого окна, через которое был виден большой кусок сонной в это время дня улицы, попросил хозяина принести ему яблочный бренди и орехи и раскурил трубку. Напряжение ночи отступило, душа успокоилась, и голова окончательно прояснилась. Карл выпустил дым и взял со стола терракотовый стаканчик с бренди.

«Итак, – сказал он себе, – пришло время проверить, не так ли?»

Он нарочито неторопливо опустил руку в карман камзола, достал сложенный вчетверо лист бумаги и так же медленно его развернул. Белая поверхность листа была испещрена множеством хаотичных серых линий, но, если присмотреться, в центре отчетливо виден нарисованный несколькими небрежными штрихами меч. И это не просто меч, а его собственный меч. Ошибиться в этом было невозможно. Карл положил свободную руку на эфес меча и перевел на него взгляд.

«Ну, – спросил он Убивца, – и что же с тобой не так? Ведь не реликвии же они взялись собирать?»

Это был еще один вопрос, который Карлу очень хотелось задать Великому Мастеру, но его он, естественно, не задал. Те, кто хочет получить меч, знают, зачем он им нужен. Возможно, об этом знает и старик Игнатий, но спросить его, значит показать, что единственный, кто находится в неведении, это сам Карл. Поэтому делать этого не следует.

Карл смотрел на меч, а память, как радушный хозяин, уже распахивала двери и зажигала свечи, чтобы осветить самые дальние уголки. Но что ему было там искать?

София

Она зарезала его той же ночью. По-видимому, это случилось между двумя и тремя часами после полуночи, когда утомленный длившимся восемь часов подряд безумием Карл все-таки заснул. Вот тогда она и вонзила ему под левую лопатку длинный треугольный стилет. От резкой боли он проснулся. У него хватило сил понять, что произошло, и вскинуться с постели, на которой он лежал ничком, заснув в случайной позе, в которой застала его мгновенно обрушившаяся усталость. Возможно, впрочем, хотя проверить это предположение было бы сложно, она его чем-то опоила, но вкуса яда он не почувствовал, что было странно. Гипотез могло быть всего две: или у нее имелся сок сребролиста, что было невероятно, или он сам, утомленный любовью и мучимый жаждой, уже не слышал голоса своих чувств. Однако, как ни суди, а случилось то, что случилось. Он заснул и не почувствовал опасности до того самого момента, когда острый, как шило сапожника, клинок вошел в его спину, метя в ровно бьющееся сердце. Тогда он проснулся, но только для того, чтобы увидеть бледное лицо Софии и ее огромные черные глаза, упасть с кровати и потерять сознание.

Он очнулся от холода. Тело заоченело, и неспроста. Когда Карл открыл глаза, то первое, что увидел, был снег, покрывавший пожухлую зимнюю траву. Голова была тяжелой, и мысли – тягучими и неповоротливыми, но все-таки он вспомнил, что теперь на самом деле зима, а подняв выстуженную холодным ветром голову, увидел, что лежит в придорожных кустах у тракта, который, вероятнее всего, являлся дорогой на Сырь. По его ощущениям, уже наступило утро, и солнце, которое невозможно было рассмотреть на низком, обложенном снежными тучами небе, стояло достаточно высоко. Дул ветер, шевеливший голыми ветвями деревьев и несший по дороге снежную пыль. Дорога была пуста, только оттуда, куда смотрел Карл, приближались несколько всадников. Карл не смог их рассмотреть – то ли глаза видели плохо, то ли люди были еще далеко, – но он смог понять, что это его последний шанс, и, сделав невероятное усилие, пополз к дороге. По пути он узнал, что такое боль и немощь, и еще оказалось, что он раздет до нитки. По-видимому, его вывезли из замка и выбросили здесь люди Софии, прямо так, как был: голым и с кинжалом в спине.

Когда Карл добрался до тракта, всадники подъехали уже близко, и он смог их рассмотреть. Это были наемники-убру. Подъехав к нему, они остановились, разглядывая Карла, но не предполагая ему помогать. А он, зная, что так и будет, потому что в характере убру не ждать помощи от кого-либо, кроме своих, и, соответственно, не оказывать ее чужим, если помощь не записана в контракте, поднял к ним лицо и уже действительно из последних сил начал читать молитву:

– Благословен ты, Господин мой, Господь наш и Царь мира...

Его голос был слаб, но они его услышали и поняли. Последнее, что он запомнил, перед тем как снова потерять сознание, были сильные руки убру, поднимающие его со стылой земли.

3

Бренди закончился. Трубка погасла. А солнце, судя по теням, перевалило через вторую слепопуденную отметку. Вероятно, ему следовало поесть, но Карл не ощущал пока потребности в еде. Он аккуратно выложил на стол семь медяков и покинул кабачок с твердым намерением нанести визит князю Семиону. В конце концов, до дома, где его ждала Дебора, с четверть часа ходьбы, а замок князя находился всего в двух улицах к северу.

Улицы в этой части города были прямыми, и на них отсутствовали сточные канавы. Хорошо пахло горячим хлебом и какими-то незнакомыми цветами. Карл шел по ровно пригнанной брусчатке мостовой и думал о том, что день получился гораздо более удачным, чем можно было надеяться еще утром. И у него самого теперь появилось чувство удачи, которое редко обманывало, хотя полагаться на него всецело Карл не привык.

Он уже был близок к цели своего короткого путешествия, когда, свернув за угол, увидел вывеску «Иван Фальх. Книги и гравюры». Перед лавкой Фальха стояла тележка с запряженным в нее мулом, дверь в дом была распахнута, и два паренька перетаскивали из тележки в лавку тяжелые – судя по тому, как напрягались парни, – закутанные в дерюгу тюки.

«Книги? – спросил себя Карл. – Почему бы и нет?»

Он остановился и, задумчиво глядя на вывеску, стал набивать трубку.

«Князь подождет», – решил, наконец, Карл и, раскурив трубку, пошел посмотреть, какие чудеса скрыты в лавке Ивана Фальха.

В просторной комнате, заставленной столами, на которых лежали стопки книг, гравюры и карты, приятно пахло бумажной пылью и старой кожей. Книги здесь были везде, но прежде всего в шкафах, расставленных вдоль стен, что казалось необычным, так как книжные шкафы только-только начали входить в обиход на крайнем востоке, а эти выглядели очень старыми, такими же старыми, как и вся прочая мебель в лавке. Старым оказался и Иван Фальх. Хозяин лавки стоял сейчас над одной из принесенных с улицы кип. Как и следовало ожидать, под грубой дерюгой оказались все те же книги. Фальх стоял, держа в зубах дымящуюся трубку и сжимая в правой руке нож. Ножом он, по-видимому, только что распорол дерюжный чехол и теперь наслаждался видом аккуратно сложенных перед ним фолиантов. Наслаждение, сходное с переживаниями сластолюбца, ласкающего юную любовницу, было отчетливо написано на его лице, и Карл решил, что пришел в нужное место в правильное время. Человек, который умеет так смотреть на книги, несомненно, в них и разбирается. А поступление нового товара способно иногда удивить чудесными находками и выдавшего виды знатока.

Кроме хозяина в лавке находились еще три посетителя. У стола, придвинутого к открытому окну, стоял какой-то немолодой Садовник и перелистывал пергаментные страницы большого и тяжелого на вид фолианта. Насколько мог видеть Карл, на желтоватых листах пергамента, заполненных ровными строчками черных и золотых букв, имелись и многочисленные цветные миниатюры, изображавшие цветы и растения. На нового посетителя Садовник, всецело поглощенный изучением книги, внимания не обратил.

В центре торгового зала широкоплечий крепкий мужчина – по всем признакам моряк из Во – рассматривал старые гравированные карты, разложенные на большом круглом столе. Когда Карл вошел, он на секунду оторвался от своего занятия и поднял на Карла взгляд прищуренных, по морской привычке, карих глаз, но тут же вернулся к своим картам. Третий посетитель, совсем молодой парень в дорогом плаще из лилового шелка, в нерешительности топтался у книжного шкафа, стоящего у дальней стены. У Филолога, по-видимому, разбегались глаза при виде собранных там сокровищ, и он ни на чем не мог остановить свой выбор. И уж тем более он был не в состоянии обратить внимание на такую мелочь, как новый человек, зашедший в книжную лавку.

Карл неторопливо подошел к хозяину и, вежливо поздоровавшись, посмотрел на разложенные у их ног книги. Верхняя книга в первой стопке – не слишком большая, но зато очень толстая – называлась *«Наместническая война и основание великих городов северного побережья, с комментариями и рассуждениями о пользе морской торговли, развитии и процветании ремесел и свободной коммерции в несвободном мире. Сочинение достопочтенного Леона из Ру, кавалера и полномочного министра»*. О такой книге Карл никогда не слышал, но, что бы ни было в ней написано, она стоила тех денег, которые Фальх мог за нее запросить, а Карл был готов заплатить, потому что ее написал Мышонок. А вот о второй книге Карл не только слышал, он даже несколько раз держал ее в руках, хотя это и очень редкая книга.

– С вашего позволения, – сказал он, наклоняясь и беря в руки трактат Августа Шорника *«Славные мечи»*.

О да, это уже как минимум третий раз он держал ее в руках. Но как-то так вышло, что Карл ни разу эту книгу не открывал. Не складывалось как-то или, наоборот, так складывалось.

Значит, пришло время, решил он и раскрыл книгу.

Глаза побежали по строчкам и...

– Рассказ седьмой, – прочел он. – Убивец, меч-шпага маршала Гавриеля Меча.

«Случайность? – подумал Карл отрешенно. – Или кто-то взялся мне ворожить?»

– Я беру обе книги, – сказал он хозяину. – Эту и вот эту, о Наместнической войне. Сколько вы за них хотите, мастер Иван?

Старик смерил его оценивающим взглядом, но ничего по поводу столь быстрого, а значит, несколько легкомысленного выбора не сказал. Он посмотрел на книги, пожевал нижнюю губу и, пожав плечами, запросил восемнадцать золотых. Карл не стал торговаться, он достал кошелек, отсчитал восемнадцать марок, добавил немного меди и попросил, чтобы мастер Иван послал кого-нибудь отнести покупки художника Карла Ругера в дом Хромого Плотника, что на Лыняной улице. Хозяин заверил Карла, что не пройдет и часа, как книги будут на месте. Карл поклонился и направился к выходу, чувствуя на себе скрестившиеся взгляды войянского моряка и хозяина книжной лавки, но не показывая вида, что знает об их внимании к своей особе. По пути он только на минуту задержался рядом с Филологом, выбравшим, наконец, что-то в огромном шкафу и уже начавшим это что-то, толстое, в дорогом золоченом переплете, читать. Но почитать спокойно Карл ему не дал.

– Прошу прощения, мастер, – сказал Карл, тронув юношу за плечо. – Но у меня к вам маленькая просьба.

Юноша вздрогнул от неожиданности и непонимающе посмотрел на Карла.

– Передайте, пожалуйста, сообщение для Даниила Филолога, что известный ему Карл Ругер из Линда желал бы с ним поговорить.

4

Князь Карла, естественно, не принял. Княгиня Клавдия тоже. Время было неурочное, да и кто он такой, Карл Ругер, чтобы сильные мира сего меняли из-за него свои планы. Чего-то в этом роде Карл, в принципе, и ожидал, но одновременно ему казалось уместным и правильным навестить резиденцию князя и напомнить, что он готов выполнить данное князю обещание и написать портрет княгини. По правде говоря, Карл был должником Семииона, поскольку не в последнюю очередь благодаря доброй воле князя уже три дня жил в Сдоме не как раб города, а как вольный художник. Впрочем, имелись у Карла и другие соображения. Князь показался ему человеком прямым и порядочным, насколько вообще может быть порядочным пусть и номинальный, но все-таки хозяин такого города, как Семь Островов. Но, с другой стороны, врагами не рождаются, ими становятся, и такую гипотезу без проверки сбрасывать со счетов не следовало. Даже то, что князь не поспешил его принять, еще ни о чем не говорило, хотя и свидетельствовало скорее в пользу князя и княгини, чем наоборот.

Погуляв с полчаса по приемным залам, где стояли и сидели группами или неторопливо прогуливались парами и в одиночку придворные, Карл передал свое послание одному из секретарей княгини и пошел прочь. Делать в замке ему было более нечего. Однако тут же выяснилось, что даже такой случайный визит, как этот, мог принести неожиданные и странные плоды. Карл выходил из дворца, а навстречу ему по лестнице поднимался высокий грузный мужчина, роскошная одежда которого – черный бархат, расшитый серебром и брильянтами, белоснежные кружева – и немалая свита указывали на его высокое положение.

Их взгляды встретились, и вельможа сбился с шага, а Карл удивленно поднял бровь.

«Выходит, я не ошибся, – покачал он мысленно головой, проходя мимо сенешаля Эфраима Гордеца. – Уменьшительное от Эфраим не только Эфи, но и Эф».

5

– Тут приходил мальчик. – Сейчас глаза Деборы опять были голубыми. – Он принес книги...

Она выглядела озабоченной, но вряд ли ее настроение было связано с купленными Карлом книгами. Судя по тому, как она на него смотрела, Дебора пыталась понять, не угодил ли Карл в еще большие неприятности, чем те, которые случились прошедшей ночью.

– Не волнуйся, женщина, – усмехнулся Карл, снова любуясь ее губами. – День прошел благополучно. Я чувствую себя превосходно и после обеда намерен тебя все-таки нарисовать.

Он увидел, как возмущение мгновенно вытемнило ее прозрачные глаза, превратив из голубых в темно-синие, и улыбнулся.

– Один раз не вышло. Что с того? – Он пожал плечами и снова улыбнулся. – Может быть, получится на этот раз?

– Или опять вспомнишь кого-нибудь... – По-видимому, история с Карлой задела ее сильнее, чем он думал.

– Или вспомню, – согласился Карл, рассматривая ее нежную шею и подбородок. – А кстати, где тот рисунок?

Он вдруг вспомнил, как замерло острие его меча, едва не коснувшись этой стремительно краснеющей сейчас кожи.

– Я не трогаю твоих рисунков!

Гнев уже овладел Деборой, и Карл должен был признать, что ради этого стоило злить ее постоянно. Она очень хороша, его рабыня Дебора, но в гневе она прекрасна. Гнев, судя по всему, был той эмоцией, которая превращала сдержанную, даже замкнутую женщину в...

«В кого?» – спросил он себя, пока еще был в состоянии думать о чем-нибудь, кроме того как она прекрасна.

Шагнув к Деборе, он коснулся кончиками пальцев ее щеки, и огонь, бушевавший в ней, мгновенно перекинулся на него. Карл вздрогнул, но «боль», которую несло это пламя, была такой болью, ради которой совершаются самые великие подвиги и самые гнусные преступления.

– Что?.. – Голос Деборы вдруг стал хриплым. – Но...

Его пальцы скользили уже по ее горлу, подбираясь к высокому вороту темно-коричневого платья.

– Карл! – то ли хриплый стон, то ли вопль тоскующей души. – Карл, я... луковый суп... и бара...

– К демонам баранину, – сказал он, обнимая ее и привлекая к себе. – Одно из двух, женщина: я буду тебя или рисовать, или любить!

Их губы почти соприкасались, и он уже пил ее дыхание, сводившее его с ума сильнее, чем самые крепкие вина, и глаза, темно-синие глаза Деборы, были прямо перед ним, как вселенная, как ночное небо, распахнувшееся перед взором звездочета.

– Ты можешь нарисовать меня и потом, – тихо сказала она, и он почувствовал вкус ее губ.

6

– Кажется, ты что-то говорила о баранине, – задумчиво сказал Карл, поднимаясь на локте и заглядывая в глаза лежавшей рядом Деборы. – Или это был только сон?

– Считаю это сном, – улыбнулась она. – Если я не сняла котел с огня, то...

– Ты сняла, – уверенно заявил Карл и тоже улыбнулся.

– Откуда ты знаешь?

– Мы бы давно услышали запах горелого мяса, – объяснил он. – И боюсь, это было бы наше мясо.

– Теперь ты хочешь есть. – В ее тоне слышалось осуждение.

– Желания, – вздохнул он, кладя левую руку ей на грудь, – что они такое? Темные рыбы в мутной воде. Никогда не знаешь, какая рыба оставила след.

– Мой господин – философ? – Ее глаза, снова ставшие серыми, смеялись, но в них уже клубился туман светлого безумия.

– Твой господин, Дебора, – убийца, – улыбнулся Карл, лаская ее живот. – Он убивает одно желание, чтобы дать жизнь другому.

– Ты захотел меня еще там, на тракте?

«На тракте? – удивился про себя Карл. – На каком тракте?»

Но ветер страсти уже гасил огни разума, и туман, клубившийся в ее глазах, поглотил и его самого, и его мысли. Остались чувства, сладкий огонь, бушующий в крови, и жаркое дыхание желания, способное – пусть на миг! – осушить болота повседневности.

7

Баранина, тушенная с чесноком и сливами, луковый суп, козий сыр в оливковом масле, орехи Афары, похожие на высушенный человеческий мозг, красный изюм из Сагды и маслянисто-желтая курага из Мерва, и еще лепешки из пшеничной муки с затаром, и крепкое, густое и черное, как ночь, войнянское вино, и медовые коврижки... Обед, который по времени скорее являлся поздним ужином, удался Деборе на славу. Карл ел с аппетитом, смакуя каждый кусок и каждый глоток. Он наслаждался разнообразием вкусов и запахов, среди которых встречались и весьма необычные, но едва ли не больше – живописным видом всех этих яств, который почти пробудил в нем желание написать натюрморт. Впрочем, вероятность такого исхода была крайне мала. Карл всегда был прежде всего портретистом, хотя, боги свидетели, ему приходилось писать и батальные сцены и пейзажи, но вот натюрмортов он, кажется, не писал никогда, если не считать тот единственный случай, когда он нарисовал кинжал капитана Гавриила Книжника, воткнутый в кусок запеченного на углях мяса.

Воспоминание о той давней истории, о серой бумаге, на которой он рисовал, о горячем мясе, по которому стекал растопленный жир, и о булатном, украшенном чернью клинке Книжника отвлекло его мысли от беседы, которую Карл вел с сидевшей напротив него женщиной, и он пропустил последнюю реплику Деборы.

– Что? – переспросил он и встретил удивленный взгляд ее серых глаз.

Дебора была искренне удивлена. Видимо, она успела привыкнуть к тому, что Карл никогда не переспрашивает, потому что слышит все и всегда, даже тогда, когда бывает занят чем-то другим.

Карл спокойно встретил ее взгляд, пожал плечами, как бы отстраняя упреки в невнимательности, и еще раз посмотрел на Дебору. Ошибки не было. У сидевшей напротив него женщины исчезло золотое свечение волос. Сейчас она была темно-русой.

– Какого цвета у тебя волосы, Дебора? – мягко спросил он, с интересом ожидая ее ответа.

– Волосы? – удивилась Дебора.

– Да, – кивнул Карл, решивший, что серые глаза и темно-русые волосы делают Дебору еще красивее. – Волосы. Мне казалось, что они у тебя цвета зрелой пшеницы, но сейчас они русые.

– Что ты говоришь? – В ее голосе отчетливо слышался испуг. – Русые?

Она вскочила со стула и стремительно бросилась вверх, где в их комнате на стене висело маленькое, вставленное в бронзовую раму зеркало. А Карл проводил ее взглядом и вернулся к трапезе.

Деборы не было довольно долго. Карл успел съесть все, что смог вместить его пустой желудок, выкурил трубку и допивал уже третий стакан вина, когда женщина наконец вернулась к столу. Она спустилась по лестнице, и пламя свечей сразу же заиграло бликами в золоте ее волос, но в прозрачных голубых глазах Деборы, смотревших теперь на Карла, все еще жил испуг.

– Ты меня напугал, – сказала она, садясь на свой стул.

– Прости, – улыбнулся Карл. – Вероятно, мне показалось. А кстати, что ты там говорила про тракт?

Смена темы разговора Дебору, очевидно, обрадовала, и она с готовностью ответила на его вопрос.

– Там, на тракте, – робко улыбнулась она, – мне показалось, что ты смотришь на меня... с вожделением.

– На каком тракте? – Карл нахмурился, пытаясь понять, о чем она говорит.

– На Чумном тракте, – растерянно объяснила Дебора. – Я ехала в фургоне, а ты шел пешком. Ты посмотрел на меня... и улыбнулся.

– Улыбнулся, – повторил за нею Карл и вспомнил дорогу, фургон и девушку с золотыми волосами. – Да, конечно. Тракт. Да.

Он задумчиво посмотрел на пламя свечи, удивляясь тому, как мог забыть их первую встречу, которая и произошла-то – всего ничего – несколько дней назад.

– Да, – повторил он, и в этот момент кто-то постучал в дверь. Стук был негромкий, деликатный, но в то же время настойчивый.

– Кто это? – удивленно подняла брови Дебора. – Ты кого-то ждешь?

– Нет, – покачал головой Карл. – Но просто так люди в это время в дверь не стучат.

Он встал из-за стола, взял свечу и пошел открывать дверь.

На пороге его дома стоял незнакомец, в котором Карл, несмотря на скудный свет и мимо-летную встречу, все-таки узнал давешнего моряка из книжной лавки.

– Прошу прощения за поздний визит, мастер, – сказал моряк низким хриплым голосом. Чувствовалось, что ему неловко беспокоить незнакомого человека в столь поздний час.

– Да, время и в самом деле для визитов неподходящее, – согласился с незнакомцем Карл. – Мы знакомы?

– Не думаю, – отрицательно покачал головой моряк. – Я капитан Нестор Григ из Во, а вы Карл Ругер – ведь так?

– Так, – согласился Карл, гадая, какая еще история начинает разворачиваться сейчас на пороге его нового дома.

– Я заходил к вам пару раз до заката, – извиняющимся тоном объяснил капитан Нестор. – Но дверь никто не открыл.

– И тогда вы решили зайти ночью, – усмехнулся Карл. – Что ж, вполне здравая мысль.

– Все дело во времени, – пожал плечами моряк. – Я не могу задерживаться в порту дольше, чем надо, чтобы выгрузить одни товары и загрузить другие.

– Какое же дело привело вас ко мне, капитан Нестор? – Человек этот начинал Карлу нравиться.

– Видите ли, мастер Карл, один человек из Флоры просил меня найти другого человека – художника, которого зовут «Карл Ругер из Линда».

Вот как! Карл был искренне удивлен. Впрочем, на дороге длиною в жизнь встречается множество людей. Почему бы кому-то из них и в самом деле не захотеть увидеться еще раз?

– Продолжайте, – предложил он капитану вслух.

– Вам знакомо имя Людо Табачника? – спросил Нестор.

– Так он еще жив?! – Карл был приятно удивлен.

– Вполне, – заверил его Нестор. – Он просил передать вам это, если, конечно, вы это вы и я вас найду. – С этими словами капитан Нестор достал из кармана куртки маленький свиток и передал его Карлу.

– Проходите, мастер Нестор, – предложил Карл, принимая послание, и посторонился, пропуская капитана в дом.

Капитан Григ вошел, поклонился Деборе и остановился в нерешительности.

– Дебора, угости капитана вином, – попросил Карл, закрывая дверь. – Знакомьтесь, капитан, это Дебора. А это капитан Григ. Садитесь, капитан.

Теперь Карл мог рассмотреть письмо. Это был пергаментный свиток с печатью из красного воска. Свиток пообтерся, да и оттиск единорога на печати был уже едва виден. По-видимому, письмо довольно долго путешествовало вместе с капитаном Григом в поисках адресата. Сорвав печать, Карл развернул пергамент и прочел короткое послание, ради которого Нестор Григ разыскивал его по всем морям:

«Здравствуй, Карл.

Если это ты, на что я надеюсь со всем трепетом души, на какой способна эта старая тварь, приезжай во Флору. Податель сего доставит тебя так быстро, как сможет, даже если ему придется выбросить за борт весь груз и половину экипажа. Приезжай! Тучи сгущаются, и нет руки, способной двинуть войска в бой. Приезжай, Карл! Заклинаю тебя старой дружбой и твоей честью!

*Людо Табачник,
лейтенант».*

– Давно вы в поиске, капитан? – спросил Карл, сворачивая письмо и опуская свиток в карман.

– Два года, мой лорд. – Капитан по-прежнему стоял, хотя Дебора, наливавшая ему вино, и предлагала капитану Григу есть.

Услышав обращение гостя, она быстро вскинула на Карла взгляд, но он предпочел сделать вид, что не заметил ее удивления.

– И вы предполагали в одиночку найти бродячего художника? – продолжил свои расспросы Карл.

– Нет, мой лорд, – покачал головой моряк. – Все капитаны на службе короны – а у нас таковыми являются все – имеют при себе подобные послания его светлости.

– Но обстоятельства могли измениться, – задумчиво сказал Карл. – Все-таки два года – большой срок.

– Когда я последний раз заходил во Флору четыре месяца назад, приказ все еще оставался в силе. – Нестор с поклоном принял у Деборы кружку с вином, но смотрел только на Карла.

– Каково положение господина Табачника при дворе? – спросил Карл. Он вернулся к столу и взял с него свою кружку.

– На троне сейчас его племянник, Виктор Абак. – Капитан говорил медленно, явно с осторожностью подбирая слова. – А цезарь Виктор женат на дочери его светлости, Регине. Так что, вы понимаете...

– «Абак» означает «смелый», не так ли? – спросил Карл, не дав Нестору углубиться в рассуждения о роли родственных связей в политической игре.

– Да, мой лорд, – подтвердил капитан, с облегчением обретший твердую почву под ногами. – Все называют его Смелым, и он действительно смелый, но его величеству всего девятнадцать лет.

– Стало быть, и жена его молода? – удивленно поднял бровь Карл.

– Я понял вас, мой лорд, – капитан Нестор был серьезен. – Вероятно, вы никогда не бывали в наших краях. Цезарь женился пять лет назад. Ему тогда было четырнадцать, а его невесте – одиннадцать.

– Вот как?! – Карл усмехнулся и отпил немного вина. – Но это означает, что господин Табачник женат во второй раз?

Теперь удивился капитан Нестор.

– О, простите, мой лорд, – сказал он растерянно. – Теперь я понял ваш вопрос. Первая жена его светлости умерла двадцать лет назад. А Регину герцогу Александру родила Алина Чара, сводная сестра покойного цезаря Михаила.

– Но Михаил, кажется, был еще не стар? – Карл поставил свой стакан на стол и стал набивать трубку, наблюдая краем глаза за поведением Деборы. Женщина была полна любопытства, но при этом старалась вести себя как можно более сдержанно.

– Вы правы, мой лорд, – пожал плечами капитан Нестор. – Тем не менее, три года назад он умер.

– Куда вы намеревались направиться из Сдома? – Карл решил, что предыдущая тема исчерпана, а главное, то есть то, о чем шел сейчас разговор, касалось, в сущности, только его, Карла, и лейтенанта Людо Табачника.

– Сдома? – удивленно переспросил капитан.

– Семи Островов, – усмехнувшись, объяснил Карл. – Но местные жители предпочитают называть свой город Сдомом.

– Ах вот в чем дело! – Капитан был удивлен, но не более. – Мы пойдем в Менск.

– А если я попрошу вас изменить маршрут? – спросил Карл, закуривая.

– Я приму ваше решение как приказ. – Капитан Нестор был чрезвычайно серьезен.

– Семь дней, – сказал Карл. – Мне нужно семь дней, капитан. И лучше, если бы вы не болтались в это время в порту Сдома.

– Я понял вас, мой лорд, – кивнул Нестор. – Не в Семи Островах. Тогда, возможно, где-нибудь поблизости? На побережье есть несколько подходящих бухт... Например, Пята. Это всего пятнадцать миль к востоку.

– Кажется, там есть рыбацкий поселок? – спросил Карл.

– Да, – подтвердил капитан. – Он тоже называется Пятой.

– Знаю, – в свою очередь кивнул Карл. – Там и ждите.

– Семь дней, – повторил капитан Нестор.

В сущности, разговор был закончен, и Нестор Григ сделал движение, как если бы собирався откланяться, но у Карла имелись и другие вопросы.

– У вас когг, не так ли? – спросил Карл.

– Да, мой лорд, – с гордостью сообщил капитан Нестор. – Настоящий войанский когг.

– И сейчас вы стоите в гавани... – заканчивать фразу Карл не предполагал. И был прав. Капитан понял его и без пояснений.

– Так, стало быть, это были вы, ваша милость? – спросил он.

– Ты имеешь в виду позапрошлую ночь? – уточнил Карл, именно эту ночь и имевший в виду, когда задавал свой вопрос.

– Да, – кивнул капитан Нестор.

– Да, это был я, – усмехнулся Карл. – А кто сидел на вашем когге, капитан?

– Не знаю точно, – как бы извиняясь, пожал плечами Нестор. – Они пришли уже в сумерках. И потом я не очень хорошо разбираюсь во всех этих кланах. Но одежда у них была темная. Я бы сказал, что она была фиолетовой или лиловой.

– Они что-то говорили? – спросил Карл. – Называли имена или титулы?

– Да, – подумав мгновение, ответил капитан. – Там был один старик... его дважды назвали мастером. И еще... Этот старик сказал кому-то из них, что если это тот самый меч, то, стало быть, и человек тот же самый, и еще что-то про какого-то гордеца.

Как просто, – холодно отметил Карл. – Меч человека или человек меча?

– Спасибо, капитан, – сказал он вслух. – Еще что-то? Может быть, они говорили о тени?

– Да, – кивнул капитан. – Они много говорили о тени, но я почти ничего не разобрал. Четко я слышал только одну вещь. Когда кошка превратилась в ягуара, кто-то из них бросил в сердцах что-то про проклятого оборотня и что, дескать, следует ожидать большой крови.

– Спасибо, капитан, – еще раз поблагодарил его Карл. – Это все.

– Семь дней? – спросил тот, поклонившись и направляясь к двери.

– Семь дней, – подтвердил Карл, провожая гостя до порога. – Доброй ночи!

Он закрыл дверь на засов и повернулся к Деборе.

– Он называл тебя лордом, – тихо сказала она, глаза ее снова стали серыми. Впрочем, он мог и ошибиться – в неверном свете свечей многие цвета меняют свою природу.

– Если я скажу, что это была формула вежливости, принятая в Во, ты мне не поверишь? – Карл вернулся к столу и сел на свой стул.

– Значит, ты лорд, – задумчиво произнесла Дебора. Было очевидно, что титул Карла ее удивил, но не впечатлил.

– Да, – улыбнулся Карл и, взяв со стола кувшин, долил себе вина. – И даже, кажется, граф и кто-то еще... Но какое это имеет значение?

– В самом деле, – улыбнулась в ответ Дебора. – Ведь главное, что ты художник.

– А мог бы быть плотником, – философски заметил Карл, вспомнивший вдруг запах свежих стружек и тяжесть плотницкого топора в руке. – Или сапожником... Человек, Дебора, всегда лишь то, что он есть, а какая одежда на нем надета, это почти всегда всего лишь дело случая.

Он внимательно посмотрел на нее, как бы проверяя ее реакцию на свои слова, хотя как раз это он уже знал.

– Могут быть шелка... – начал он и вдруг увидел платье из серого шелка и жемчуга и почувствовал, что его снова ведет интуиция. – И голубой жемчуг.

Карл увидел, как стремительно бледнеет Дебора, но остановиться уже не мог, да и не хотел.

– Именно так, – сказал он. – Серебристый шелк из Мерва и голубой жемчуг... Я бы добавил сюда бриллианты. Множество мелких бриллиантов. У тебя ведь были бриллианты на том платье?

– Откуда?.. – В ее глазах плескался ужас. Или это было пламя свечей?

Но продолжить разговор они не смогли. Им снова помешали. Хотя время было уже действительно позднее, кто-то настойчиво и бесцеремонно колотил во входную дверь.

8

Открыв дверь, Карл почти не удивился, увидев на пороге женщину, закутанную с головы до ног в темный плащ. Было темно, и даже Карл не мог рассмотреть его цвета, но он был практически уверен, что плащ красный.

– Доброй ночи, Анна, – сказал он. – Могу я узнать, чем вызван ваш визит?

– Как вы меня узнали? – Она не нашла нужным даже поздороваться.

– Интуиция, – усмехнулся Карл. – Художественное чувство. Что-то в этом роде.

Он сделал неопределенное движение рукой, как бы обозначая то неизвестное ему самому чувство, которое позволило узнать в бесформенной темной фигуре, растворяющейся в ночном мраке, его утреннюю модель.

– Итак? – Карл с интересом ожидал продолжения. Ожидать можно было чего угодно.

– Отдайте ему меч! – резко сказала Анна. В ее голосе слышались истеричные нотки.

– Какой меч? – спросил Карл ровным голосом. – Кому?

– Отдайте Яну его проклятый меч, – попросила она.

– Нет, госпожа моя Анна, – с сожалением покачал головой Карл. – Ян уже никогда не получит свой меч обратно. Вы зря дали ему силу для поединка. Теперь я мог бы продать его меч только одному человеку, но он не торопится покупать, и я думаю, что у него есть на то причины.

– Отдайте! – Она почти молила и едва не плакала.

– Если я сказал нет, значит – нет. – Карл полагал, что выразил свою мысль ясно.

– Тогда он придет за вашим мечом. – Это было сказано почти шепотом.

– Пусть приходит. – Теперь и Карл говорил тихо, он понимал, что волею обстоятельств снова вступает в войну, но еще много лет назад он узнал, что бывают ситуации, когда компромисс невозможен. Увы. – Идите домой, госпожа моя Анна, – сказал он. – Вам следует отдохнуть, мне тоже. Завтра я начну писать ваш портрет.

9

Короткий разговор с Анной растревожил сердце. Было очевидно, что молодая колдунья сказала ему не все, но при этом сказала больше, чем могла себе позволить. Если подумать, она наверняка перешла черту дозволенного. И все-таки Карл не узнал от нее ничего нового, ничего такого, чего он, Карл, не знал сам. Или почти ничего, потому что то, что он все-таки узнал, к теме их разговора прямого отношения не имело.

Но и он сказал Анне именно то, что мог и должен был. Не больше, но и не меньше. Тогда почему вдруг сжалось сердце, как если бы чужая холодная рука коснулась того, чего никто никогда не должен был касаться?

Он не испугался. Для того чтобы испугаться, нужно сначала знать, что такое страх. Пожалуй, Карл был удивлен. Чувство казалось новым и непривычным, и все-таки оно было ему откуда-то знакомо. Откуда? Но времени на размышления, как он понял сейчас, не было. Время ускорило свой бег. Это он почувствовал тоже. И хотя Карл еще не знал доподлинно, что происходит или что должно произойти, он знал – медлить нельзя. Медленная рыба в стремительном потоке обречена быть игрушкой стихийных сил.

– Я ухожу, – сказал он Деборе, возвращаясь к столу, и улыбнулся. – Ложись спать и ничего не бойся.

– Когда ты вернешься? – Кажется, бояться она совершенно не собиралась.

– Не знаю, – пожал он плечами, пристегивая к поясу меч. – Но думаю, что утром.

Карл накинул на плечи плащ и пошел к дверям.

Глава пятая Ночь оборотня

1

До полуночи оставалось не более двух часов, когда он снова – второй раз за этот длинный день – подошел к княжескому дворцу. Впрочем, на этот раз Карл направился не к парадным воротам, а, обойдя резиденцию Семиона слева, вышел к северному крылу дворца. Причудливые ворота из ковanej бронзы были ярко освещены теми самыми колдовскими фонарями, на

которые Карл обратил внимание еще в первую ночь в городе. Творцы делали с обычным лампадным маслом что-то такое, отчего оно горело много ярче, чем должно было гореть. А может быть, это и не было обычное лампадное масло?

Все пространство перед воротами и за ними, до самого крыльца флигеля, просматривалось, как днем. У ворот и высоких дубовых дверей, украшенных резьбой, стояли на страже вооруженные алебардами княжеские дружинники.

2

Сенешаль князя Эфраим Гордец принял его в своем кабинете, сидя за маленьким изящным столиком, который вряд ли мог служить полноценным рабочим столом, хотя на нем и стоял чернильный прибор и лежали какие-то бумаги. Когда Карл вошел, Эфраим встал, по-видимому, намереваясь сделать несколько шагов навстречу посетителю, но Карл лишил его такой возможности, разрушив привычный ритуал. Он окинул сенешаля быстрым оценивающим взглядом, усмехнулся и пошел к большому окну справа, пересекая просторный обитый темно-бордовой тканью кабинет по диагонали. Начавшему движение Эфраиму ничего не оставалось, как обогнуть стол справа и идти за Карлом, который уже через несколько шагов повернулся к нему спиной. Дойдя до окна, Карл без особого интереса посмотрел на залитый лунным светом княжеский парк и обернулся. Эфраим стоял метрах в трех от него, и лицо его заливала бледность.

– Здравствуй, Горец. – Карл смотрел на Эфраима и ждал. Он не знал точно, чего именно он ожидал, но чувствовал, что встреча эта должна была состояться.

– Здравствуй, Карл.

Эфраим постарел, но был еще крепок, и Карл не сомневался, что здесь не обошлось без магии. Впрочем, волосы сенешаля были седые, и никто теперь не сказал бы с уверенностью, что раньше они были темно-русые. А вот глаза почти не изменились. Они у Эфраима были синими и очень красивыми. Такими и остались.

– Предложи мне сесть, – без улыбки сказал Карл, продолжая рассматривать сенешаля. – Прикажи принести вина, а еще лучше – бренди. Если ты забыл, могу напомнить: я всегда предпочитал вино бренди.

– Садись, – пожал плечами Эф Горец. – Садись, Карл, если устал. Эй, там! – гаркнул он, когда Карл сел в одно из нескольких стоявших в кабинете кресел. – Принеси нам персикового бренди, – бросил через плечо заглянувшему в кабинет слуге.

– Ну вот, – усмехнулся Карл, доставая трубку. – Ты, оказывается, ничего не забыл. Молодец!

– Хочешь, чтобы я называл тебя хозяином, Карл? – Эфраим справился с волнением и даже нашел в себе силы улыбнуться. – Не надейся. Ты мне не хозяин. Я вообще не уверен, что ты – это ты.

Он отошел ко второму креслу и тоже сел.

– Зачем ты пришел? – Он забросил ногу на ногу и достал трубку.

– Решил, что пришло время поговорить со старым знакомым, – объяснил Карл.

– Не уверен, что нам есть, о чем говорить, – цинично улыбнулся Эфраим.

– Есть, есть, – успокоил его Карл, раскуривая трубку.

– И о чем же? – почти равнодушно поинтересовался Эфраим, тоже закуривая и выпуская изо рта дым.

Спокойным он не был. От него пахло тревогой и смятением, и страх скрывался за показным равнодушием. И еще что-то, чего Карл пока не уловил.

– Например, о мече Гавриеля, – предложил Карл и с интересом проследил за дымом, который выдохнул мгновение назад.

– Ах да! – притворно улыбнулся Эфраим. – Ты же носишь его меч.

– Верно, Эф, я ношу его меч, – кивнул Карл. – И заметь, Горец, я делаю это по праву. Или ты сомневаешься?

– Вот именно, – вдруг резко ответил Эфраим, и в глазах его зажегся нехороший, злой огонь. – Меч принадлежал Карлу Ругеру, но Карл Ругер из Линда умер.

Какое-то чувство, более сильное, чем страх и смятение, заставило Эфраима заговорить совсем другим тоном. Возможно, что еще минуту назад он и сам не предполагал, что будет так говорить с Карлом, но теперь неуверенность исчезла. Осталась... ненависть? Зависть? Несомненно, что-то в этом роде, а что конкретно, покажет время.

– Расскажи об этом князю, – предложил Карл.

– Убру стреляли отравленными стрелами! – По-видимому, Эфраим знал, что говорит.

– Убру никогда не пользуются ядом негоды, – сказал Карл, который знал больше. – Эта травка у них не растет.

– Растет не растет – какая разница?! – Эфраим вскочил со своего места и сделал шаг к Карлу. – Стрела была отравлена, и ты умер!

– Так все-таки я? – поднял бровь Карл.

– Не знаю и знать не хочу! – показал зубы Эфраим.

– А зря, – покачал головой Карл и встал. – Меч я тебе не продам, Горец. Попробуешь взять сам, пожалеешь. Хочешь рассказывать сказки – рассказывай. Тогда мне придется напрячь память и рассказать что-нибудь... – Карл покрутил в воздухе ладонью, – что-нибудь такое, что могу знать только я.

Он отвернулся и пошел к двери, однако уже в дверях он приостановился и, оглянувшись через плечо, спросил:

– Ты, кстати, женат, Эф, или как?

3

Сколько случайностей может произойти с человеком за три дня? – вопрос не праздный. Это один из тех вопросов, ответ на который, если он приходит вовремя, способен спасти жизнь или уберечь душу от чего-нибудь похуже смерти.

Карл остановился и поднял взгляд к луне. Налившаяся холодным серебром ночная странница была уже почти в зените. Казалось, она окончательно лишилась присущей ей от природы прохладной, но все-таки живой желтизны. Новое Серебро, так называли такую луну на востоке. А до полнолуния оставалось всего ничего. Пройдет эта ночь – если пройдет! – и следующая, до которой еще надо дожить, – и наступит день Серебряной Луны, вернее – ночь, когда на землю прольется Новое Серебро.

Карл поднял руку к лицу и провел по нему ладонью, как будто стирая пыль или снимая налипшую на него паутину.

«И это тоже случайное совпадение?» – спросил он небо, но небо, как того и следовало ожидать, молчало. Впрочем, было ли то, что почудилось ему в воздухе минуту назад, голосом Судьбы или нет, ему пока неизвестно, а небо... Что ж, небо – это всего лишь огромная пустота, в которой существуют разнообразные предметы, известные людям, как солнце, луна и звезды. Кстати, звезды сейчас были почти не видны. Зато луна, казалось, росла и наливалась силой на глазах.

О Серебряном Полнолунии говорят разное. Оно случается не каждый год, а бывает, что не наступает много лет подряд, но, когда восходит полная луна, превращающая ночь в серебряный день, может случиться все что угодно. Загоряне верят в то, что это самое опасное время. Время, когда сбываются темные пророчества и воплощаются самые страшные сны человека. А вот в Приморье, напротив, рассказывают о светлых чудесах, которые приносит Серебряная

Дама, приходящая к людям из-за моря по дорожке лунного серебра. Но, как бы то ни было, если верить преданиям, Серебряное Полнолуние – странное время; время, когда магией пропитан сам воздух; время, когда решительный человек – к добру ли, ко злу, – но способен изменить свою судьбу. Так говорят.

– Так говорят, – сказал Карл вслух и вспомнил, что уже как минимум трижды видел Серебряное Полнолуние, вот только привычное словосочетание «как минимум» заставило его вздрогнуть.

А сколько раз на самом деле заливало лунное серебро землю на его памяти? Карл не знал ответа, и это его встревожило. Что-то было не так. Что-то неверное творилось с ним и с миром вокруг него. Привычная вера в себя и свои силы не оставила Карла, но неожиданно открывшаяся ему здесь и сейчас зыбкость, неопределенность вещного мира вселила в его бестрепетное сердце почти незнакомое ему чувство беспокойства. Здесь и сейчас. Но случайно ли?

– Случайность, – сказал он вслух, возобновляя свою прогулку по спящему тревожным сном Сдому.

Кто-то – кажется, это был Людвиг Монц – сказал однажды, что случайность – приемная дочь порядка. Карлу эта мысль всегда нравилась, но если Монц не шутил, то что же скрывалось за хаосом случайных, но многозначительных встреч, за напряжением, которое уже можно было ощутить физически, за всей этой историей, что разворачивалась вокруг Карла, втягивая и его самого в водоворот уже со всей очевидностью чреватого кровью конфликта?

Карл, не останавливаясь, шел по темным улицам, пересекая полосы лунного света и снова ныряя во мрак, сгустившийся между высокими домами.

«то с тобой, Карл? – спросил он себя удивленно, внезапно осознав, что стремительно идет, почти бежит, неизвестно куда сквозь притихший город. – Ты снова спешишь?»

Ему потребовалось известное усилие, чтобы заставить себя остановиться. Да, он спешил. Это было очевидно. Куда? Зачем? Даже задав себе эти вопросы, он не смог найти на них ответы. Он просто не знал. И это было странно, а осознать возникшую, как бы сама по себе, странность было неприятно.

Он стоял в темноте, смотрел на далекое лунное сияние, обозначавшее конец улицы, и пытался разобраться с самим собой, с ситуацией, в которой оказался, и с вопросами, роившимися в голове. Конечно, если есть вопросы, то рано или поздно появятся и ответы, так что вопросы таковыми быть перестанут. Однако ситуация, когда множась вопросы не позволяют сосредоточиться ни на одном из них так, как он того заслуживает, такая ситуация для Карла была неприемлема. Оставалась, правда, надежда, что вопросы и недоумения дополняют друг друга и целое возникнет из невнятных подробностей само по себе. Но надежда – плохой плот и ненадежный мост. С этим мнением загорских стариков Карл был полностью согласен.

«Хорошо, – согласился он с очевидным. – Если есть вопросы, почему бы их и не задать? Четверть часа, – решил он, посмотрев вверх. – Четверть часа, чтобы спокойно выкурить трубку, послушать свое сердце и решить, что делать дальше».

Сейчас он был абсолютно один. Никто за ним не следил, никто не звал его в неизвестную даль, и планов его тоже никто знать не мог, потому что и сам он еще не знал, куда двинется через четверть часа.

– А кстати, – спросил он себя, на ощупь снаряжая трубку, – куда это я так спешил?

Нарочито не торопясь, Карл раскурил трубку, одновременно пытаясь ощутить город и себя в нем. Не то чтобы кто-то ему намеренно мешал, во всяком случае, ничего подобного Карл не чувствовал, но сориентироваться оказалось непросто. Сдом, насколько успел понять Карл, и вообще-то был непростым городом, но сейчас он сопротивлялся Карлу как живое враждебное существо. Однако, в конце концов, Карл все-таки разобрался. Выходило, что шел он опять в гавань. Учитывая приближение полночи, можно было догадаться, что спешил он на randevu с тенью оборотня. Только зачем?

Еще один замечательный вопрос. Карл выдохнул табачный дым и подумал, что у вопросов есть своя собственная, присущая им ценность, даже если они – временно или навсегда – остаются без ответов. Вопросы организуют мысль, формируют мир и представляют заинтересованному взгляду его таким, какой он есть на самом деле.

– Зачем я пришел в Семь Сестер? – спросил себя Карл.

Вроде бы он шел в Квеб и в Семь Островов заглянул по пути, совсем не предполагая оставаться в нем дольше, чем на день или два. Но в результате остался в городе, снял дом, по-видимому, намереваясь поселиться в нем надолго, и, если бы не случайность – снова случайность? – в лице капитана Грига и не резко усложнившиеся обстоятельства, так бы и жил в Сдоме с несостоявшейся волшебницей Деборой, пока скука не погнала бы его снова в путь. Такое в его жизни уже случалось, но был ли нынешний случай подобен прежним?

Теперь, когда вопрос был задан, многое в этой истории показалось Карлу странным. Как мог он, идя в Семь Островов, ничего не знать о Фестивале? Или он знал, но почему-то забыл?

– О чем еще я забыл? – спросил он себя.

Он с трудом, но припоминал теперь свою первую встречу с Деборой. Чумной тракт, догоняющий его небольшой фургон, и девушка с золотыми волосами, сидящая рядом с возницей. Однако, чтобы вспомнить это, ему понадобилось напоминание Деборы. Так не могло ли выясниться, что он забыл и что-нибудь еще? Например, то, куда шел на самом деле и зачем пришел в Сдом?

И почему он вдруг вспомнил Карлу? Зачем нарисовал давным-давно забытую Софию? Подумав об этом, Карл понял, что если бы он их не нарисовал, то, возможно, и не вспомнил бы. Его собственное прошлое неожиданно предстало перед ним как затянутая густым туманом земля. Лишь тут и там среди клубящегося, не позволяющего ничего толком разглядеть тумана виднелись островки освещенного ярким солнцем чистого пространства.

– Ну, что ж, – сказал вслух Карл с чувством удовлетворения, – для начала неплохо. А пойду я теперь, пожалуй, в рыбный порт.

4

Ровно в полночь – как раз ударил Набольший на ратушной башне и откликнулось несколько колоколов поменьше – Карл был уже в рыбном порту на Первой Сестре. Здесь тоже было тихо и пустынно, только на сложенных штабелями досках торговых столов сидели и курили два человека, освещенные налившейся сияющим серебром луной.

Любопытная компания, однако, отметил Карл, медленно пересекая рыночную площадь.

– Доброй ночи, судари мои, – поздоровался он, подходя.

– Доброй ночи, господин мой Карл! – встал ему навстречу старик аптекарь. – Тоже решили на оборотня посмотреть?

– Доброй ночи, – коротко приветствовал Карла оставшийся сидеть Иван Фальх.

– Да, – ответил на вопрос Медведя Карл и вдруг сообразил, что не знает, как того зовут на самом деле. – А как вас, кстати, величают, мастер, а то неудобно даже, Медведь да Медведь?

– А как назовете, все и ладно. – Аптекарь улынулся и пожал плечами. – Но если хотите знать, то назвали меня родители Михайлой. Стало быть, и в городских книгах записан я как Михайло Дов, но все равно, господин мой Карл, никто меня так не называет, да и я, сказать по правде, привык. Медведь – Медведь и есть. Так и вам затрудняться незачем. Зовите Медведем. А мы тут, к слову, как раз вас вспоминали.

– Меня? – Карл тоже достал трубку и стал ее набивать. – Что вдруг?

– Вы, мастер Карл, купили у меня сегодня книги, – объяснил Фальх. – То есть уже вчера.

– Совершенно верно, – кивнул Карл. – Две книги.

– И обе редкие, – добавил Фальх.

– Редкие? – удивился Карл. – Положим, «Славные мечи» – книга действительно редкая, но можно ли так сказать про трактат министра Леона?

– Так вы, значит, не знаете, – удовлетворенно кивнул Фальх. – Книгу эту печатали в типографии Немингена... да. И вот появляется вдруг судебный исполнитель со стражниками и конфискует весь тираж именем протектора и по решению Справедливого суда. Это мне один верный человек рассказал, мастер Карл, так что можете поверить, все – правда.

– Вот как, – задумчиво сказал Карл. – Стало быть, Леон уже не министр? За что же он впал в немилость?

– Да нет, – покачал в ответ головой Фальх. – Он по-прежнему в милости, и он все еще министр. Но Леон утверждает, что это не его книга, то есть что он ее никогда не писал.

– Это его книга. – Карл раскурил трубку и сел рядом с Фальхом. Сел наконец и аптекарь. – Я прочел несколько страниц...

Он вспомнил, что намеревался на этом не останавливаться, но Дебора... Впрочем, и того, что он успел прочесть, было вполне достаточно, чтобы не только узнать сладостный стиль Мышонка, но и обнаружить в его рассказе нечто такое, чего Карл именно в этой книге найти не ожидал.

– Вы так хорошо знаете стиль министра? – с интересом спросил Фальх.

– Да, – кивнул Карл. – Я читал почти все его книги и, кроме того, много его слушал.

– Вероятно, вы правы, – согласился Фальх. – Я тоже так думаю... У меня уже есть один экземпляр, – объяснил он через несколько секунд, прошедших в молчании. – Я получил его еще в прошлом месяце. Это, несомненно, его рука!

– Два экземпляра... – сказал Карл задумчиво.

– Так ведь издатель успел кое-что сбыть, – усмехнулся Фальх.

Карл обвел взглядом площадь, залитые лунным серебром стены домов, темные провалы улиц. Было тихо, лишь слабо плескалась вода у опор набережной. Тени все еще не было.

Значит, я пришел сюда зря? – спросил себя Карл и сам же ответил на свой вопрос: – Не верится. Случайные встречи, неслучайные слова.

– Скажите, мастер Фальх, а что это за история про Звезду и Деву? Вам этот рассказ известен?

– Да кто же этого не знает? – удивился Фальх. – Во всяком случае, в Сдоме все знают.

– Так, – подтвердил Медведь.

– Расскажите, – попросил Карл. – Все равно оборотень не пришел, так хоть рассказ интересный послушаю.

– Оборотень придет, – серьезным тоном ответил Фальх. – Он здесь всегда позже появляется. Хотите вина, мастер Карл?

– Не откажусь, – улыбнулся Карл. – Ночь холодная, хорошо хоть ветра нет.

Фальх достал из-за спины высокий кувшин с узким горлом, вынул пробку и протянул Карлу:

– Угощайтесь, мастер Карл. Это, конечно, не совсем вино, но...

Карл усмехнулся. О том, что это не вино, он уже знал. Запах грушевой водки был достаточно сильным, но водка сейчас даже предпочтительнее вина.

– Спасибо.

Он взял кувшин из рук Фальха и сделал несколько больших глотков. Ароматное пламя пролетело по горлу и упало в желудок, согревая тело и освобождая душу для полета.

– Великолепно! – сказал Карл, возвращая кувшин хозяину. – Так что там с историей?

– История и есть, – ответил Фальх и, сделав глоток, передал кувшин Медведю. – Арина Нова – так ее звали. Потом она вышла замуж за Гавриила Рудого, и они первыми стали княжить в Семи Островах. Так что князь Семион их прямой потомок, а кости Новы покоятся в княжеской усыпальнице.

– И она в самом деле была такой, как пишет Леон? – Получалось, что он прав: если есть вопрос, всегда есть и ответ.

– Не знаю, откуда об этом узнал Леон, но в «Старой Хронике» ее описывают именно так. – Фальх получил обратно свой кувшин и снова, сделав всего один глоток, протянул Карлу. – А «Хронику» эту, мастер Карл, писали люди, которые жили как раз в то время.

– А звезда? – спросил Карл, с наслаждением вдыхая аромат водки.

– Так вон она, – указал в небо Фальх. – Видно, конечно, плохо – луна мешает, но рассмотреть можно. Вон, сразу за Парусом. Голубая!

Карл поднял взгляд к небу, нашел пять звезд Щита, которые на побережье называли Парусом, и почти сразу увидел голубую искру над левым верхним углом Щита. Такой звезды он не помнил.

– И давно она взошла? – спросил он, чувствуя, что свет звезды тревожит сердце, как будто пытаясь ему о чем-то напомнить.

– Девять дней, – ответил на его вопрос Медведь.

– И Новое Серебро, – тихо сказал Карл.

– Может быть, – пожал плечами Фальх. – Не знаю. А вы, мастер Карл, верите в такие вещи?

– Это не вопрос веры, мастер Фальх, – усмехнулся Карл. – Я предпочитаю знать. У вас есть что-нибудь?..

– Было, – с сожалением в голосе ответил Фальх. – Была у меня такая книга, но пришлось ее продать.

– «Звездные странники»? – с удивлением спросил Карл. Это была не более чем догадка, но ему показалось...

– А откуда вы?.. – От удивления Фальх даже привстал.

– Догадка, – ответил Карл. – Так она у вас была?

– Была, – кивнул Фальх. – Но Клавдия потребовала, и мне пришлось уступить.

– Клавдия? – переспросил Карл. – Вы имеете в виду княгиню?

– Ну да, – подтвердил Фальх. – Княгиня собирает редкие книги. Я еще подумал, когда вы, мастер Карл, купили у меня книги, что и в этом вы похожи.

– Похожи? – не понял Карл. – В чем, собственно, мы похожи?

– Ну как же! – воскликнул Фальх. – Она ведь тоже когда-то пришла на Фестиваль, а участвовать в испытании отказалась.

– И не стала рабыней? – спросил заинтересовавшийся неожиданно открывшимся обстоятельством Карл.

– Не стала, – подтвердил Фальх. – Семион взял ее в жены.

5

Тень кошки появилась неожиданно. Карл не уловил мгновения, когда она вышла на освещенную лунным светом стену одного из домов, выходявших фасадами на рыночную площадь. Просто за миг до этого ее там не было – и вот уже она идет по стенам домов, медленно переставляя лапы и увеличиваясь в размерах. Когда тень достигла башни маяка, она была уже очень большой, а по круглым стенам маяка, поднимаясь вверх как бы по невидимой спиральной лестнице, шел уже ягуар. Достигнув примерно середины подъема, оборотень в очередной раз исчез из виду, уйдя на противоположную сторону башни, и в этот момент на каменной стене появилась другая тень. На этот раз по стене прогуливалась тень человека. Это, несомненно, был мужчина – во всяком случае, выглядел он как мужчина и был опоясан мечом. Прогуливался он, делая всего по несколько шагов в каждую сторону, но не исчезая из виду. Ягуар, прошедший очередной виток спирали, появился справа от мужчины и, остановившись на мгно-

вание, беззвучно зарычал. Как и прежде, голоса зверя не было слышно, но на этот раз Карл почувствовал, как дрожит воздух.

А потом ягуар прыгнул на человека и в считанные мгновения разорвал его на куски.

– Кто-то умер, – сказал Карл.

– Еще нет, – возразил аптекарь тихим голосом. – Но скоро умрет.

– Предупреждение? – спросил Карл, наблюдая за тем, как тает на стене тень ягуара.

– Скорее предвкушение, – предположил Фальх.

– Возможно, вы и правы. – Карл встал и поклонился старикам. – Спасибо за приятную беседу, судари мои. – Он улыбнулся. – И за водку, естественно. – Карл отдельно поклонился Фальху. – Ваша водка просто чудо, мастер Фальх. А куда, кстати, делись кошки? Сегодня не было кошек – ведь так?

– Вероятно, они испугались, – пожал плечами Фальх.

– Кошки боятся смерти, – добавил Медведь. – Даже призрачной смерти, господин мой Карл.

6

Шум и характерную суету разбуженных среди ночи и объятых страхом людей Карл услышал издалека, так что увиденное им на Льяняной улице не застало его врасплох. Последние несколько улиц и переулков он миновал бегом и, стремительно ворвавшись на свою улицу, увидел мечущихся без смысла и толка людей с зажженными факелами в руках. Женщин здесь не было, кричали и суетились полуодетые мужчины, некоторые из них успели все же вооружиться. При виде Карла люди замолкали и отступали к стенам домов, освобождая ему путь.

Карл прошел несколько метров по этому импровизированному коридору и наконец увидел свой дом. Дверь была распахнута настежь, а за ней клубился плотный мрак. Увидев это, Карл снова побежал, обнажая на ходу меч и чувствуя в себе холодную решимость увидеть мертвую Дебору и начать вендетту, о которой в этом проклятом городе будут с ужасом вспоминать и через сто лет. У самого порога он вырвал из руки одного из мужчин горящий факел и ворвался в дом.

Его взору предстало страшное зрелище. Весь первый этаж завален мертвыми телами и залит кровью. Кровью забрызганы стены и даже потолок. Но это было неважно. Не сейчас, не теперь... Обнаженная Дебора лежала ничком у подножия крутой лестницы, ведущей наверх. Она была вся в крови, ее дивные золотые волосы стали темными и слиплись. В руке Дебора сжимала железную кочергу, которой, судя по темным потекам на металле, она успела нанести хотя бы несколько удачных ударов. Карл опустился рядом с ней на колени и осторожно перевернул на спину. К его удивлению, на теле Деборы не было ран, и она была жива. На ней лежала чужая кровь, а своей она, судя по всему, не пролила ни капли. Это было странно, но вопросы и недоумения можно было пока отложить в сторону. Главное заключалось в том, что Дебора дышала. Дыхание было слабое и напряженное, но она была без сознания, а не ранена или убита. Карл встал и уже внимательно осмотрел помещение.

Нападавших было шестеро. Карл подошел к одному из них и, нагнувшись, тронул обрывок плаща. Плащ, несомненно, был красным.

Гвардейцы Кузнецов? – удивленно спросил себя Карл. – А почему бы и нет? Ведь все должно было пройти тихо и закончиться совсем по-другому.

Вероятно, все так и случилось. Они проникли в дом, чтобы захватить Дебору и затем обменять ее на меч Яна. Предположение не показалось Карлу противоречивым. О том, что его отношения с Деборой изменились, узнать мог и кто-нибудь еще. Например, Анна.

Карл увидел маленький кожаный мешочек, выпавший из кармана гвардейца. Взяв его в руку, он нашупал внутри четыре маленьких кубика.

– Кости, – усмехнулся Карл, кладя мешочек в карман камзола. – Ну что ж, тот, кто играет в кости, должен знать: выигрыш приходит не всегда.

Итак, они вошли в дом, но Дебора услышала шум и, вскочив с постели, как была, нагишом – так ты все-таки ждала меня, Дебора? – бросилась вниз, вооружившись по дороге кочергой. Ее шансы были ничтожны, но она дралась до конца, пока кто-то из гвардейцев не приложил ее чем-то тяжелым по голове, а калечить ее они не хотели, соблюдая правила игры.

Так? Возможно, что и так, а может быть, и иначе. Но, допустим, все было именно так. Дебора упала, потеряв сознание, и в это время пришел оборотень.

В том, что здесь побывал оборотень, не могло быть сомнений. Монстр разорвал гвардейцев буквально на куски, залив все вокруг их кровью и забрызгав мозгами из разбитых черепов.

И не тронул лежащую без сознания женщину?

Карл покачал головой и вернулся к Деборе. Он воткнул факел в кольцо на стене, расположенное так, чтобы огонь не доставал до низкого потолка, вложил не нужный теперь меч в ножны и, завернув Дебору в свой плащ, взял на руки. Поднявшись наверх, он положил ее, как была – в его плаще – на разобранную постель, укрыл одеялом до подбородка и, присев рядом, осторожно ощупал голову. Шишку на затылке Деборы он обнаружил сразу, так что его предположения о событиях, произошедших в этом доме не более получаса назад, получили фактическое подтверждение. И все-таки его не оставляло сомнение. Все было более чем логично. Кроме одного. Почему оборотень не тронул Дебору? Или он атакует лишь тех, кто находится в сознании? Но о том, что оборотни и вурдалаки не нападают на спящих, Карл не слышал никогда. Обратное слышать приходилось, а такого – нет.

Он нашел подсвечник и зажег свечу. При свете Карл увидел то же самое, что уже видел в темноте. Сюда не заходили ни гвардейцы, ни монстр. Об ужасе, случившемся в его доме, здесь, наверху, можно было догадаться только по терпкому запаху свежей крови.

Изменение в тональности шума, доносившегося с улицы, отвлекло Карла от размышлений о том, что же на самом деле произошло здесь тогда, когда он прощался со стариками в рыбном порту. Теперь, судя по всему, на место преступления подросла городская стража. Карл бросил быстрый взгляд на Дебору и пошел разбираться со стражниками.

Стражников он застал уже в доме. Знакомый ему офицер – тот самый, что не сообщил Карлу о Фестивале, – и трое солдат, с факелами в руках, стояли у самой двери. Казалось, зрелище жуткой резни выдавливает их наружу. Было видно, чего им стоит оставаться на месте. На их лицах застыло выражение ужаса и потрясения.

– Доброй ночи, господа, – сказал Карл, спускаясь по лестнице.

Ответом ему был непонимающий взгляд лейтенанта.

– Я рад, что вы наконец пришли, – усмехнулся в ответ Карл, выделив интонацией слово «наконец». – Полагаю, вы понимаете, что это значит.

Карл неопределенно повел рукой, как бы приглашая пришедших посмотреть вокруг.

– И что это значит? – хмуро спросил офицер, пришедший в себя быстрее солдат.

– Это значит, – назидательно сказал Карл, – что в Сдоме появился оборотень.

– Оборотень?! – У лейтенанта от удивления едва глаза на лоб не вылезли. – Да что вы такое говорите, мастер!

– А что говорят соседи? – вопросом на вопрос ответил Карл.

– Несут околесицу, как всегда, – зло бросил лейтенант.

– Тогда кто еще, по-вашему, мог сделать такое? – Карл снова повел рукой, показывая лейтенанту комнату, залитую кровью.

– А где ваша?.. – Лейтенант затруднился найти подходящее слово для определения нынешнего статуса Деборы.

– Она жива, – сообщил Карл. – Но без сознания. Разбудить мне ее пока не удалось, так что ее рассказ мы услышим позже, если услышим вообще.

– Что вы имеете в виду, мастер? – подозрительно спросил лейтенант и вдруг напрягся. Судя по всему, он наконец разглядел детали одежды погибших здесь людей и понял, кто это такие.

– Добрые боги! – воскликнул он, делая шаг вперед и наклоняясь над одним из несчастных, которого ночной охотник разорвал почти надвое. – Это же гвардейцы Кузнецов!

– Вот именно, – подтвердил Карл. – И вы думаете, кто-то, кроме оборотня, способен так отделать шестерых вооруженных мужчин, которые были всего лишь гвардейцами семьи Кузнецов?

– Значит, оборотень, – обреченно признал лейтенант. – Вы его видели, мастер?

– Нет, – покачал головой Карл. – Когда я пришел, все было кончено. Может быть, кто-то из соседей?..

– Да не видели они ничего, – махнул рукой лейтенант. – Только слышали. А откуда тогда здесь гвардейцы?

– Не знаю, – пожал плечами Карл. – Может быть, они просто проходили мимо и что-то увидели?

– Ну разве что так.

По голосу лейтенанта не чувствовалось, что он верит в это объяснение, но, вероятно, оно устраивало его точно так же, как и Карла, хотя и по другой причине.

– Да, – сказал лейтенант через минуту, обдумав ситуацию. – Я думаю, вы правы, мастер. Они конечно же проходили мимо, увидели, как оборотень проникает в дом, и попытались защитить вашу женщину.

– Bravo! – Карл не стал скрывать иронии. – Хвала вашей проницательности, офицер, теперь мы доподлинно знаем, что здесь произошло.

7

Солдаты ушли, и Карл опять остался один. Он закрыл дверь, окинул взглядом разгромленную кухню и вернулся наверх.

Дебора спала. Теперь это был уже просто сон. Глубокий, может быть, слишком глубокий, но сон. Лицо ее заливала бледность, глаза были закрыты, и грива слипшихся, потерявших золотой блеск волос лежала на подголовном валике.

Карл остановился напротив кровати и долго смотрел на спящую женщину. То, что она прекрасна, не вызвало никаких сомнений даже теперь, в нынешнем ее состоянии. Он только никак не мог решить, какая Дебора нравится ему больше. Такая, как сейчас, голубоглазая, с волосами цвета созревшей пшеницы, или другая – темно-русая, с серыми внимательными глазами? Карл усмехнулся своим мыслям и скептически покачал головой.

Он зажег свечи в большом шандале и, оставив спящую Дебору, пошел в мастерскую.

Купленные накануне книги лежали с краю стола, всю остальную поверхность которого занимали рисунки, наброски к портретам двух дам, плоски с красками, угольные карандаши, кисти, еще ни разу не опробованные в Сдоме пастельные палочки, бумага, разбавители, воск, пластинки клея... Множество вещей, которыми он успел обрести за немногие дни пребывания в городе.

«Не судьба, – подумал Карл, глядя на стол. – Судьба...»

Судьба? Он сунул руку в карман, нащупал мешочек с костями и вынул его на свет.

В наборе Карла было шесть костей, в этом – четыре. Разные традиции, непохожие игры.

Карл развязал мешочек, высыпал кости себе на ладонь и, не раздумывая, метнул их прямо с левой руки на стол. Деревянные кубики дробно ударили в столешницу между кувшинчиком со скипидаром и связкой пастельных палочек, и ни один из них не ушел с предназначенного им пустого пространства. Кости подскочили, закувыркались, замерли. Четыре шестерки.

Карл задумчиво смотрел на кости, решая, не попробовать ли еще раз. Четыре деревянных кубика, потемневших от времени и множества прикосновений, лежали на столешнице, выставив вверх грани, украшенные изображением шестиконечной звезды. Шесть, шесть и еще раз шесть... и снова шесть. Четыре шестерки с первого случайного броска.

Стоит проверить, – решил он и пошел искать свой дорожный мешок. Мешок нашелся в сундуке, стоявшем в их с Деборой комнате. Еще через минуту шесть белых, как снег в горах, костей стукнули в стенки деревянного стаканчика и вылетели на пол. Кости ударили в доски пола, подскочили и поскакали, переворачиваясь на ходу. Звук получился резким и довольно громким, и Карл в тревоге оглянулся на спящую Дебору, но та даже не пошевелилась, лежа все в той же позе, в какой он ее оставил. Когда Карл повернулся к замершим на полу костям, то даже не удивился, увидев шесть шестерок.

«Попробовать еще раз? – подумал он почти равнодушно. – Почему бы и нет?»

Карл собрал кости и бросил их снова. Шесть шестерок.

Где заканчиваются случайности и начинаются закономерности?

В памяти что-то тяжело ворохнулось. Какая-то мысль, или даже тень мысли шевельнулась, обозначив свое присутствие, и исчезла, оставив «послевкусие», но не задержавшись достаточно, чтобы быть осознанной. Что-то было во всем этом не то чтобы знакомое, пережитое, нет, но все-таки известное. Что-то, о чем он знал, слышал или читал когда-то и где-то. Вот только что это такое, Карл вспомнить не мог.

Значит, еще не время, решил он и снова пошел в мастерскую, оставив ровно дышащую Дебору спать и видеть сны.

Остаток ночи он провел, сидя за столом и читая книги, купленные в лавке Ивана Фальха.

8

На рассвете пришли монахи ордена Молчальников. Карл даже не знал, что у ордена в городе есть своя обитель, но оказалось, что есть. Монахи собрали мертвецов и оторванные части тел, погрузили на дроги и, молча помолвившись в испоганенном кровавой резней доме, отправились восвояси. Пока они трудились и предавались молитве, Карл наскоро побеседовал с некоторыми из соседей, вставших, как и большинство горожан, с солнцем, и уже через несколько минут соседский парень, карман которого обрел пару медных грошей, отправился в неблизкое путешествие в Слободку, чтобы привести оттуда женщин, бравшихся за грязные уборки в богатых домах. Если Карл хотел оставаться жить в этом доме, а он и не думал его пока покидать, жилище следовало привести в порядок. И не только дом. Карл попросил соседок нагреть для него воды, послал младшую дочь хозяина дома напротив купить съестного и несколько метров льняной ткани, затем, вернувшись в свою мастерскую, быстро написал несколько коротких записок и, запечатав их сургучом, снова спустился вниз. Теперь неожиданный заработок достался еще двоим соседским мальчишкам, стремглав понесшимся выполнять доходные поручения Карла. А сам он дождался, пока из дома уйдут монахи, забрал у соседей два деревянных ведра с испускающей пар горячей водой, отнес их в баню на заднем дворе и вернулся к Деборе.

Она все еще спала. Дыхание ее выровнялось, и бледность сошла с лица, но то, как Дебора спала, сказало Карлу, что, как он и предполагал, будить ее – напрасный труд. Она проснется не сейчас, а когда придет время. Другое дело, что он не знал, когда придет это время, и, следовательно, должен был исходить в своих действиях из предположения, что спать она будет еще долго.

Покачав головой, Карл оставил Дебору и занялся более насущными делами, чем бессмысленное стояние над спящей женщиной. Первым делом он осмотрел содержимое сундуков и легко нашел купленное Деборой постельное белье, так что перестелить постель оказалось

несложно. Он лишь задержался на секунду над дорожной сумкой Деборы, лежавшей в том же сундуке, где и льняные простыни, но искушение заглянуть туда, хотя и возникло – что правда, – было тут же с гневом изгнано прочь. Карл закрыл сундук и вернулся к кровати. Переложив Дебору на пол, он быстро поменял испачканные простыни и только после этого, снова подняв ее на руки, отправился в баню.

Как он и предполагал, его плащ был безвозвратно испорчен, и, значит, в списке дел, намеченных на этот день, прибавился еще один пункт, выполнить который в нынешних обстоятельствах будет совсем непросто. Чтобы купить новый плащ, ему пришлось бы оставить Дебору одну, но делать этого Карл пока не хотел. Возможно, потом, если его предположения о солдатской чести окажутся верными, он и сможет отправиться в город, тем более что там были и другие дела, но это зависело не только от него. Вернее, не столько от него, сколько от других людей.

Но жить можно и без плаща, решил Карл и стал отмывать Дебору от уже засохшей и превратившейся в бурую корку крови.

Карл не был брезглив, тем более его не пугала кровь. Чего-чего, а крови он видел не меньше, чем иной мясник за всю свою жизнь. Так что, обмывая Дебору, он не обращал внимания на то, что именно он с нее смывает. Зато сам процесс обмывания спящей женщины оказался полон незнакомых Карлу впечатлений. Безвольное, податливое тело в его руках. Нежная белая кожа, медленно освобождающаяся от коросты запекшейся крови. Волосы, которые снова стали русыми, длинные и шелковистые, чуть выющиеся волосы Деборы. Ее совершенная грудь, широкие бедра и крепкие ноги. Все это – ощущения прикосновений, зрительные образы и даже запах – неожиданным образом загло Карла, удивив его самого силой переживания, испытываемого им сейчас. Но овладеть спящей женщиной всегда казалось ему чем-то запретным, неприемлемым, противоречащим самой сути плотской любви. Поэтому в тот момент, когда он обратил внимание на то, как его руки смывают грязь и кровь с живота Деборы, Карл даже застонал от противоречия между охватившим его возбуждением и непристойностью своих мыслей. Усилием воли он взял себя в руки и продолжил мыть Дебору, лишь ускорив свои действия до предела, чтобы поскорее закончить начатое дело.

И все равно загнать демонов страсти, уже вырвавшихся на волю, обратно в узилище, созданное волей и привычкой, было непросто, и, когда, укутав вымытую, продолжавшую мирно спать Дебору в кусок полотна, он нес ее в спальню, Карл был уже в оке тайфуна. Он с огромным трудом удерживал себя в рамках разумного, но чувствовал, что стены его воли дают трещины и ему следует спешить. Поэтому, уложив женщину в постель и накрыв ее одеялом, Карл едва ли не бегом бросился в свою мастерскую.

Его руки дрожали от нетерпения, когда он закреплял кусок картона на большом мольберте, и вожделение, затопившее его душу, заставило его выбрать пастельные карандаши вместо угля, потому что образы, роившиеся в его голове, требовали теплого живого цвета, а не серых линий, оставляемых на бумаге углем. Однако это было все, на что хватило его железной воли. Особенно могучая волна, родившаяся в его рвущемся из груди сердце, смела последние барьеры и затопила сознание.

Глава шестая Кости судьбы

1

На этот раз, как, впрочем, уже случалось с ним в прошлом, Карл погрузился в переживание своих эмоций так глубоко, что отвлечь его от этого сладкого ужаса не могли никто и ничто. Это не означало, однако, что он полностью и окончательно прервал связи с внешним миром,

как иногда случалось с другими художниками. Просто окружающий мир перестал существовать для него в той мере, в какой существовал обычно. Мир утратил значительную часть своей вещественности и значимости, но не исчез вовсе.

Как в тумане, спускался Карл несколько раз – сколько? – вниз, чтобы получить ответы, принесенные ему мальчишками от тех, к кому Карл их посылал, или чтобы встретить женщин, пришедших делать уборку в его испоганенном доме, или чтобы получить из рук княжеского герольда свиток, запечатанный гербом Семи Островов, но каждый раз Карл делал это, как сомнамбула или лунатик, не просыпаясь и не возвращаясь окончательно в вещный мир из своего собственного мира химерических видений. Он откликался на зов, приходящий извне, спускался из своей мастерской вниз, открывал дверь, выслушивал то, что хотели ему сказать люди, представавшие перед ним намного менее реальными, чем то, что стояло сейчас перед его глазами; он что-то говорил, брал и возвращал, делал распоряжения, но неизменно возвращался наверх, в мастерскую, к своей работе, моментально забывая при этом, ради чего только что ее прервал.

Когда он наконец очнулся от зачарованного сна, когда мощная энергия страсти и вождения вышла из него до капли, пролившись волшебным эликсиром цвета и света на недавно еще девственно чистый картон, Карл почувствовал, что он неимоверно устал, отдав рисунку все, что у него было, но одновременно он почувствовал, как возвращаются к нему силы, вливаясь в опустевший сосуд его души извне. Это было странное, но давно знакомое и желанное ощущение. Пьяная легкость во всем теле, ощущение сладкого утомления и бурлящей от притока новой жизни крови. Это было похоже на то, что испытывает истинный кавалер после ночи, полной любви и вина. Такая ночь, это верно, отнимает силы, но она же дарит радость жизни и, значит, дарует новые силы – меняет кровь, как говорят знающие жизнь люди.

Стук в дверь повторился, и Карл понял, что из забытья его вывело не только окончание работы, но и настойчивый, не в первый раз, вероятно, повторяющийся нервный стук. Он вздохнул, с сожалением оставляя позади мир грез, с новым интересом посмотрел на сделанный им рисунок, удивленно пожал плечами и, накрыв картон тряпицей, пошел открывать.

Судя по освещенности комнаты, было уже близко к полудню. Внизу все было прибрано и отмыто, и окна открыты настежь, но запах пролитой ночью крови еще до конца не выветрился. Карл подошел к двери, открыл ее и снова удивился – во второй раз! На пороге его дома стояла дама Виктория Садовница, облаченная в длинный изумрудно-зеленый плащ с капюшоном, закрывавшим ее воронова крыла волосы.

2

– Добрый день. – Чувствовалось, что Садовница прилагает немалые усилия, чтобы выдерживать нейтральный тон. Ее что-то сильно тревожило, иначе она не пришла бы к Карлу, тем более в такой день, но в то же время и показывать свою тревогу, которая есть слабость, она не желала.

– Да уж, – усмехнулся Карл, которому в данном случае скрывать было нечего, да и незачем, – добрый.

Воцарилось неловкое молчание, тем более неприятное для Виктории, что она все еще стояла за порогом. Похоже, она просто не знала, как начать разговор, и начинала из-за этого волноваться. А Карлу молчание было не в тягость.

– Можно мне войти? – наконец спросила Виктория.

– Можно. Проходи. – Карл посторонился, пропуская Садовницу, и сделал приглашающий жест рукой.

– Спасибо.

Кивнув Карлу, она с видимым облегчением прошла в дом и остановилась.

Ну-ну, усмехнулся Карл, наблюдая за женщиной. Посмотри.

Не скрывая своего интереса, Виктория медленно огляделась вокруг, но после уборки, устроенной утром, смотреть, собственно, было не на что. Вот разве только запах... Запах пролитой крови все еще напоминал о том ужасе, который случился здесь ночью.

– Пойдем наверх, – предложил Карл. – Здесь все еще пахнет смертью.

Виктория ничего не ответила, но послушно пошла впереди него к лестнице и по ней наверх, в мастерскую Карла.

– Что-нибудь случилось? – спросил Карл, когда они оказались в комнате.

– А разве нет? – Лицо ее ничего не выражало, но глаза были полны тревоги.

– У меня, – кивнул Карл. – Или оборотень заходил и к тебе?

– Нет, – ответила Виктория ровным голосом. – Ко мне оборотень не заходил. А что с твоей женщиной, Карл?

– Ты имеешь в виду мою рабыню? – уточнил он, беззастенчиво рассматривая ее лицо.

– Она тебе больше не рабыня, – покачала головой Виктория. – И не делай вид, что ты меня хочешь. Ты меня не хочешь.

«Неплохой ход, – согласился в душе Карл. – Ты напомнила мне, что ты Видящая, но я этого и не забывал, милая».

– Она цела, – сказал он вслух, решив, что обсуждать свои отношения с Деборой не будет. – Она потеряла сознание до того, как пришел оборотень.

– И он ее не тронул? – Это не было удивление, Виктория просто уточняла.

– Не тронул, – согласился Карл. – Странно, не правда ли?

– Не знаю, – ответила Виктория после секундной паузы. – Я мало знаю об оборотнях. А ты?

– Я тоже. – Карл все-таки достал свою трубку. – Но мне не приходилось слышать о том, чтобы оборотень оставлял после себя живых.

– Тебе следует радоваться, а не задавать вопросы.

Карл услышал в ее голосе нотку горечи и мысленно кивнул, запоминая и эту интонацию тоже.

– Я радуюсь, – сказал он и увидел, что Виктория с неожиданным любопытством смотрит на брошенные на стол кости.

– Бросаешь кости, Карл? – спросила она, подходя к столу и рассматривая находившиеся на нем предметы.

– Да вот, – усмехнулся он, – метнул пару раз...

– Что выпало, не расскажешь? – Виктория обернулась и посмотрела ему в глаза.

– Нет, – покачал он головой. – А что, многие пробуют?

– Не знаю, многие ли, но некоторые пробуют. – Она отвернулась и, обойдя стол, начала рассматривать лежащие там рисунки.

– А ты? – спросил Карл вдогонку.

– Мне нельзя, – ответила она равнодушно. – Я Видящая. Кто она?

– Кто? – Карл подошел ближе и увидел, что Виктория смотрит на рисунок, который оказался последним среди набросков, сделанных в доме Анны. Галина.

– Очень красивая женщина... – Виктория подняла на него испытующий взгляд. – И я ее уже видела.

Вот это было неожиданно. Где могла видеть дама Виктория Садовница Галину Нерис?

– Да что ты говоришь? – усмехнулся Карл. – И где же?

– У себя дома, – улынулась Виктория. – А где ты, Карл, видел ее портрет? И когда?

«У нее дома висит портрет Галины?» – Карл мысленно покачал головой, в очередной раз поражаясь превратностям судьбы. Впрочем, это мог быть и другой портрет. Совсем другой.

– Вероятно, во сне, – пожал он плечами. – Я, знаешь ли, люблю красивых женщин. И ты одна из них.

Виктория продолжала смотреть ему в глаза. По всей видимости, завязав разговор, она успокоилась, хотя тревога ее не покинула полностью.

– Не утруждай себя понапрасну, Карл, – сказала она. – Я тебе не нужна, и я об этом знаю. А ты знаешь, что знаю я.

Она улыбнулась, но улыбка вышла холодная. Никакая. Даже портрет Галины ее не заинтересовал по-настоящему, хотя, казалось бы, должен был. Существовало что-то другое, что всецело занимало мысли Виктории, но об этом пока не было сказано ни слова.

– А что ты знаешь про Кости Судьбы? – спросил Карл.

Вот теперь она удивилась.

– Я знаю, – сказала она после небольшой запинки. – Но даже я, Карл, знаю не все. А ты? Откуда ты знаешь про Кости Судьбы и что ты знаешь?

– А я ничего и не знаю, – снова улыбнулся Карл. – Расскажи мне, какие они?

– Что ты имеешь в виду? – Было очевидно, что Виктория не поняла его вопроса. Или они говорили о разных вещах?

– Ну, – объяснил Карл, – как они выглядят? Что в них особенного? Вырезаны они из кости дракона или, скажем, из изумрудов?

Что-то ворохнулось в памяти, когда он упомянул про изумруды, какое-то давнее воспоминание, вернее – его след. Что-то невнятное, так и не воплотившееся в слова или образы. Тем не менее что-то, что могло, по его внутреннему ощущению, оказаться чрезвычайно важным. Но Карл так и не смог сейчас вспомнить что-нибудь более конкретное, однако запомнил след и решил вернуться к этому позже.

– Ах, это! – Садовница понимающе улыбнулась. – Нет, Карл, это не так. Это все сказки. Кости Судьбы могут быть любыми. Такими, как эти, например, а могут быть и другими. – Она посмотрела в окно, как будто ожидала найти там подходящие примеры. – Говорят, в коллекции Игнатия Кузнеца восемь сотен наборов костей... Я видела только самые дорогие и ценные из них. И все они могли бы стать Костями Судьбы, Карл. Любые из них. Кстати, у Игнатия есть и кости, выточенные из драконьего рога, и шесть костей из шести первых камней. Но это неважно. Важно не то, какие метаются кости, а то, чья рука, как и для чего их бросает. Понимаешь?

– Понимаю, – кивнул Карл. – А ты, Виктория, смогла бы?

– Нет, – печально улыбнулась волшебница. – Если бы я бросила Кости Судьбы, последствия были бы ужасны, и прежде всего для меня самой.

– Но ты знаешь, как? – Карл не собирался отпускать мелькнувшую нить.

– Теоретически да, – кивнула Виктория. – Но я не думаю, что это подходящая тема для разговора.

Было очевидно, что Карл вплотную приблизился к границам дозволенного.

– Это описано в какой-то книге? – спросил он. – В ваших книгах?

– Карл, – мягко улыбнулась Виктория, – ты вторгаешься на чужую территорию.

– Я знаю, – так же мягко ответил Карл.

– Значит, ты должен знать и то, что я не отвечу.

Виктория отвернулась и продолжила нарочито внимательно изучать его рисунки.

– А если я предложу тебе сделку? – спросил Карл ее спину.

– Не уверена, что у тебя есть что-нибудь, что компенсировало бы мое предательство. – Ее голос был сейчас холоден, но чувствовалось, что пока она себя сдерживает. Вероятно, она все еще не хотела прерывать разговор.

– Да, – тихо сказал Карл. – Это серьезный вызов моему воображению. Но, может быть, это?

Он подошел к мольберту и сдернул тряпку, закрывавшую картон. Виктория медленно обернулась, посмотрела на рисунок и начала стремительно бледнеть.

– Откуда ты... – Она не могла говорить. – Ты не мог... Никто...

– Не знаю, что ты имеешь в виду, – ровным голосом сказал Карл. – Но я думаю, что мог бы тебе помочь.

– Я могу его взять? – В голосе Виктории все еще жило испытанное ею потрясение.

– Бери, – согласился Карл. – Ведь твоего портрета я так пока и не написал.

– А напишешь? – Она все-таки оторвала взгляд от рисунка и снова посмотрела ему в глаза.

– Кто знает, – пожал он плечами. – Если сама Видящая не может сказать, то кто я, чтобы предсказывать будущее?

– Напишешь, – сказала она через минуту. В ее голосе звучало удивление. – Что ты хочешь знать?

– Все, – твердо сказал Карл. – Все, что знаешь ты.

– Не много, – нехотя призналась Виктория. – У нас есть... книга... – Она вдруг замолчала, явно о чем-то задумавшись. – Ты думаешь... – голос Виктории, когда она заговорила, был тих, но, казалось, он вибрирует от внутреннего напряжения, – ты думаешь, кто-то бросает Кости?

– Слишком много случайностей, – пожал плечами Карл.

– Да, пожалуй, – подумав, согласилась Виктория. – И время подходящее...

– Ты начала что-то говорить о книге, – напомнил Карл.

– Да, – кивнула Виктория, но было видно, что мысли ее сейчас заняты чем-то другим. – Была, и там...

– Так есть или была? – прервал ее Карл.

– Что? – встрепенулась Виктория.

– Книга. – Карл был терпелив. – Сначала ты сказала «есть», а потом – «была». Так она есть или была?

– Ах да, – поняла наконец Виктория. – Есть, конечно. Но было две копии, и одна из них хранилась... Неважно, где она хранилась, но там мне было легче ее читать. А потом ее украли вместе с еще несколькими книгами. Скорее всего, кто-то из своих или кто-то из других Семей, но, сам понимаешь, в этом никто никогда не сознается.

– Понимаю, – усмехнулся Карл. – Вор берет не для того, чтобы его повесили. А что за книга?

– Ну, – сказала Виктория, возвращаясь к разговору, – это рассказ о разных редких и чудесных вещах. Не сказки, Карл, но иногда очень похоже на сказку, потому что тот, кто записал эти рассказы, тоже знал большинство историй с чужих слов. Книга очень старая, написана она тогда, когда еще не было Шести Семей, и я думаю, что копии книги есть и у Кузнецов, и у Геометров, и у других, возможно, тоже. Но это неважно. Важно, что именно в этой книге и записан рассказ про Кости Судьбы. Я тебе уже говорила, что для этого подходят любые кости, главное не в них, а в том, что надо знать формулу, уметь эту формулу соблюсти и твердо знать, чего именно ты хочешь.

– И быть волшебником, – задумчиво добавил Карл.

– Необязательно, – покачала головой Виктория. – Необязательно. Достаточно, если у тебя есть какая-нибудь магическая вещь. Что-нибудь вроде рога единорога или камня мечты, или, скажем, тебе довелось заполучить зачарованное оружие иных...

– Ты имеешь в виду нелюдей? – Карл был искренне удивлен. – А разве от них что-нибудь осталось? – поднял он в удивлении бровь.

– Не знаю, Карл. – Виктория пожала плечами. – Говорят, да, но я никогда не слышала ни об одной их вещи.

– Продолжай, – попросил Карл.
– Да, собственно, я тебе уже все рассказала, – холодно улыбнулась Виктория. – Ну еще надо выбрать правильный момент.
– Например, полнолуние? – спросил Карл.
– Да, – подтвердила Виктория. – Или затмение, или солнцеворот.
– Или Новое Серебро, – кивнул Карл.
– Возможно, – кивнула Виктория. – И еще: бросают только с левой руки, и бросать надо двенадцать раз, но не чаще одного раза от луны и до луны.
– Значит, ночью? – уточнил Карл.
– Возможно, – согласилась Виктория. – Но я точно не знаю. Там было написано: «от луны до луны».
– А формула там была? – спросил он.
– Была. – Она говорила сейчас очень тихо. – Но я тебе, Карл, ее не скажу. Тебе нельзя бросать Кости Судьбы.

Она смотрела на Карла так, как если бы ожидала, что он начнет ее расспрашивать, или просто прервет, или сделает еще что-нибудь в этом же роде, но Карл молчал. Он не отвел взгляд, а продолжал смотреть ей в глаза, но ничего не делал и ничего не говорил. Он ждал. И говорить пришлось ей.

– Я не знаю, кто ты, Карл, – сказала Виктория. – Но я знаю, что ты совсем не тот, кем хочешь казаться. Ты очень странный человек, Карл, и очень опасный. Я не удивилась бы, узнав, что ты маг, но в тебе нет Силы и Дара у тебя нет. Я бы почувствовала... И это странно, потому что ты... Не знаю.

Она покачала головой, как бы примираясь с тем, что не может высказать словами то, что чувствует, знает, видит. А может быть, только делала вид, что не знает, не желая сказать всего.

– Да, – сказала Виктория, помолчав. – Ты другой. Я не знаю, что это, но знаю, что именно тебе, как и мне, нельзя бросать Кости Судьбы.

– Почему? – Карл счел, что имеет право и на этот вопрос.

– Потому что броски Костей Судьбы разрушают порядок. Ты же знаешь, когда Кости брошены, может случиться что угодно. Даже то, чего случиться не может. Это желание бросающего расчищает себе дорогу к воплощению. И это опасно, Карл. Я не знаю, кто и зачем бросает сейчас Кости, но он сумасшедший! Он может погубить и себя, и всех нас!

Садовница запнулась и вновь, как уже происходило раньше, замолчала, думая о чем-то настолько важном для нее, что она готова была даже прервать разговор.

– Да, – согласилась Виктория с какой-то невысказанной вслух мыслью. – Возможно.

Она снова посмотрела на терпеливо ожидающего продолжения Карла.

– Ты обещал, – сказала она. – Может быть, ты и сможешь... Я не желаю тебе зла, Карл. И готова даже помочь, хотя еще не знаю в чем. Но если начнешь бросать ты, равновесие может быть разрушено так, что погибнешь не только ты сам, но и многие близкие и далекие, но связанные с тобою люди.

– Спасибо, – сказал он серьезно и поклонился.

– Прощай. – Она повернулась, чтобы уйти, но Карл ее остановил.

– Постой, – сказал он, снимая картон с мольберта. – Ты забыла рисунок.

Он завернул рисунок в кусок полотна и протянул ей.

3

«Зачем же ты приходила на самом деле? – подумал Карл, провожая взглядом уходящую вниз по улице Викторию. – Что ты хотела мне сказать, женщина? И о чем промолчала?»

Он перевел взгляд на мужчину, рассматривавшего товар в мастерской столяра, расположенной всего в трех домах от дома Карла, и, поймав быстро брошенный взгляд в свою сторону, кивнул, приглашая незнакомца подойти. Тот сказал что-то столяру, вежливо поклонился и медленно пошел вдоль улицы. Карл стоял на пороге, дожидаясь, когда мужчина достигнет его дверей.

– Доброго дня, мастер Карл, – сказал мужчина подходя. – Меня зовут Марк. Август не мог прийти сразу, он освободится только к вечеру. Но вы можете говорить со мной, как с ним.

– Как с ним, не могу, – улыбнулся Карл. – Я думаю, вы понимаете, Марк.

– Понимаю, – кивнул тот. – Просто Август подумал, что дело спешное...

– Спешное, – согласился Карл. – Но не настолько. Вы служите в княжеской дружине?

– Да, – кивнул Марк. – Я, как и Август, лейтенант.

– Спасибо, Марк, – поблагодарил Карл. – Может, стаканчик бренди?

– Не откажусь, – усмехнулся Марк. Он был невысок, но кряжист, широкоплеч. В его поведении чувствовалась уверенность бывалого и знающего себе цену человека. Да и, судя по возрасту – Марку было явно за тридцать, – лейтенант успел немало увидеть и пережить, прежде чем дорога жизни привела его в Сдом.

Войдя вслед за Карлом в дом, Марк остановился, принюхался и зло усмехнулся:

– Кровищи небось было – хоть купайся!

– Да, хватало, – равнодушно откликнулся Карл, отправившийся за купленным соседской девушкой бренди. – А что, Марк, не часто забредают в Сдом оборотни?

– Не знаю, – ответил лейтенант. – За три года, что я здесь, этот первый. Но в Рудных горах они не редкость.

– Рудные горы? – с интересом спросил Карл, возвращаясь к столу с кувшином и стаканами. – Далеко же вы забрались, лейтенант.

Карл не уточнил, что он имеет в виду, но Марк, видимо, понял его правильно.

– Судьба, – пожал он плечами. – Само как-то вышло.

То, что лейтенант Марк не из Приморья, было видно и так, но то, что он родом с Высокой Земли, догадаться было трудно – лейтенант говорил на низинном диалекте без акцента. Однако Марк был вежлив и сам подсказал Карлу, откуда он родом. Карл кивнул и разлил бренди.

– Приходилось с ними встречаться? – спросил он, когда они оба сделали по первому глотку и почти одновременно достали из карманов трубки.

– Да, – кивнул Марк, неторопливо и обстоятельно снаряжая свою трубку с коротким чубуком. – Один раз в детстве, я еще пацаненком был, девка-лиса забралась в наш курятник. А я не знал, кто там, в курятнике, думал куница или лиса, ну и полез с вилами. Хорошо, что дом у нас небедный был, и вилы – не деревянные, а железные, а то бы уже не было ни меня, ни этого разговора.

Марк усмехнулся в густые усы, закрывавшие его верхнюю губу, и, взяв со стола горящую, несмотря на дневное время, свечу, закурил.

– Да, – продолжил он, выпустив первый дым. – Сунулся, увидел и сначала даже не понял, что происходит. Она красивая была, эта девка, молодая... Ну ты понимаешь, капитан! Она же голая была, лиса эта, а я голых баб до того времени всего-то и видел, что собственную мать, когда та на речке мылась. Ну да не на что там было особенно-то смотреть, я мать имею в виду, если ты не понял. Я у нее седьмой ребенок был, и после меня еще трое народились. Сам понимаешь. А тут молодая, красивая, груди торчат, между ног волос рыжий вьется, а сама вся белая...

Марк покачал головой, словно удивляясь своим воспоминаниям.

– А потом я лисью морду ее увидел и пасть окровавленную и, поверишь, обосрался. Как есть обосрался. А она, видно, дурочка еще была, молодая... Бросилась на меня, не подумав, а я со страху вилы-то и поднял. Вот она и напоролась. Прямо сиськами... Закричала...

Лейтенант снова на секунду замолчал, глотнул бренди и закончил рассказ неожиданно просто и коротко:

– Убежала она, и хорошо, что убежала. И для меня, и для нее хорошо.

– А второй раз? – спросил Карл, решивший больше не расспрашивать Марка о девушке-лисе. То, что Марк рассказал ему не всю историю и, скорее всего, не так, как было на самом деле, он понял и без дополнительных вопросов, а что тогда произошло с Марком на самом деле, было, очевидно, личным делом лейтенанта и Карла не касалось.

– Второй? – переспросил Марк. – Был и второй, но эта история много хуже закончилась. Это когда я уже у графа нашего, Давида, в дружине служил, да и оборотень матерый попался... Волк он был. Здоровущий! Настоящих-то волков таких и не бывает, капитан. Он, понимаешь, из этих был, которые полностью обращаются. Злой, жестокий... Пока справились с ним, – а нас пятеро, между прочим, было, – он трех наших уложил, честное слово... До сих пор, как вспомню, жуть берет. Монстр! Монстр и есть.

Марк оказался приятным собеседником и великолепным рассказчиком, а историй он знал столько, сколько может знать много попутешествовавший по миру бывалый солдат, к тому же человек от природы любознательный и неглупый. И бренди в компании Марка тоже пился легко и уходил незаметно. Они проговорили с ним почти два часа, беседуя ни о чем и обо всем, но все хорошее когда-нибудь да заканчивается, и в конце концов Марк ушел – ему надо было вскоре заступать в караул, – и Карл вернулся к своим делам и заботам. Спешить ему сейчас вроде бы было некуда, но и солнце никогда никого не ждет. Оно явно уже перевалило через вторую послеполуденную отметку.

Карл налил себе еще бренди и поднялся на второй этаж. Прежде всего, он подошел к Деборе, но она все еще спала, и Карл, постояв пару минут над ней, пошел в свою мастерскую.

Войдя в комнату, он сначала остановился на пороге, посмотрел на пустой мольберт и вспомнил рисунок, унесенный Садовницей. Секунду ему казалось, что картон остался на месте, так ярко и с такими деталями воспроизводила память рисунок. Потом он медленно подошел к столу. Кости по-прежнему лежали там, где он их оставил. Четыре шестерки.

«Так зачем же ты спрашивала о результате?» – спросил он мысленно Викторию, но ответа, как и следовало ожидать, не получил.

Тогда Карл решил узнать ответы на другие вопросы. С краю стола лежали княжеский свиток и две записки. Он начал с записок.

Первая была от Михайлы Дова. Аптекарь сокрушался по поводу случившегося и сообщал Карлу, что у него есть корень негоды и что он может приготовить эссенцию. Это были хорошие новости. Плохие содержались во второй записке. Секретарь Филолога сообщал, что Великий Мастер занят и встретиться с мастером Карлом Ругером из Линда не может. Впрочем, расстраиваться по этому поводу Карл не стал. Нет так нет. И он взялся за пергаментный свиток.

В княжеском послании содержалось пожелание скорейшего выздоровления рабыни мастера Карла (даже так?! – усмехнулся Карл), сожаления по поводу случившегося и сетования на наступившие беспокойные времена. Далее следовало предложение начать работу над портретом княгини Клавдии в начале следующей недели, а завершалось письмо формальным приглашением на бал по случаю Серебряного Полнолуния, который имеет состояться завтра после заката.

О том, что горожане устраивают завтра маскарад, Карл уже сегодня слышал от Марка, о бале – тоже.

Ну что ж, решил он, почему бы и нет? Вот только что мне надеть?

Об этом следовало подумать, но решать и эти вопросы все равно придется завтра.

Карл отложил письма, обошел стол и, как это сделала утром Виктория, посмотрел на свои рисунки. Наброски, сделанные в доме Виктории, и наброски, сделанные в доме Анны...

Он остановил взгляд на портрете Галины. Смотрел некоторое время, потом взял его в руки и, вернувшись к стулу, сел.

Галина. Карл несколько минут рассматривал рисунок, как бы ощупывая взглядом каждую линию, которую провела его собственная рука, каждый штрих. Потом он встал и стал искать на столе другие рисунки. Их было четыре, а могло быть... Сколько их могло бы быть, дай Судьба ему время и отпусти он свою душу в свободный полет? Но это был праздный вопрос, случайный и неважный.

Карл выложил перед собой все четыре рисунка. Карла, София, Меч...

Нет, решил он, изучив получившийся ряд, не так.

Карла, София, Галина, Меч. Именно так.

Но почему?

Ответа не было. Пока.

Ветер воспоминаний всколыхнул туманные толщи в долинах его памяти, высвобождая из-под пелены забвения, открывая взору сознания прошлое, каким оно было тогда, когда Карл шел по нему во плоти.

Карла

Как-то, много лет назад, дорога привела его в Женеву. Поселившийся в окрестностях города, старый приятель пригласил Карла пожить в недавно купленном доме, из которого открывался чарующий вид на горы и огромное, подобное божественному озеро. Женева оказалась тихим и уютным городом. В нем жили спокойные трудолюбивые люди. Дом Льва Скомороха был просторен и богат, как и подобает дому вышедшего на покой полководца. В нем было много замечательного оружия и книг, многие из которых Карл никогда не читал, а о существовании некоторых даже не слышал. Он великолепно проводил время, деля его между неторопливыми и обстоятельными беседами со Львом, пешими и конными прогулками по живописным окрестностям города и чтением книг. На восьмой день его пребывания в городе Карл получил приглашение в замок маркграфа. Однако принял его не старик Ромуальд, а его жена. Карла постарела за эти годы. Погасла зелень ее некогда прекрасных глаз. Атласная кожа одрябла и побурела, лицо испещрили морщины. Она была уже совсем седая и выглядела настоящей старухой, какой и была на самом деле. Но что-то от прежней Карлы все еще оставалось в маркграфине, и Карл это не столько видел, сколько чувствовал.

Они проговорили почти весь вечер, и это была хорошая беседа. Это был разговор двух умных людей, за плечами которых была любовь, не оставившая горечи, и длинная дорога жизни. Когда они прощались, Карла предложила ему остаться в Женеве. Она предлагала ему жениться на любой из своих семи внучек, даже на самой любимой – Вере, которой едва исполнилось три года. Карла просила, практически умоляла его остаться, поселиться в Женеве, пустить корни, чтобы стать сенешалем и маршалом при дворе маркграфа, но Карл только улыбнулся ей и, опустившись на колени, поцеловал ее темную морщинистую руку. На следующее утро он покинул город, чтобы более в него не возвращаться.

4

«Так почему же ты пришла ко мне теперь? – спросил он Карлу. – О чем решила напомнить? Что спросить?»

Но ответа не было, рисунок молчал.

– А ты? Что скажешь ты? – спросил он Софию.

Несомненно, София пришла не просто так. Она никогда ничего не делала без умысла, так о чем же хотели сказать ему эти страстные губы? О многом, надо полагать, но прежде всего, видимо, о мече.

Меч.

Меч человека или человек меча?

Карл взял в руки свой ночной рисунок, посмотрел и перевел взгляд на Галину.

«О да, – решил он наконец. – Меч. Гавриель Меч и Галина Нерис».

Галина

Если у Галины Нерис и был изъян, то это был недостаток такого рода, который большинство кавалеров считали достоинством. Совсем иначе отнесся бы к этому ее супруг, но, к своему счастью, он все еще пребывал в счастливом неведении. Гектор Нерис был ослеплен красотой своей жены, он упивался счастьем обладания самой красивой женщиной Зеленого Дола, он гордился Галиной как самым ценным трофеем, полученным им в жизни. Увы, все обстояло совсем не так, как он себе вообразил. Многие при дворе знали это и посмеивались над Гектором, делая это, впрочем, тайком, потому что железная длань Нериса была беспощадна и впечатляюще смертоносна. Задевать Гектора опасались все без исключения и уже давно. Карл был, пожалуй, единственным, кроме, может быть, императора Яра, кто не боялся сурового кондотьера, но именно он, Карл Ругер, и был, по-видимому, тем единственным человеком в окружении Нериса, кто не мог без печали смотреть на то, что делает с этим славным человеком красавица Галина. К несчастью, именно ему кондотьер и заказал портрет жены.

И теперь, стоя перед почти законченным полотном, вглядываясь в уже ожившее и зажившее своей собственной жизнью лицо Галины, Карл испытывал смешанные чувства удовлетворения и сожаления. О да! Он был удовлетворен тем, как справился со своей задачей. Как художник он просто не мог не гордиться полным и неоспоримым успехом, достигнутым там, где мало было одного мастерства, где требовалось запечатлеть нечто, что формальному воплощению обычно не поддается – божественную красоту. Однако с другой стороны... Карл взглянул в наглые голубые глаза Галины, и сердце сжалось от тоски и жалости к человеку, которого он искренно уважал.

«И ведь Гектор все это увидит! – сказал он себе честно, отступая на шаг назад. – Не может не увидеть!»

– Человек! – сказал он вслух, не оборачиваясь. – Уйди! Я не люблю, когда мне дышат в затылок.

Этот любопытный кавалер торчал у него за спиной уже несколько минут и раздражал Карла невероятно.

– Как скажете, мастер, – ответил спокойный баритон. – Скажете уйти – уйду. Предложите выпить вина – выпью.

Карл посмотрел через плечо. В нескольких шагах позади него стоял высокий стройный мужчина, одетый как простой солдат, но опоясанный мечом, на рукояти которого сверкали крупные, чуть тронутые огранкой алмазы. Лицо у мужчины было смуглое, красивое и умное, миндалевидные карие глаза смотрели на Карла иронично, но не обидно. Поза, расположение тела в пространстве, посадка головы – все выдавало в нем умелого и опытного бойца.

«Ну, – усмехнулся про себя Карл, спокойно рассматривая незнакомца, – и кто же ты такой, добрый человек?»

Он быстро перебирал в уме варианты, но, если честно, делал это только ради проформы. Или по привычке. Любое дело надо делать хорошо или не стоит его делать вовсе. А ответ он уже знал, как знал и то, что предложит своему нежданному гостю вина и будет рад, если тот, как и обещал, примет его предложение.

– Что скажете, маршал? – спросил Карл, продолжая без стеснения рассматривать одного из лучших, а пожалуй, что и лучшего полководца эпохи. К тому же Гавриель Меч был еще и художником, настоящим художником.

– Она в самом деле такая шлюха, как кажется, или это мое больное воображение? – Маршал не улыбался. Он был серьезен.

– А что, так заметно? – вопросом на вопрос ответил Карл, который на самом деле знал уже ответ на свой вопрос. Знал это и Гавриель, поэтому, ничего не ответив, он подошел ближе, рассматривая детали.

– У Гектора будет повод вас убить, – сказал он задумчиво через минуту. – На чем вы размешиваете пигменты?

– На ореховом масле, – в тон Гавриелю ответил Карл. – Может быть, сказать, что портрет не вышел?

– А смысл? – Маршал нагнулся к самому полотну, то ли разглядывая что-то, то ли прихихиваясь. – Это даммара или фисташковая смола?

– Янтарь и воск. – Карл отложил кисти и полез в карман за трубкой. – Да, смысла нет, и дело не в том, что я его боюсь.

– Не сомневаюсь. – Теперь Гавриель отошел на шаг назад. – Это вы командовали опорным полком при Лидере? Кстати, первый раз вижу такой странный контраст. Это мискит и горная зелень?

– Да, – кивнул Карл, закуривая. – Мискит и малахитовая зелень. Так работали старые мастера на побережье.

– Иеремия Диш? – Гавриель тоже достал трубку. – А где же обещанное вино?

– Будет, – усмехнулся Карл и несколько раз хлопнул в ладоши. – Откуда вам известно про Лидер?

– Слухами земля полнится, – улыбнулся маршал и неожиданно поднял бровь, увидев мальчишку, принесшего вино и стаканы. – Однако.

– Спасибо, Эф, – кивнул Карл, принимая у своего слуги кувшин. – Иди.

– Славный мальчик. – Гавриель проводил Эфа долгим взглядом и повернулся к Карлу. – И услужливый.

– Но вы ведь не это хотели сказать, не правда ли? – Карл смотрел Гавриелю в глаза. – Он вам понравился.

– Да, – серьезно ответил Гавриель.

– Берите, – кивнул Карл. – С вами ему будет лучше, чем со мной. И денежнее.

– Не обижу, – буркнул Гавриель и закурил. – А вы, оказывается, проницательный человек.

– Мы оба художники, – пожал плечами Карл.

– Я поговорю с Гектором, – сказал Гавриель, снова поворачиваясь к злополучному портрету. – Но услуга за услугу.

– А мальчика вам не довольно? – поднял бровь Карл.

– Мальчик – это любезность, а услуга... – Гавриель сделал паузу, как бы размышляя, какой пример привести. – Вот если бы я пригласил вас...

– Bravo! – улыбнулся Карл. – Но ведь не пригласите?

– Нет, – покачал головой Гавриель. – Нет, но что-то другое – обязательно.

– Дайте мне угадать. – Карл разлил вино и протянул Гавриелю стакан. – Яр решил идти на юг?

– Решил, – кивнул Гавриель и отпил немного вина. – Хорошее вино, но, на мой вкус, слишком крепкое.

– Армию возглавите вы. – Карл не спрашивал, он рассуждал вслух. Ведь было очевидно, что, реши император вести армию сам, он не стал бы вызывать в ставку маршала Гавриеля. – А я, стало быть, получу Левую Руку?

– Я рад, что в вас не ошибся, – улыбнулся Гавриель. – Так как?

– Снова война, – скептически прищурился Карл. – А я только-только стал приходить в себя.

– Я тоже люблю живопись больше войны, но такова наша судьба, Карл. – Гавриель отпил из стакана и ухмыльнулся. – Когда вы вели колонну через Драконье Крыло, много вы думали о красках и кистях?

Он снова посмотрел на полотно.

– А она и в самом деле красавица. – Гавриель показал зубы в широкой улыбке. – И притом первостатейная шлюха. А вы, Карл, гений. Выпьем за это!

5

Стук в дверь отвлек Карла от воспоминаний. С сожалением положив на стол портрет Галины Нерис, он прислушался к шуму, раздававшемуся внизу. В его дверь стучал нетерпеливый и властный человек, привыкший, что все делается только так, как желает этого он сам, и так быстро, как ему хочется.

Ну-ну, усмехнулся Карл, если ты тот, о ком я думаю, то тебе полезно немного подождать. Смирение – сестра истинного величия. Глупая фраза, но к данному случаю подойдет.

Карл взял со стола стакан бренди, о котором совершенно забыл, сделал глоток-другой и только после этого пошел открывать дверь, по-прежнему сжимая стакан в левой руке.

«А в правую можно взять трубку, или это будет уже лишнее?» – подумал он, отодвигая засов.

– Ты уверен, что это был оборотень? – спросил прямо с порога Игнатий Кузнец.

Выглядел он скверно, усох как-то, потемнел, но глаза его смотрели живо, и в этих глазах плескалось так много разнообразных чувств, что разобраться в этом хаосе было невозможно. Кузнец не поздоровался и не потратил ни одной лишней секунды на принятые среди людей формулы вежливости.

– Ты уверен, что это был оборотень? – спросил он и вперил в Карла свой взгляд из-под бровей.

– А кто? – в свою очередь спросил Карл, стоящий в дверях, и с сожалением покачал головой: – Нет, Игнатий, не томи меня, пожалуйста! Говори сразу, если знаешь, кто еще может оторвать руку гвардейцу Кузнецу или разорвать ему грудь.

– Значит, оборотень. – В голосе Игнатия явственно звучали тоскливые нотки. Не страх, не гнев, а тоска.

– Вот и я тоже так подумал, – серьезно кивнул Карл. – Как увидел твоих людей, Игнатий, так и подумал.

– Но почему он пришел к тебе?

Игнатий игнорировал уже второе упоминание о своих гвардейцах. По-видимому, существовали вещи, гораздо более важные для Великого Мастера, чем убитые в доме Карла гвардейцы. Или он был так уверен в Карле?

– Но почему он пришел к тебе?

Хороший вопрос, знать бы еще на него ответ.

– Может быть, потому что здесь были твои гвардейцы? – Карл ответил по наитию, но, кажется, опять попал в невидимую ему цель. Услышав слова Карла, Игнатий посмотрел на него с выражением полнейшего ужаса. Теперь его проняло.

– Я их не посылал, Карл, – сказал он враз охрипшим голосом. – Ты же знаешь!

– Я знаю, – кивнул Карл. – Но оборотень-то мог об этом и не знать.

– Я их не посылал, – повторил Игнатий. – Мое слово!

– Твое слово, – кивнул Карл. – Они просто проходили мимо.

– Они пришли за твоей женщиной, – нехотя признался старик.

– Ты их не посылал, – согласился Карл, – но они пришли за моей женщиной... Ты уже не Великий Мастер, Игнатий?

– Я приношу официальные извинения, – тяжело вздохнув, сказал Игнатий. – От себя лично и от имени Семьи Кузнецов. Виновные будут наказаны, а ты имеешь право требовать пеню.

– Пеня... – задумчиво произнес Карл, как если бы не был уверен в правильном понимании этого слова. – Пеня. Ты предлагаешь мне выкуп за свой позор. Я правильно тебя понял, Игнатий?

– Правильно, неправильно, – буркнул старик. – Хочешь меня обидеть? Твое право. Пусть будет выкуп.

– Что же мне у тебя попросить? – спросил Карл. – Деньги мне не нужны. Но вот, говорят, ты собираешь игорные кости... Это так?

– Да, – кивнул Игнатий, сразу насторожившийся при упоминании о костях.

– А еще я слышал, – продолжил Карл, как ни в чем не бывало, – что у тебя есть набор из шести первых камней.

– Кто это тебе сказал? – Старик снова занервничал, но теперь его волнение было явно связано с костями.

И это Великий Мастер? Карл был разочарован. Человек, чувства которого можно было читать, как раскрытую книгу, не мог, по его мнению, претендовать на первые роли, а уж в магическом клане – тем более.

– Какая разница, кто мне сказал? – пожал он плечами. – Я тебя спросил, есть у тебя такие кости или нет?

– Нет, – отрезал Игнатий.

– Что означает твое «нет»? – уточнил Карл.

– Что их у меня нет, – ответил Игнатий.

– И не было? – спросил Карл.

– Были, – нехотя согласился Игнатий. – Но я их подарил.

– Хороший подарок, – уважительно признал Карл.

– Я не собираюсь обсуждать свои дела, – твердо заявил старик и гневно посмотрел на Карла.

Не расскажет, признал Карл. А жаль. Было бы любопытно узнать, кто обладает такой властью, чтобы получить в подарок набор костей, которым нет цены. Впрочем, те ли это кости?

– Не хочешь обсуждать, – сказал он примирительно, – не будем. Ты все равно уже почти заплатил свою пеню.

Он увидел удивление на лице Игнатия и удовлетворенно усмехнулся в душе.

– Ответь мне только на один вопрос – и мы в расчете, – сказал Карл. – Какие они?

– В каком смысле? – не понял его вопроса Игнатий.

– В прямом, – уточнил свой вопрос Карл. – Расскажи, как они выглядят, и мы в расчете.

– Выглядят? – Игнатий снова занервничал, но, видимо, решил, что проще ответить. – Бриллиант, рубин, сапфир, изумруд, золотистый топаз и аметист. Все огранены одинаково, в форме куба. Что еще?

– Размер, гравировка? – спросил Карл равнодушным тоном.

– Длина грани восемь частей сантиметра, – ответил, секунду подумав, Игнатий. – Вместо фигур выгравированы буквы трейского алфавита в числовом значении. Еще что-нибудь?

– Нет, – сказал Карл. – Это все. Теперь я хотел бы услышать о наказании виновных.

– Они будут наказаны, – повторил Игнатий.

– Игнатий, – холодно улыбнулся Карл, – тот, кто послал в мой дом гвардейцев, – труп.

Он специально выделил интонацией слово «мой», чтобы у Великого Мастера не было никаких сомнений относительно того, о чем они говорят.

– А не много ли ты просишь? – зло прошипел старик.

– Я не прошу, – объяснил Карл с любезной улыбкой.

– А я тебе, Карл, уже говорил, – голос у Игнатия пропал вовсе, и он не говорил, а шипел, – я не твой, и приказывать ты мне не можешь!

– А разве я тебе приказываю? – притворно удивился Карл. – Я тебя, кстати, и не звал. Ты сам пришел.

– Тогда что ты мне только что сказал?

– Я сказал, – спокойно объяснил Карл, – что кто-то послал в мой дом твоих гвардейцев. Ты сказал, что этот «кто-то» будет наказан. Я уточнил, что за это преступление есть только одно наказание – смерть. Ты отказался казнить преступника и, следовательно, принял всю ответственность на себя. Я правильно излагаю ход нашего разговора?

– Но я их не посылал! – Лицо Игнатия начало наливаться дурной кровью. – Ты же знаешь!

– Это неважно, что я знаю, – покачал головой Карл. – Ты принял ответственность на себя – и, значит, это ты послал гвардейцев в мой дом.

– Я не могу казнить Яна! – Теперь слово было произнесено.

– И поэтому хочешь, чтобы это сделал я? – Карл сказал это таким холодным тоном, что старик даже отшатнулся.

– Я... – начал он.

– Молчи, Игнатий, и слушай. – Карла разговор утомил, но делать нечего. С паршивой свиньи хоть шерсти клок, не так ли? – Выкупи меч Яна и уходи.

– Сколько? – спросил Игнатий.

– Девять тысяч, – ответил Карл.

– И мы будем квиты? – Старик еще не верил, что все может устроиться к лучшему.

– Вполне, – с иронией в голосе подтвердил Карл.

– А как же Ян? – Игнатий не хотел оставлять недомолвок.

– У Яна своя судьба, – пожал плечами Карл. – Меня он больше не интересует.

– Хорошо. – Голос вернулся к Игнатию, и цвет его лица тоже стал меняться к лучшему. – Сегодня к вечеру деньги будут у тебя.

– Нет, – сказал Карл. – Деньги мне не нужны. Твой человек принесет мне векселя Воробьев.

– Хорошо, – сейчас Игнатий готов был на любые условия. – Вечером к тебе придет мой человек и передаст векселя Воробьев на девять тысяч золотых марок, а ты...

– А я передам ему закладное письмо, – закончил за него Карл.

– Во сколько ты его оценил? – спросил Игнатий.

– Тысяча триста марок, – ответил Карл.

– И еще девять тысяч тебе, – покачал головой Великий Мастер. – Не дорого будет?

– Ты торгуешься? – удивился Карл. – Не надо, Игнатий. Это хорошая сделка. Ты потом поймешь.

Игнатий недоверчиво посмотрел на Карла, но ничего не сказал. Он молча повернулся к нему спиной и пошел прочь. С нескольких сторон к нему тут же подошли люди в красных плащах, до этого терпеливо подпиравшие стены в отдалении, и, взяв Великого Мастера в кольцо, пошли вместе с ним.

Карл проводил Великого Мастера взглядом и закрыл дверь. В течение всего разговора он так и не переступил порог своего дома.

Допив бренди, он поднялся наверх, заглянул к Деборе, увидел, что никаких решительных изменений в ее состоянии не произошло, постоял минуту – больше он себе просто не позволил – рядом с кроватью, любуясь лицом спящей женщины, и тихо ушел, вернувшись в мастерскую. Он постоял у стола, перелистывая книги, но все, что ему сейчас было интересно, он уже знал. Закрыв книгу о славных мечах, Карл вернулся на свой стул, раскурил трубку и снова посмотрел на рисунки, разложенные на столе.

«Нерис, – напомнил он себе. – Я думал о Нерисе. Когда ко мне пришел Гавриель, я думал о муже Галины».

Нерис

Уже совсем стемнело, когда кто-то аккуратно постучал в дверь. Карл отставил картон с наброском к портрету маршала Гавриеля и пошел посмотреть, кого принесла нелегкая в столь поздний час. Оказалось, что приближающаяся ночь привела к нему неожиданных гостей. На пороге дома стоял сам Гавриель, а рядом с ним мрачный, как демон воздаяния, Гектор Нерис.

– Принимаете гостей, мастер? – любезно спросил Гавриель.

– Такие гости, как вы, милорд, могут войти и без приглашения, – улыбнулся Карл. – Рад вас видеть снова, Гавриель. Доброй ночи, Гектор. Проходите, пожалуйста.

Гости вошли, и Гектор Нерис поставил на угол заваленного красками, кистями и набросками стола принесенный с собой кувшин. Кувшин был высокий, узкогорлый, запечатанный сургучом с оттиском в виде виноградной грозди. Так запечатывали только виноградную водку из Моски, крепкую, как жидкий огонь, ароматную, как поцелуй феи цветов, и страшно дорогую. Такой кувшин, например, должен был стоять никакие меньше, чем два золотых империи.

– Однако, – голос Гавриеля выражал удивление, смешанное с восхищением, – когда вы успели?

Карл обернулся и увидел, что маршал стоит перед картоном, закрепленным на трехногой подставке.

– Это всего лишь набросок, – объяснил Карл.

– Да, – согласился Гавриель, по-прежнему рассматривающий рисунок. – Но мы едва знакомы, и я вам не позировал... Это поразительно! Посмотри, Гектор!

Нерис тоже подошел к станку и посмотрел на картон.

– Похож, – согласился он и, повернувшись к Карлу, смерил его тяжелым взглядом. – Где она?

– Я не думаю, что это хорошая идея, – покачал головой Карл. – Портрет не удался. Я напишу другой.

– Покажите ему, – мягко сказал Гавриель, тоже поворачиваясь к Карлу. – Я Гектору уже все объяснил. Он понимает.

– Ой ли? – сказал Карл, но в душе согласился, что в холодную воду лучше прыгать сразу, чем входить постепенно.

Он подошел к другому мольберту и снял простыню. Галина, как будто только ожидавшая этого момента, сразу же улыбнулась ему самой обольстительной улыбкой в империи. Карл даже поежился, представив реакцию Гектора, хотя и был не из пугливых. Но Нерис молчал. Прошла минута, две. Никто из присутствующих – ни Карл, ни Гавриель – не решался нарушить повисшее в комнате молчание.

Скрипнули половицы под тяжелыми сапогами кондотьера, и Гектор подошел к портрету почти вплотную.

– Ты гений, – сказал наконец Нерис и, повернувшись всем телом, посмотрел на Карла. – А она красавица, ведь так?

– Так, – кивнул Карл, ожидавший продолжения.

– Ты увидел то, что есть. – Голос Нериса был ровен, из него почти исчезли эмоции, и только глаза кондотьера выражали ту бурю чувств, которая бушевала сейчас в его душе. – Правда, – сказал Гектор, – что есть правда? Правда жизни – это кровь и пот, и грязь под ногами солдат, и еще такое, о чем не следует помнить, если не хочешь сойти с ума. И не надо, не надо помнить, все равно нам все это напомнят, когда придет час воздаяния. Ты понимаешь меня, Карл?

– Вероятно, да, – кивнул Карл. – Есть в жизни такое, о чем лучше не знать. Ну а коли узнал, надо побыстрее забыть.

– Вот об этом я и толкую, – грустно улынулся Гектор. – Что с того, что она спит с каждым сопляком, который решится залезть ей под юбки? Что с того, Карл, если в ее объятиях я чувствую себя счастливейшим из смертных?

Гектор покачал головой.

– Выставляй портрет, Карл, и ничего не бойся. – Гектор смотрел Карлу прямо в глаза. – Смех, как и брань, на ворота не виснет, а тех, кто будет слишком весел, я заставлю плакать кровью. Галина красавица, и я ее люблю.

6

Трубка погасла. Карл хотел набить ее снова, и тут его взгляд упал на потертый пергамент письма, полученного накануне вечером.

«Ну да, – согласился он, – вполне логично. Ведь Людо тоже там был».

Если подумать, Людо Табачник замыкал круг. Об этом следовало бы подумать, но Карл уже не располагал для этого временем. Он услышал на улице знакомые шаги и усмехнулся очередному совпадению. Подумал о Людо, и пришел Август.

«Да, о Людо стоит подумать», – решил Карл.

– Но не сейчас, – сказал он вслух и, перевернув портрет Галины Нерис, написал на обороте обломком угольного карандаша: «Людо Табачник».

И в тот момент, когда он дописал последнее слово, раздался деликатный стук в дверь, и, хотя их разделяли сейчас значительное расстояние и закрытая дверь, Карл явственно ощутил запах брусники.

7

– Здравствуй, Август, – сказал Карл, пропуская гостя в дом.

– Рад видеть вас в здравии, капитан, – серьезно ответил Август Лешак.

Он снял берет, аккуратно повесил его на лосиные рога, прибитые возле двери, и прошел к столу, куда его жестом пригласил Карл.

– Я не мог выбраться раньше, – объяснил он, присаживаясь на табурет. – Сами понимаете, служба.

– Я знаю, – кивнул Карл. – У меня был твой приятель, Марк. Хочешь бренди?

– Почему бы и нет, – улыбнулся Август. – Тем более с вами, капитан. Как вам понравился Марк?

– Славный малый. – Карл разлил бренди по стаканам и тоже сел.

– И, конечно, тыкал вам как старому приятелю? – прищурился Август.

– Тыкал, – согласился Карл. – Но ему ведь хотелось меня прощупать, не так ли?

– Так, – кивнул Август. – В воздухе повеяло дорогой...

– О, – сказал Карл, поднимая бровь, – никак и ты заскучал на службе у князя?

– А что? – вопросом на вопрос ответил Август, вновь становясь серьезным. – Неужели я попал в точку, и вам действительно понадобились настоящие бойцы?

– Что, если да? – И не дожидаясь ответа, Карл поднял свой стакан и отсалютовал им. – За встречу, Август! Не возражаешь?

– За встречу! – Август тоже поднял стакан.

Они выпили и снова посмотрели друг на друга.

– Далеко пойдем? – спросил Август, аккуратно ставя стакан на стол.

– Далеко, – подтвердил Карл. – Но это единственное, что я могу тебе сейчас сказать.

– Когда? – Август был очень организованным человеком.

– Возможно, что уже завтра. – Карл испытующе смотрел на Лешака и думал о том, что кто-то основательно раскачал равновесие, если Август скажет ему сейчас, что и это не беда.

– Не беда, – сказал Август. – Я числюсь дезертиром уже в двух армиях. Теперь будет третья.

– Не слишком хорошо для репутации наемника, – философски заметил Карл.

– Так сложилось, – пожал плечами Август. – Но теперь же не война, и князю ничто не угрожает.

– А что ты можешь сказать о Марке? – спросил Карл, набивая трубку.

– Я могу за него поручиться. – Август сказал это просто, без драматизма и аффектации, но Карл знал, Август Лешак такими словами не бросается.

– Что он за человек?

Слово Августа, во всяком случае, слово, данное Августом Карлу, дорогого стоило, тем не менее Карл хотел знать о Марке больше.

– Марк хороший солдат. – Август проводил взглядом дымок, поднявшийся над трубкой Карла, и усмехнулся. – А вот чего о нем никто не знает, так это то, что Марк три года учился в Женевском университете.

– Так он жил в Женеве? – Карл почувствовал, как холодок прошел по спине.

Виктория права, решил он: когда порядок нарушен, возможно все. Перед его глазами встало лицо Карлы, не той молодой Карлы, которая когда-то стала его первой женщиной, а старухи Карлы, беседовавшей с ним в темной и мрачной гостиной женевского замка.

«С этим надо кончать, – подумал он. – Но как закончить то, что не ты начал? И не сойду ли я с ума раньше, чем все это закончится?»

– Капитан! – окликнул его Август. В голосе лейтенанта звучала тревога.

– Извини, Август, – улыбнулся Карл. – Я всего лишь задумался.

Он отбросил сомнения и внимательно посмотрел на Августа.

– Извини, Август, – сказал он. – Мы обязательно поговорим, но в другой раз. А сейчас – к делу. Ты со мной?

– Да, – твердо ответил Август.

– Марк? – спросил Карл.

– Марк тоже, – кивнул Август.

– У тебя есть еще люди? – спросил Карл.

– А сколько вам надо, капитан? – снова вопросом на вопрос ответил Август.

– Все, сколько есть, – объяснил Карл. – Но такие, в ком ты уверен.

– Тогда еще десять, – ответил Лешак.

– Трое понадобятся мне прямо с утра, – перешел к делу Карл. – Я не хочу оставлять свою женщину одну, затем...

Все, что он должен был сказать Августу, он сказал очень быстро. Поднявшееся в сердце нетерпение заставляло Карла спешить. И все-таки он задал Августу все вопросы, которые считал нужным задать, и внимательно выслушал все ответы, которые дал ему Август.

– Спасибо, солдат, – сказал он Августу на прощание. – Я тебе верю.

Дверь за Августом закрылась, и Карл, даже не заглянув к Деборе, едва ли не бегом вернулся в мастерскую. Чутье уже вело его по следу, и никакой туман, каким бы плотным он ни был, не мог ему помешать.

– Людо Табачник, – прочел он вслух, и порыв ветра отбросил пелену тумана, открывая взору долины прошлого.

Табачник

– А как было бы славно, если бы мы могли обойти этих балбесов, – мечтательно произнес Гавриель, ни к кому конкретно не обращаясь, и, вздохнув, повернулся к полковнику Трою.

– Прикажите трубить сбор, полковник, через полчаса я хочу увидеть сплоченную колонну.

– Будет исполнено, ваша светлость. – Трой поклонился и побежал, тяжело переваливаясь на кривых ногах, вниз, к своим наемникам.

– Жаль, что Нерис ранен, – пожаловался Гавриель, снова повернувшись лицом к противнику. – Что скажешь?

Вопрос был задан Карлу, и это поняли все, кто находился рядом с маршалом на вершине холма.

– Кому ты подаришь подвиг? – вопросом на вопрос ответил Карл. – И кого назначишь убийцей?

– Ты видишь то же, что и я, – вздохнул Меч. – Хорошо, что ты не мой враг, Карл, хотя иногда я об этом жалею. С тобой было бы интересно сыграть в «кто кого».

Между тем и Гавриель, и Карл, и все другие с понятным интересом рассматривали фронт выстраивающейся перед ними армии.

– Жалко солдат, – сказал маршал через минуту. – Табачник, ты понял, о чем мы говорили с Карлом?

– Извините, милорд. – Вероятно, Табачник чувствовал себя полным идиотом.

– Не извиняйтесь, лейтенант. – В голосе Гавриеля звучала грусть. – По правде сказать, Людо, это я должен перед вами извиниться.

Он замолчал и секунду смотрел на совершенно оробевшего Людо Табачника.

– Но не извинюсь, – закончил маршал свою мысль. – Вы поведете регуляров вон туда. – Гавриель махнул рукой в сторону правого фланга карлианцев. – Начнете движение от той вот рожицы, у развилки. Понимаете?

– Да, – ответил Табачник, но на самом деле он ничего не понял. Его ответ относился к словам маршала, а не к смыслу, который Гавриель в них вкладывал.

Услышав ответ, маршал усмехнулся и кивнул:

– Очень хорошо.

Он снова замолчал.

– Что еще? – спросил вскоре, нарушив молчание.

– Трой ударит в центр, – равнодушно сказал Карл. – А ты пойдешь на их левый фланг.

Диспозиция была идеальна – и топографически, и с точки зрения личностных особенностей командиров колонн. Карл бы сделал то же самое.

– Да, – согласился Гавриель. – Я пойду на их левый фланг, а тебе придется их убить.

– Всех? – спросил Карл, закуривая традиционную трубку перед боем.

– Сколько сможешь, – пожал плечами Гавриель. – Но прикажи своим людям не увлекаться.

– Прикажу, – пообещал Карл, знавший, что, хочет он того или нет, сегодня прольется много крови. – Жалко, что Нериса нет. Я бы с удовольствием стал героем.

– Не судьба, – грустно усмехнулся Гавриель.

Судьба...

Шесть месяцев назад неожиданно умер Евгений Яр. Известие о смерти императора застало их в Номоне – маленьком городке, приютившемся на склоне поросшей лесом горы, которая сторожила долину Номы. Номы по-регетски означает «река», а город соответственно назывался просто Над Рекой, и сидели они в Над Рекой не просто так. Яр собирался идти дальше на север, и в Номоне собирались войска для броски в Капойю и далее везде. Но смерти нет дела до того, что предполагает делать человек, пусть даже этот человек – император Яр. Лев умер. Он скончался от апоплексического удара в Цейре, своей временной столице, и шакалы,

преданно служившие ему при жизни, сразу позабыли о страхе, а чести у этих людей не было никогда. В столице еще оплакивали непогребенного императора, и гонцы, несущие печальную весть, не успели доскакать до границ империи, а маршал Ги Черн и герцог Карл Дороган подняли мятеж. Каждый свой, разумеется, потому что и тот, и другой считали себя вправе претендовать на опустевший трон, хотя трон не пустовал.

Известие о мятеже пришло в Номону почти одновременно с письмом Ребекки Яристы. Жена Евгения и мать его сына взывала о помощи. Дмитрий был еще слишком юн, враги – многочисленны и жестоки, а в Цейре императрицу и наследника защищали лишь крошечная армия Льва Скомороха да наемная убрская гвардия, которой командовал владетель Нагум. Положение их было ненадежно и с каждым днем становилось все более и более опасным, тем более что казна досталась Дорогану и денег у императрицы не было. А вексялям вдовы, как говорят в Загорье, веры мало.

Следовало спешить, ибо время и расстояние были против них. Обстоятельства – тоже, потому что не надо быть большим умником, чтобы понять: маршал Черн и герцог Карл – первые, но не последние среди тех, кто кинется делить добычу. В ближайшее время можно было ожидать наступления смуты и войны всех против всех. Обсудив известия и взвесив все известные им обстоятельства, Гавриель и Карл решили выступить немедленно. Быстрота была важнее силы, но зато теперь у стен Констанцы у них было всего три тысячи бойцов против семи или восьми тысяч карлианцев.

Дирер в среднем течении довольно широк, но в Констанце уже двадцать лет, как был построен каменный мост, соединявший берега реки. Если бы армии Гавриеля удалось переправиться здесь через Дирер, то дальше – в отсутствие сколько-нибудь значительных сил противника – дела пошли бы гораздо лучше. Всего три дневных перехода отделяли их от крепости Ружер, где находилась сейчас ставка императора Дмитрия. Однако дорогу к мосту перекрывали стены и башни Констанцы, а на Соляном тракте, прямо среди городских предместий, их ждала армия коннетабля Верхней Веды Рудольфа.

Карл смотрел на то, как занимают позиции спешившиеся рыцари поместного ополчения и верные Рудольфу – или, что то же самое, его кошельку – жандармы округа Веда, как выстраиваются поротно лучники и копейщики, как ветер играет флажками и вымпелами над головами солдат; он смотрел на многочисленные дымы, поднимающиеся в ясное морозное небо из печных труб Констанцы, на реку, несущую холодную стального цвета воду к далекому морю; смотрел, курил трубку, которая могла оказаться последней, и думал о превратностях судьбы, о величии и славе, которые способны растаять, как дым в необъятном небе, о жизни, которая подобно реке течет к неведомой цели, о тяжести долга, о верности и чести и снова о Судьбе.

Ну что ж, в тот день они снова поймали удачу, капризную кобылицу из убрских степей. Все произошло именно так, как увидели это Гавриель и Карл с холма, через который переваливал Соляной тракт на пути к Констанце и мосту через Дирер.

Для Рудольфа и его командиров все стало понятно в тот момент, когда сплоченная колонна маршала Гавриеля разделилась. И хотя основные силы явно шли в лоб, имея целью прорваться к воротам города, главный удар, несомненно, наносился не здесь, а на правом фланге карлианцев, на который нацелилась кавалерия регуляров. Атака закованных в сталь всадников была и в самом деле опасна, так как если бы они смогли прорваться через предместья Констанцы к городской стене, то зашли бы в тыл отряду, защищающему ворота, и могли отрезать армию Рудольфа от города. Но выполнить этот маневр было трудно, а скорее всего, и невозможно, тем более что коннетабль Верхней Веды их замысел разгадал. Лучники, укрывшиеся за плетнями, частоколами и садовыми деревьями, встретили регуляров Табачника градом стрел. Кавалерия не дрогнула, продолжая свою самоубийственную атаку. Стрелы выкашивали всадников ряд за рядом, вышибали их из седел, убивали и калечили, но остановить пока не могли.

Между тем и на левом фланге, и в центре тоже завязался бой. Но не надо было иметь большого военного опыта, чтобы понять: это сражение маршал Гавриель проиграл, еще не начав. Карл был уверен, что Рудольф думал об этом, наблюдая сейчас за избиением центральной колонны маршала, попавшей в ловушку похожей на узкий туннель улицы Праотцов. Люди полковника Троя несли огромные потери, раз за разом штурмуя частокол длинных пик и снова откатываясь назад. Сам Трой был убит во второй атаке, но это было уже не важно. Свою задачу он выполнил, и в третью – последнюю – атаку пошли уже люди Карла, ожидавшие своей очереди за спинами бойцов Троя.

Протрубил рог, перекрыв своим протяжным стонущим криком даже шум яростного сражения, и, прикрывшись градом стрел, неожиданно обрушившихся на ряды карлианских копейщиков, в бой вступил Карл. Его люди прорубили секирами и алебардами проход в «шкуре ежа», и фронт армии Рудольфа, казавшийся монолитным, как стена, развалился. Через десять минут Карл дрался уже в воротах Констанцы, которые так и остались открытыми, но это, по сути, был уже не бой, а избиение.

Охваченные паникой карлианцы бежали, их преследовали, догоняли и убивали. Улицы города огласились криками ужаса и мольбами о пощаде, кровь текла по ним, смешиваясь с грязной талой водой и нечистотами. Последних несчастных сбрасывали прямо с моста в холодные воды Дирера. Рудольф, которого близко к полудню убил в короткой стычке на Ратушной площади сам Карл, ошибался. Этот день не стал его триумфом. Сражение при Констанце не стало первым поражением маршала Гавриеля, оно стало его очередной победой.

Как ни странно, Табачник этот день пережил. Он был ранен, он не мог стоять на ногах, но он остался жив. Когда солдаты принесли его на носилках в дом, где разместились Карл и Гавриель, Людо приподнялся и, счастливо улыбаясь, сказал:

– Я понял! Когда эти болваны обрушили на меня всю эту кучу стрел, я понял! Как считаете, господа, у меня есть шанс стать умнее?

– Несомненно, лейтенант! – с улыбкой ответил Гавриель. – А пока, мой друг, вы стали героем.

8

Карл ощутил нечто похожее на мгновенное озарение. Его взгляд скользнул по рисунку меча, по глазам Софии, по губам Галины и уперся в случайно оказавшийся рядом с рисунками чистый лист бумаги. Из белого ничто медленно проступало лицо Гавриеля. Черта за чертой, линия за линией, из небытия возвращалось к Карлу лицо друга. Внимательные и чуть ироничные глаза заглянули ему в душу, и красиво очерченные губы дрогнули, рождая грустную улыбку.

«Здравствуй, Карл», – сказал Гавриель.

«Я рад тебя видеть», – ответил Карл.

«Не обманывай себя, Карл, – усмехнулся Гавриель. – Мертвые не способны приносить радость».

«Не скажи, – возразил Карл. – Ты пришел вовремя. Ты опять успел».

Гавриель

Убийца был мужественным человеком. По-видимому, он убивал ради идеи, а не за деньги, и, умирая, ни в чем не раскаивался. Он бестрепетно встретил мучительную смерть, хотя колесовавший его палач был настоящим мастером своего дела и заставлял преступную плоть страдать так, что при виде этого ужаса побледнели даже выдавшие виды имперские ветераны. Но все это случилось потом, а вначале рука карварского гражданина не дрогнула, вонзая отравленный клинок в спину маршала Гавриеля. Сталь железного маршала не брала, но яд, сварен-

ный из соцветий негоды, сгустил его кровь, и отсроченная смерть начала пить жизнь Гавриеля маленькими неторопливыми глотками. Маршал умирал. Его кожа пожелтела и потрескалась, как старый пергамент, дивные глаза потускнели и ввалились, и дыхание с трудом прорывалось сквозь сжатые зубы.

Гавриель лежал на огромной кровати в одной из спален карварской цитадели, и никакие ухищрения лекарей, хлопотавших вокруг него уже вторые сутки, не приносили ни пользы, ни облегчения. Гавриель Меч уходил – мучительно, долго, но безвозвратно. Он держался вторые сутки, однако это свидетельствовало только о невиданной мощи его красивого, ладного тела, а не о слабости яда. Яд негоды смертелен. Никто и никогда не переживал отравления этим ядом. Было очевидно, что и маршал не станет исключением.

Все-таки ближе к вечеру стараниями лекарей Гавриелю стало немного лучше, хотя Карл полагал, что все дело в характере действия яда. Но, как бы то ни было, маршал вдруг открыл глаза и позвал Карла. Голос у него был тихий и слабый, однако его услышали, несмотря на то что вокруг постели великого полководца собралось множество людей. Впрочем, никто здесь не смел говорить, и в комнате царило гробовое молчание.

– Карл! – позвал Гавриель. – Где ты, Карл?

– Я здесь, – сказал Карл, подходя и останавливаясь у изголовья кровати маршала.

Он не удивился, когда увидел, что вместе с ним к постели Гавриеля подошел Эфраим Горец, о котором маршал – увы – не вспомнил. Глаза Горца были красными от слез, он плакал, не переставая, с тех пор как возникший, казалось, из ниоткуда убийца вонзил кинжал в спину маршала прямо на его глазах и на глазах растерявшихся телохранителей.

Карл предпочел сделать вид, что все нормально, но Эф даже не попытался скрыть ненависть, пламя которой высушило слезы горя в его глазах.

– Карл! – повторил Гавриель.

– Я здесь, Аври, – сказал Карл.

От умирающего пахло болотной тиной и гнилым мясом.

– Я умираю, – с трудом произнес Гавриель. – Яр решит... кто... поведет... армию.

Судорога сжала его горло, и Гавриель замолчал, делая нечеловеческие усилия, чтобы вдохнуть воздух. Один из лекарей бросился было к нему, но маршал отстранил его рукой. Через несколько секунд судорога отпустила его, и, сделав несколько жадных глотков воздуха, Гавриель заговорил снова:

– До... тех... пор... командуешь ты.

Командую, печально согласился с ним Карл. Потому что Яр, которого ты имеешь в виду, уже никогда ничего не решит, а мальчик не будет спорить с армией.

Маршал помолчал секунду, видимо, собираясь с силами, которых оставалось совсем уже мало.

– Иван! – позвал Гавриель.

– Я здесь, ваша светлость. – Императорский легат Иван Стерн быстро приблизился к кровати.

– Ты... слышал? – Говорить Гавриелю было трудно, но в жизни таких людей, каким был Меч, есть вещи, которые важнее мук и даже самой смерти.

– Да, ваша светлость, я все слышал, – быстро ответил легат. – Командование переходит к графу Ругеру.

– Так, – подтвердил Гавриель. – Второе.

Теперь он смотрел прямо в глаза Карлу.

– Завещание... у... нотариуса... но... меч... возьми... сейчас. Меч! – сказал Гавриель. – Принесите... мой... меч.

Один из адъютантов маршала тут же подскочил к кровати, протягивая на вытянутых руках меч Гавриеля. Маршал хотел взять его, но не смог поднять рук.

– Положи, – сказал он. – В... руку...

Адъютант поспешно опустил меч и осторожно вложил его рукоять в ладонь Гавриеля. Тонкие пальцы медленно сжались, и одновременно закрылись глаза умирающего. Минуту или две ничего не происходило. Гавриель лежал неподвижно, сжимая желтыми пальцами покрытую алмазами рукоять меча. Если бы не слабое дыхание, можно было бы подумать, что он уже умер. Наконец Гавриель снова открыл глаза и посмотрел на Карла.

– Возьми, – сказал он. – Твой.

Карл протянул руку и вынул меч из беспомощно разжавшейся руки Гавриеля.

За многие годы знакомства и дружбы он никогда не держал Убивца в руках. И сейчас, взяв меч Гавриеля, Карл понял, что и не должен был. У этого меча мог быть только один хозяин, и только он имел право сжимать рукоять меча.

Ощущение было неприятным. От меча шло холодное гневное отторжение. Морозное покалывание в коже ладони было лишь слабым отражением того послания, которое получила от меча душа Карла. Неживая душа меча была возмущена тем, что чужая рука посмела коснуться принадлежащего ей тела, она угрожала, она... В тот момент, когда Карл был уже готов вернуть меч Гавриелю, что-то изменилось. Узнавание, признание... приглашение к дружбе. Вот как немощный человеческий язык мог бы передать то чувство, которое внезапно возникло у Карла, но не как его собственное переживание, а как понимание чувств другого.

Удивленный Карл посмотрел на меч и вдруг понял, что все кончилось. В его руке был просто меч, а на кровати перед ним лежал мертвый друг. Карл стоял не в силах пошевелиться, не в силах что-нибудь сказать или что-нибудь сделать. Стоял и смотрел на мертвого Гавриеля. Из оцепенения его вывел голос Горца, полный ненависти и горечи.

– Он всегда любил только тебя, – сказал Эф и зарыдал.

9

Странная вещь. Карл не мог бы сказать, что воспоминания, рожденные его собственными рисунками, пришли из мглы забвения. То, о чем напомнили ему рисунки, Карл, кажется, помнил всегда. Он вообще редко что-нибудь забывал, хотя теперь и выяснилось, что кое-что все-таки забыл. И все же Карл был уверен, спроси его кто-нибудь неделю или год назад о Гекторе или о Гавриеле, он вряд ли бы затруднился вспомнить и их лица, и события, связанные с их именами, и, естественно, смог бы рассказать, когда и при каких обстоятельствах они умерли. Все это так, но, с другой стороны, нынешние воспоминания были совсем иного рода. Раньше это было просто знание, не окрашенное чувствами самого Карла, нейтральное, как факты географии или истории, почерпнутые из книг. А теперь картины прошлого обрели жизнь, цвет и вкус, став его личным прошлым и частью его собственной жизни. И в тот момент, когда это произошло, Карл неожиданно увидел, казалось бы, в хорошо известных ему событиях такие детали, которые прежде не замечала или старалась не замечать его спокойная душа.

Карл прошел в жилую комнату и подошел к зеркалу. Сколько раз за эти годы он смотрелся в зеркала? Это случалось нечасто, но все-таки случалось, и Карл, как и любой другой человек, видевший свое отражение, мог без труда описать собственное лицо, в котором для него не было ничего тайного или странного. А между тем сейчас из зеркала на Карла смотрел молодой – лет двадцати пяти, ну, может быть, тридцати – мужчина, тот самый кавалер, которого много лет назад видели и карие глаза маршала Гавриеля, и голубые – императора Яра. Именно этот мужчина с длинными, заплетенными в косу каштановыми волосами и карими глазами смотрел на Карла из большого зеркала в Цейре, когда они с Гавриелем расписывали плафон в зале Ноблей и когда, кажется, в первый и последний раз в жизни, Карл захотел написать свой автопортрет. Свой портрет он так и не написал...

– Любуешься? – Голос Деборы отвлек его от размышлений о том, в чем разница между знанием и осознанием. – Что скажешь! Ты красив, Карл. Скольким женщинам ты разбил сердце?

– Проснулась?

– Нет. – В ее голосе звучал смех.

Карл обернулся. Дебора сидела на кровати и смотрела на него. Одеяло упало ей на ноги, но нынешняя Дебора не стеснялась своей наготы.

– Почему ты на меня так смотришь? – спросила она. В ее голосе не было беспокойства, только любопытство. Она улыбнулась Карлу и, забросив руки за голову, отчего ее груди поднялись, спросила, не скрывая торжества: – А так?

– А так ты можешь разрушить пару царств, – усмехнулся Карл. – И ввергнуть мир в пучину бедствий.

Дебора счастливо засмеялась и окончательно вылезла из-под одеяла.

«Если боги даруют нам будущее... – подумал Карл, любуясь плавными и гармоничными линиями ее тела, каскадом темно-русых волос, упавших на белые плечи, серыми глазами, в которых клубился туман нежности, просвеченный солнечными бликами веселья. – Если боги даруют нам будущее, я напишу ее именно такой».

– Ты помнишь, что произошло ночью? – спросил он.

– А что особенного произошло ночью? – нахмурилась она.

– Я ушел, – напомнил Карл. – И ты осталась дома одна.

Дебора смотрела на него, все еще не понимая, о чем он говорит.

– Что ты делала потом? – спросил Карл.

– Потом? – переспросила Дебора. Ее взгляд стал задумчивым. – Потом... потом я убрала со стола...

Она смотрела на него, но взгляд ее сейчас был обращен в прошлое. Она еще не знала, что именно должна в нем найти, но уже поняла, что Карл расспрашивает ее не просто так.

– Потом... – задумчиво повторила Дебора. – Потом я приготовила все, что могло потребоваться утром, и пошла спать.

Она улыбнулась вдруг, вспомнив что-то, и лукаво посмотрела на Карла:

– Я подумала, что, может быть, ты вернешься целым, и...

Но Карл эту тему не поддержал.

– Ты слышала сквозь сон какой-то шум, – подсказал Карл.

– Шум? – удивилась Дебора. – Да, – сказала она через секунду. – Я еще не спала. Мне вдруг послышалось, что кто-то скребется в дверь.

Она была растеряна.

– Ты встала... – предположил Карл.

– Да, – сказала она еще через секунду. – Ты прав. Я встала и пошла вниз посмотреть, не воры ли забрались в дом.

– И поэтому ты вооружилась кочергой? – осторожно уточнил Карл.

Дебора задумалась.

– Не помню, – сказала она после долгого молчания. – Карл! – воскликнула она еще через секунду. – Карл! Я ничего не помню!

– Не страшно, – успокоил ее Карл, подходя и прижимая к себе. – Это бывает.

– Пстой! – Она уперла руки ему в грудь и разорвала объятия. – Пстой! Что случилось?

– В дом проникли гвардейцы Дома Кузнецов. – Карл понял, что если уж он начал ее расспрашивать, то придется все ей рассказать.

Возможно, подумал он, оно и к лучшему. Она должна знать.

– Их было шестеро, и они, по-видимому, хотели тебя захватить.

Он говорил медленно и раздумчиво, так, чтобы не испугать ее, но все-таки объяснить то, что и сам представлял только в общих чертах.

– Я думаю, – продолжал Карл, – что они хотели обменять тебя на меч Яна.

– Меч Яна стоит дороже, чем рабыня, – возразила Дебора.

Что скажешь? По сути, она была права.

– Да, – согласился Карл. – Если речь идет о простой рабыне.

Она внимательно посмотрела ему в глаза и кивнула, ничего к сказанному не добавив.

– Ты дралась с ними, – сказал Карл, секунду помолчав. – У тебя в руке была кочерга, и одному из них ты сломала руку, а второму разорвала щеку.

– Я?

– Ты.

– Дальше! – Она говорила шепотом.

– Тогда, – сказал Карл, пожав плечами, – кто-то из них ударил тебя по голове. Скорее всего, рукоятью меча или самим мечом. Плашмя. Я не знаю точно, чем, но ты потеряла сознание и упала.

– И тут пришел ты? – с надеждой в голосе спросила она.

– Нет, – покачал головой Карл. – Я был далеко...

– Тогда?.. – Дебора вопросительно смотрела на него, ожидая ответа.

– Здесь был оборотень, – ответил Карл.

– Оборотень?! – Дебора вскрикнула. В ее голосе зазвучал ужас.

– Оборотень, – подтвердил Карл.

– Но... – До Деборы явно дошло, о чем пытается ей сказать Карл.

– Не знаю, – признался он. – Оборотень разорвал гвардейцев на куски, но тебя не тронул.

– Не тронул, – как эхо повторила за ним Дебора.

– Большого я не знаю, – объяснил Карл. – Когда я пришел, все было кончено. Ты была без сознания и проспала почти целый день. Это все.

Дебора посмотрела на него недоверчиво, но ничего не сказала. В ее глазах клубился туман, но неги и радости в них не было. Это был холодный туман, полный ужаса и тайн, скрытых за его завесой.

– Одевайся, Дебора, – сказал он ей. – Одевайся и пойдём поедим.

– Да, – откликнулась она тихо. – Сейчас.

Мысли Деборы были совершенно очевидно заняты чем-то другим, и Карл даже догадывался чем. Она медленно, как во сне, отвернулась от него и сделала шаг к сундуку, на котором он сложил ее одежду.

– Скажи, Дебора, – спросил вдруг Карл, глядя ей в спину. – Сколько лет назад умер император Яр?

– Сорок два, – ответила она не задумываясь. – Нет, уже сорок три.

Глава седьмая

День серебряной луны

1

– Извини, – сказал Карл, когда они спустились вниз. – Я не успел приготовить обед.

Дебора взглянула на него с неподдельным удивлением, но Карл был серьезен. Во всяком случае, таким он хотел выглядеть.

– Но, – сказал он, галантно приглашая ее к столу, – у нас есть ветчина и сыр, а еще хлеб, изюм и вино. Не то чтобы роскошно, но вполне достаточно, чтобы утолить голод... Сиди, – попросил он, когда увидел, что Дебора хочет встать, чтобы подать на стол. – Сегодня угощаю я.

За открытым окном смеркалось, и в кухне царил полумрак, потому что свечи, горевшие днем, уже догорели. Карл закрыл окно, зажег несколько новых свечей и поставил их на стол вместе с кувшином вина.

– Что тебя тревожит, Карл? – тихо спросила Дебора, следившая за тем, как он нарезает хлеб.

– Уже почти ничего, – ответил Карл без улыбки, подняв на нее спокойный взгляд. – Не знаю, хорошо это или плохо, но это так.

Женщина ничего не ответила, только кивнула, показывая, что поняла и приняла его ответ.

Карл принес ветчину и сыр, насыпал горкой изюм в мелкую плошку и, наконец, расставил тарелки и стаканы.

– Ну, вот и все, – сказал он, окинул стол быстрым взглядом и, удовлетворенно кивнув, улыбнулся Деборе. – Налить тебе вина?

– Налей, – попросила она. – Здесь холодно, и... Это кровь?

– Да, – кивнул Карл, разливая по стаканам вино. – Никак не выветривается. А камин мы зажжем потом, когда вернемся с прогулки.

– Мы идем гулять? – удивилась Дебора и бросила в рот изюминку.

– Да, – подтвердил Карл, быстро взглянув на ее губы. – Навестим одного человека. Я думаю, он тебе понравится.

– Раньше ты меня никуда с собой не брал, – задумчиво произнесла Дебора и взяла еще одну изюминку!

– Ешь, – предложил Карл. – Ты должна чувствовать зверский голод.

– Но не чувствую, – улыбнулась Дебора, но все-таки взяла нож и отрезала себе кусок ветчины.

Карл усмехнулся и принялся за еду. Лично он действительно проголодался, ведь он почти ничего не ел со вчерашнего вечера. Несколько минут они ели молча, потом Дебора спросила:

– Ты что, мыл меня?

– Ты выглядела просто ужасно, – объяснил Карл, не прерываясь. – Пришлось помыть.

Дебора смотрела на него недоверчиво.

– А кто здесь делал уборку?

– Я пригласил женщин из Слободки. – Карл доел ветчину и принялся за сыр.

– А меня они вымыть не могли? – Как ни странно, этот вопрос волновал Дебору сильнее всего прочего.

– Свои привилегии я никому не передаю, – усмехнулся Карл, отправляя в рот горсть изюма. – Ешь.

– Зачем ты это сделал?

– Я получаю удовольствие, умывая красивых женщин. – Карл с интересом следил за реакцией Деборы, но краснеть она передумала.

– Я красивая? – спросила она тихо.

– Ты об этом не знала? – поднял бровь Карл и отодвинул от себя пустую тарелку. – По моему, даже не слишком красивые женщины уверены, что они неотразимы. Что же говорить о красавицах?

– Я спросила тебя, Карл, – тем же тихим голосом сказала Дебора. – А ты не ответил.

Карл стер улыбку с губ и снова стал серьезен.

– Да, Дебора, – сказал он так же тихо, как прежде говорила она, – ты красивая, хотя это слово не вполне отражает истину.

– О чем ты думал, когда меня мыл?
– Ешь, Дебора, – попросил он. – Скоро ночь, а нам еще надо сходить на Первую Сестру. В дверь постучали. Звук был негромкий, вежливый.
– Кто это? – спросила Дебора.
– Не волнуйся, – ответил Карл, вставая из-за стола. – Мне должны принести кое-какие бумаги. По-видимому, это курьер.
– Ночью?
– А чем ночь хуже дня? – пожал плечами Карл.
За дверь оказался невысокий человек, с ног до головы закутанный в тяжелый черный плащ.
– Я от Игнатия, – тихо, почти шепотом сказал он открывшему дверь Карлу.
– Я ждал вас, – кивнул Карл.
– Здесь все, – сказал человек, протягивая Карлу пачку пергаментов, которые, однако, не были скручены в трубочки, как это делалось обычно, а сложены в несколько раз. Пачка оказалась довольно толстой и была перевязана лентой. Впрочем, шесть или семь свитков занимали бы гораздо больше места. А так вся пачка без затруднений уместилась во внутреннем кармане его камзола. Проверять векселя Карл не стал. Зачем?
Он вынул из другого кармана закладное письмо и протянул его курьеру Великого Мастера.
– Держите, – сказал Карл человеку. – Это для Игнатия.
Человек взял бумагу и, тоже не глядя, сунул ее в карман.
– Рад был познакомиться, – кислым голосом сказал он, надвинул капюшон плаща еще ниже на глаза и поспешно ушел.
Карл закрыл дверь и вернулся к столу.
– Я готова, – улыбнулась ему Дебора, но на самом деле готова она еще не была.
Прошло несколько минут, пока женщина доела сыр и хлеб, которые лежали на ее тарелке, допила вино, заела его изюмом и встала из-за стола.
– Теперь я действительно готова, – сказала она Карлу, который успел за это время набить и раскурить свою трубку.
– Тогда пойдем, – предложил Карл, направляясь к двери. Около двери он снял с лосиных рогов плащ Деборы и протянул ей:
– Одевайся.
– А где твой плащ? – спросила Дебора, увидев, что он собирается выйти из дома без плаща.
– Потерял, – коротко ответил Карл и, пропустив ее вперед, вышел вслед за ней на темную улицу.

2

Было уже около десяти, когда Карл и Дебора добрались до рыбного порта. Для горожан уже наступила ночь, улицы спящего Сдома были пустынные, но в маленьком оконце на втором этаже дома Михайлы Дова мерцал свет.

Карл постучал в дверь и, прислушавшись, уловил тяжелые шаги старика. Через несколько минут клацнули запоры, дверь отворилась, издав тихий протяжный скрип, и на порог упал свет. В дверях, занимая их целиком, с фонарем в руке стоял хозяин дома.

– О! – сказал он, увидев гостей. – Доброй ночи, господин мой Карл. Доброй ночи, госпожа!

Он поклонился Деборе и отступил назад, освобождая им дорогу.

– Прошу вас, входите!

Карл пропустил Дебору вперед и, войдя вслед за ней, притворил за собой дверь. В лавке было темно, но сквозь потолочный люк в дальнем углу помещения на ведущую навверх лестницу падал жидкий свет. Медведь подошел к лестнице и встал сбоку, освещая крутые ступени, по которым поднимались Карл и Дебора.

На втором этаже оказалась довольно просторная, неприбранная комната, с печью, облицованной расписной плиткой, кроватью-лежанкой, являвшейся, по сути, продолжением печи, и большим столом, вокруг которого стояло несколько стульев с высокими спинками. На одном из них сидел вставший при появлении гостей высокий широкоплечий мужчина лет двадцати, чем-то неуловимо напоминающий старого Медведя, хотя и не был на него похож. Возможно, все дело в размерах – мужчина был богатырь, как и Михайло Дов, – а возможно, в жестких темно-каштановых, почти бурых, волосах и добродушном выражении широкого лица или еще в чем-то, что Карл сразу уловил на взгляд, но затруднился бы с ходу передать словами.

– Доброй ночи, – поклонился он и явно смутился, увидев Дебору.

– Доброй ночи, – сказал Карл, проходя в комнату и осматриваясь. На полу, на двух сундуках, стоявших вдоль стен, и на табурете в углу – везде лежали стопками книги разного размера и разной степени сохранности. На столе – знакомый Карлу кувшин с узким горлом, пара стаканов и незамысловатая закуска: орехи и сушеный инжир. Впрочем, запах, который сразу же уловил Карл, был другой. Хозяева пили абрикосовый бренди, а не грушевую водку.

– Честно сказать, не ждал я вас сегодня, господин мой Карл, – виновато развел руками Медведь, входя вслед за ними в комнату. – Совсем не ждал. А вы и не один к тому же. Не прибрано у меня, сами видите. Один живу, а дел-то много: то да се – день и прошел. Так что вы уж не судите старика строго. А это племянник мой, Март. Помогает мне иногда, да и так просто заходит. А вообще-то они с отцом, братом моим, аптеку держат на Пятой Сестре.

Старик говорил низким басом, не пугавшим, однако, и не отталкивающим, а добродушным, внушающим доверие. Точно таким же басом гудел и его племянник, похожий на старика не только фигурой.

– Ой! Да садитесь же, государи мои, садитесь! – попросил Медведь. – Что же вы стоите-то, господин мой Карл? Садитесь, пожалуйста, и даму вашу усаживайте, прошу вас! Честь-то для нас какая!

Карл усмехнулся, отметив реакцию Деборы на новых для нее людей, и подвинул ей стул. Дебора села. Сел и сам Карл. А Март достал с полки под низковатым для него потолком еще два стакана мутного с зеленым отливом стекла и поставил их на стол перед гостями.

– Ох! – сказал он почти с той же интонацией, с какой секунду назад произнес свое «ой» его дядя. – А что же будет пить госпожа? У вас, дядюшка, вино есть ли?

– Чтобы в аптеке и не было вина?! – удивленно пророкотал старик, с неодобрением поглядев на молодого мужчину. – Вино – это же первое снадобье!

Он повернулся к другой, тоже высоко расположенной полке и снял с нее маленький пузатый, как бы надувшийся, кувшинчик, запечатанный черным сургучом, и торжественно поставил его на стол.

– Вот, – сказал Дов горделиво. – Вот! Самое лучшее, что есть, для самой красивой госпожи, какую я в жизни видел.

Он легко, двумя пальцами, вытащил пробку, походя сорвав и сургуч, и по комнате разлился дивный аромат старого войнарского вина, черного, как безлунная ночь, густого, хранящего ароматы и негу южных предгорий.

– Вот какое вино у меня есть. – Старик был доволен произведенным эффектом и не скрывал своего удовольствия.

Он налил Деборе вина, а Март разлил по стаканам мужчин бренди, и они выпили. Бренди оказался замечательным, а вино явно пришлось по вкусу Деборе, и Карл решил, что уже можно говорить.

– Спасибо, – сказал он. – Ваш бренди хорош, мастер Михайло, ничего не скажешь! А в такую ночь – тем более. Но я хотел вас спросить, не затруднили ли вас мои просьбы?

– Ваши просьбы? – удивился старик. – Да помилуйте, господин мой Карл, какие просьбы! Вы же знаете, для вас я готов сделать все, что прикажете!

Вот этой ни на чем, казалось бы, не основанной готовности служить ему Карл так до сих пор понять и не смог, как не мог уразуметь, чего так боится Великий Мастер клана Кузнецов. Было во всем этом что-то странное, но не спрашивать же их, почему да как?

– Все, о чем вы просили, делается, – продолжал между тем аптекарь. – И все, уж поверьте, будет сделано в срок. Сон Дракона Март с отцом его, Митрием, с самого утра варить начали, завтра к обеду как раз и поспеет, не сомневайтесь. И прочее все к тому времени будет в лучшем виде! Я только один вопрос хотел вам, господин мой Карл, задать, если позволите, конечно.

– Задавайте, – разрешил Карл.

– Вы про травку эту точно уверены? – Медведь не хотел называть негодую вслух, возможно, из-за Деборы, а возможно, не только из-за нее.

– Уверен, – кивнул Карл, который вдруг понял, что совершенно не знает, почему он так уверен.

– Я к тому... – Медведь явно стеснялся, но и не говорить на эту тему, очевидно, не мог, – я к тому, что по первому разу это верная смерть.

Но... Карл попытался сосредоточиться на этой мысли, но единственное, что он знал, это то, что для него это первым разом не будет.

– Не беспокойтесь, мастер Медведь, – улыбнулся Карл. – Не по первому.

– Вот оно как! – В голосе старика отчетливо звучали ужас и восхищение. – Вот оно как! Ну, тогда конечно. Завтра все будет готово. Да, – сказал он через секунду, – совсем забыл, а вам, господин мой Карл, это может быть интересно.

Что еще случилось в городе и мире? Карл был готов услышать все, что угодно, и не слишком удивился, услышав то, что едва не забыл рассказать ему старик.

– Кто-то еще в городе ищет эту травку, ну вы понимаете, – сказал тихо старый аптекарь. – Кто-то еще.

3

На этот раз не было ни моря, ни луны, но зато Карл с самого начала знал, что это сон. Мало того, твердо знал, что это чужой сон, в который он попал не случайно, а значит, против своей воли.

Он стоял перед огромным зеркалом, в котором отражались незнакомая ему роскошно обставленная спальня и, естественно, он сам, Карл Ругер, молодой высокий мужчина с широкими плечами и узкими бедрами, мускулистое тело которого могло послужить моделью любому художнику, вздумавшему воплотить в линиях и цвете образ идеального бойца.

Женщина пряталась за спиной Карла, и он мог видеть только пышную волну светлых – то ли льняных, то ли серебристых – волос за своим левым плечом, да здесь и там видны были где ее округлый локоть, где ладонь, лежащая на его животе, или полные и белые бедра, выступающие из-за его собственных. Еще Карл мог ее чувствовать. Женщина стояла, тесно прижавшись к нему сзади, и Карл не мог не признать, что жар ее тела медленно, но неотвратимо проникает в его плоть, согревая его и одновременно возбуждая.

Нет, решил он, так не пойдет, я сам решаю, кого мне любить.

Карл сконцентрировался на своем сердце и заставил его умерить прыть. Затем он погасил пожар в крови, смешав ее с битым льдом, и резко, как ударом меча, отсек ощущения, отгородившись стеной холодного безразличия от мира вне себя. Теперь жили только его глаза, и Карл сосредоточил их взгляд на их собственном отражении. Его глаза смотрелись в себя самих,

внимательно глядящих из зыбкого Зазеркалья в настоящие глаза Карла, отражающие, в свою очередь, своих зеркальных двойников.

Упражнение было сложное. Нагум сказал однажды, что достигший шестой ступени или видит Бога, или сходит с ума, но Карл ни разу не поднимался выше четвертой, когда восемь пар глаз, смотря друг в друга, вводят человека, даже такого, как Карл, в состояние сна наяву. Сейчас, находясь внутри чужого сна, Карл поднялся на пятую ступень, и перед его внутренним взором открылся длинный слабосветящийся туннель. Ток воздуха, или какая-то иная сила, нес его, легкого, как осенний лист, вперед, мимо вставленных в мерцающие стены зеркал, к далекому, манящему и с нетерпением ждущему его, Карла, зеркалу в конце туннеля. Полет был плавным, но неотвратимым, как смерть в конце жизни. Кроме того, движение вперед было исполнено величайшего наслаждения, какое Карл мог только вообразить, но в то же время он знал, что впереди, в последнем зеркале, его ожидает чудо, еще большее, чем то наслаждение, которое он испытывал, медленно приближаясь к цели своего последнего путешествия.

Неожиданно слово «последний» задело какую-то струну в уже почти растворившейся в счастье душе Карла, и он отверг это заемное счастье и невыбранный им путь, вспомнив, что его, Карла Ругера, ведет по жизни не случай, а Судьба. Неимоверным усилием воли он прервал полет, швырнув себя в первое попавшееся на пути зеркало, пронзил тонкую, как водяная пленка, поверхность и увидел качающееся небо...

Смерть

Качались носилки – или это раскачивалась земля под ногами солдат, которые несли его на своих плечах? И небо двигалось перед глазами Карла, как в детстве, когда они с Карлой качались на качелях, подвешенных к ветке дуба на заднем дворе. По небу плыли облака, и он тоже плыл сквозь раскачивающееся небо, над раскачивающейся землей, бесплотный и легкий, как облако. Боли не было. Она ушла, боль. И огонь, бушевавший в крови, погас тоже. Смерть больше не казалась ни страшной, ни невозможной. Она была возможна. Практически она уже состоялась, и только душа Карла никак не могла расстаться с умершим телом. А страх перед смертью, который и так никогда не омрачал его души, видимо, опять заплутал в пути.

Теперь, когда все было позади – и жизнь, полная любви и войны, и смерть, исполненная должной меры героизма, – он мог спокойно смотреть на раскачивающееся, как море, небо и думать о тех, с кем он вскоре встретится или... нет.

Карл вспомнил отца, с которым простился много лет назад на пороге отчего дома, и подумал, что Петр Ругер мог бы сейчас посмотреть на него без стыда и сожаления. Карл Ругер умер как мужчина. Он был убит в бою, и то, что он все еще жив, не отменяло того факта, что вскоре он все-таки умрет и причиной его смерти будет убрский веритон, смазанный ядом негоды. Подумав об этом, Карл испытал огромное облегчение и наверняка улыбнулся бы, будь он еще способен улыбаться. Его встревожило только смутное недоумение по поводу того, что именно убру воспользовались «негодиной кровью» и целью их был Карл Ругер, но эта мысль надолго не задержалась и ушла так же легко, как и пришла.

А тень отца проплыла по небу его памяти, как легкое облако, и тоже исчезла. И тогда Карл вспомнил свою мать. Не Магду, а настоящую умершую при родах мать, которую Карл никогда не видел. Конечно, он не мог быть до конца уверен, что женщина, однажды пришедшая к нему во сне, это именно его мать, но привык думать, что это так. При жизни Карл Ругер никогда не видел снов. Вернее, он видел их всего три раза в жизни. Один раз, когда лежал в забытьи, отравленный ядом болотных грибов, и второй раз, когда деревенская колдунья наслала на него морок в Высоких Горах. Но зато в третий раз не было ни яда, подмешанного в его вино нежной рукой очередной любовницы, полагававшей, что льет приворотное зелье, ни колдовства. Тем не менее глубокой ночью, во сне, который был неотличим от яви, ему привиделась женщина, которая говорила с ним на чужом, неизвестном ему языке и улыбалась доброй улыбкой близ-

кого и любящего человека. Слов Карл не понимал, но улыбку не узнать было невозможно. Это была не любовница. Так улыбаться могла только мать.

Его мать – а он твердо решил, что это была его мать, – не была красавицей, но у нее было хорошее лицо. Родное? Пожалуй, что так. И, увидев его однажды, Карл не забывал его уже никогда. Вспомнил его и теперь, на Пороге. Или, правильнее сказать, уже за Порогом?

В небе, над качающимися носилками Карла, плыли облака, а в голубой бездне его памяти проплывали образы друзей. Вместе с болью, покинувшей его тело, из души Карла ушла тьма, поблекли и потеряли остроту воспоминания о войне и предательстве, растаяло зло и испарились враги. Остались только эта незамутненная голубизна и те, кого он мог назвать своими друзьями. Удивительно, но среди них не оказалось ни одной женщины, а ведь он любил многих и многие любили его, но, в конце концов, и это уже стало неважно. В его душе не осталось ни сожалений, ни печали.

Пошел дождь, но Карл его не почувствовал и не увидел. Сейчас он видел тех, кто давно покинул этот мир, и видел их такими, какими они были, а не такими, какими их сделала смерть.

– Сомкнуть ряды, – приказал кондотьер Нерис. Его панцирь был иссечен, алый плащ порван, но меч в руке был поднят, а не опущен.

– Радуйтесь! – проорал Гектор, когда конница расков пошла в атаку. – Сегодня, не позднее вечера, мы все будем в раю!

Он обернулся через плечо и посмотрел Карлу в глаза:

– Я полагаю, граф, мы славно проведем оставшееся нам время...

4

Карл окончательно проснулся и сел в постели. Рядом с ним встрепенулась и тоже поднялась Дебора. Но Карл все еще пребывал под впечатлением странного и тяжелого сна, все детали которого как наяву стояли сейчас перед его открытыми утреннему свету глазами.

– Что?.. – встревоженно спросила Дебора, но Карл боялся потерять созревшее в его душе ощущение готовности.

– Подожди, – попросил он Дебору. – Подожди, пожалуйста.

Он закрыл глаза и снова увидел отца и ту женщину, которую он считал своей матерью и которая, как он теперь знал, действительно ею была.

– Дебора, – попросил он, не размыкая век. – Свари мне, пожалуйста, тот убрский суп из говядины...

Она ничего ему не ответила. Тихо сошла с кровати и зашуршала одеждой. Потом Карл услышал ее удаляющиеся шаги, а затем хлопнула дверь вниз, и он остался в доме один.

Карл открыл глаза и минуту или две смотрел в стену перед собой. Потом он медленно встал и так же медленно, как будто боялся расплескать созревшее в нем чувство, пошел, не одеваясь, в мастерскую. Не было ни страсти, ни бурлящей отравы в крови, не было безумия. Была ясная голова и простая мысль.

Карл взял лист чистой бумаги, закрепил его на мольберте и быстро, буквально за считанные минуты, нарисовал лицо отца. Когда рисунок был готов, Карл отступил от мольберта на шаг и посмотрел на отца, пытаясь оживить в памяти то впечатление, которое возникало у него тогда, когда он смотрел на живое лицо Петра Ругера. И Петр тоже смотрел на него сейчас. Он смотрел на Карла точно так же, как тогда, когда привиделся умирающему от яда негоды сыну. Их взгляды встретились, и Карл вспомнил...

Петр Ругер

Петр Ругер был мастером меча. Это не простое дело – научиться владеть тяжелым двуручным мечом, но Петр был высок и силен от природы и прослужил в наемниках достаточно

долго, чтобы вполне преуспеть в этом сложном ремесле. На самом деле он оставался наемником так долго, что давным-давно забыл о том, что кроме той жизни, какую он вел, существует и другая жизнь. Другая жизнь была лишь полем битвы, то есть чем-то вроде театральных подмостков, на которых время от времени появлялись, как актеры, он, Петр Ругер – мастер меча, и его побратимы. Так прошло двадцать лет, но и в свои сорок бросать привычное и, будем откровенны, прибыльное ремесло Петр не собирался. Он не чувствовал себя стариком, хотя волосы его поседел, а лицо покрывали морщины. Напротив, он ощущал себя по-прежнему сильным, а иногда даже молодым, хотя и умудренным годами службы бойцом. И тяжелый эспадон в его руках по-прежнему нес смерть людям, назначенным ему щедрыми нанимателями во враги. Такова жизнь. Кто платит, тот и назначает тебе врагов.

Жизнь наемника Ругеру нравилась, несмотря на все издержки этой опасной профессии. Двадцать лет – долгий срок, а человек такое существо, которое способно привыкнуть и не к такому. Петр привык быть наемником и научился жить жизнью наемного солдата, не испытывая чувства сожаления или омерзения. А еще он научился выживать там, где другие умирали, потому и продержался на вечной войне так долго – двадцать лет. Постепенно вокруг него собралась неплохая ватага, может быть, даже очень хорошая ватага, имевшая в глазах нанимателей лишь один недостаток. В отличие от азартного и глупого молодняка, ветераны Ругера не спешили лезть в огонь. Они были осторожны и предусмотрительны, и это являлось как плюсом, так и минусом. Но зато они были надежны и смертельно опасны, когда вступали в бой. Лучше них были только наемники-убру, но убру – они убру и есть. С ними сравниваться – о себе лишнее думать.

За опыт, квалификацию и авторитет Петр Ругер давно уже получал тройное жалование, а нынешняя война, в которой его ватага сражалась под знаменами Красного герцога, обещала принести Ругеру особенно хорошую прибыль. Дело тут было ясное и простое. Герцоги Западного края изначально были сильнее короля, и это наемников вполне устраивало. Дух захватывало, когда они смотрели на карту Срединных земель. Эти места были исстари густо заселены. Города и городки лежали везде, куда ни кинь взгляд, и каждый город был полон богатств и красивых светловолосых женщин, а вино и пиво в королевстве были выше любых похвал.

Однако судьба распорядилась по-другому. Петру Ругеру крупно не повезло в самом начале кампании. В сражении при Вдовьих Бродах – мечники и в бой-то вступить еще не успели – стрела, выпущенная королевским лучником, попала ему в ногу. Почему эта стрела оказалась «большой луной», откуда вообще взялась здесь и сейчас стрела, предназначенная для резки такелажа, – ведь ближайшее морское побережье лежало в ста восьмидесяти лигах к югу, – так и осталось для Петра загадкой. Но широкое вогнутое лезвие перебило ему левую ногу чуть ниже колена, и в одно мгновение Ругер превратился в калеку, которому уже нечего было делать на войне. Он не впал в отчаяние – для верующего в Единого отчаяние есть непростительный грех, – но даже и теперь, три месяца спустя, был полон гнева на судьбу и горькой тоски об утраченном счастье. Оказалось, что никакой другой жизни, кроме жизни наемника, Петр не только не знал, но и знать не желал. Вот только его желания никто в расчет принимать не спешил. Хирург отрезал начавшую гнить ногу. Капитан участливо поцокал языком, глядя на корчившегося от невыносимой боли Ругера. Парни из ватаги, уходившей вперед под водительством нового вожака, по справедливости выделили ему треть от вербовочного залога. И он остался один. Один на один с собой, с судьбой и незнакомым ему миром.

Предстояло жить, раз уж был жив, и в этой новой, незнакомой жизни надо было как-то устраиваться. Столяр из Мре сделал ему деревянный протез и пару костылей, но упорный и крепкий Ругер выбросил костыли уже через месяц. Он продал свой меч, получив за него хорошие деньги, и отправился в Линд, в одной из пригородных слобод которого когда-то увидел божий свет. По правде сказать, он не знал наверняка, родился ли он днем – под солнцем, или ночью – под луной, но куда-то же надо было идти, так почему бы не в Линд? И ведь он всегда

имел этот город в виду. Именно у банкиров Линда лежали его сбережения, которых должно было вполне хватить на безбедную старость. Именно в Линде находился дом, полученный им лет семь назад в качестве выкупа за плененного в бою дворянина. Просто раньше Линд представлялся ему не более реальным, чем Царствие Небесное, а теперь в нем Ругеру предстояло жить. Жить в доме, в котором он никогда не бывал и который никогда не видел. Даже улицу, на которой стоял этот дом, Ругер вспомнить не мог. Впрочем, сначала туда еще надо было добраться. Триста лиг и на своих двоих – путь неблизкий, а на деревянной ноге да с посохом в руке, считай, вдвое дальше. А о повозке – во всяком случае, в первой трети пути – можно было и не мечтать. Война все-таки.

Однако и в этом нашлась своя польза. Когда примерно через месяц Ругер переполз наконец через Восточный хребет, ходить на своей деревяшке он научился вполне ловко. Но в предгорьях Высоких гор его ожидали неприятности, прежде наемнику Ругеру неведомые. Война накрыла своим черным крылом и эти некогда благодатные земли, и, хотя армии отсюда уже ушли, но за собой они оставили только пепелища, голод и набравшую силу эпидемию холеры.

Наступила осень, на несчастную землю пали холодные дожди. Задули свирепые ветры с востока, гнавшие по ставшему вдруг низким небу тяжелые, чреватые грозами тучи. Петр шел по старой имперской дороге. До Линда оставалось еще полторы сотни лиг. Под ногами – живой и деревянной – чавкала густая липкая грязь, а вокруг него, вместе с ним – все вместе и каждый сам по себе – брели под морозящим мелким дождем беженцы из разрушенных войной городов Нагорья. Люди шли молча, обреченно переставляя ноги, кутаясь в уцелевшее после разграбления и бегства тряпье. Им некуда было идти, кроме как вперед к Великой. Позади их ждали суровая зима и лютый голод, впереди – неизвестность.

По временам в бредущей толпе вспыхивали ссоры. Отравленные безумием войны, ожесточенные несчастьями, люди бросались друг на друга с неистовством заклятых врагов. Однако обычно, надавав друг другу тумаков, разбив лица в кровь, они падали в грязь, возились там еще какое-то время, но, окончательно израсходовав силы в этой бесплодной и бессмысленной борьбе, замирали, лежали беспомощные и никому не нужные, потом вставали и, не глядя друг на друга, шли дальше. Хуже, когда в дело пускали ножи. Тогда на обочинах дороги оставались лежать трупы. Но никто из прямо не вовлеченных в конфликт людей никогда в эти ссоры не ввязывался, упавшим не помогал и мертвых не хоронил. Напротив, люди старались как можно скорее уйти прочь, то есть вперед, обтекали дерущихся, как равнодушный мертвый поток, и уходили, не оглядываясь и не интересуясь результатами схватки.

Иногда на дорогу выходили разбойники. Что они искали на тракте, запруженном тупо бредущей толпой обездоленных нищих беженцев? Возможно, женщин? А может быть, и сами разбойники были настолько разорены войной и бедствиями, обрушившимися на этот благодатный край, что рады были любой, пусть даже самой жалкой поживе? Все возможно, но и в отношении разбойников беженцы проявляли такое же равнодушие, как и во всех прочих случаях. Вероятно, они чувствовали свою беспомощность и бессилие и не находили в себе душевных сил для того, чтобы дать отпор. Эта тупая покорность судьбе страшно злила Ругера, но до поры до времени он не встречался с разбойниками лицом к лицу. Однако на третий день пути, дело было к вечеру, – или это черные тучи так плотно обложили небо, что начало смеркаться? – так вот, на третий день пути разбойники объявились как раз рядом с ним.

Их было четверо, худых злых мужчин, одетых как крестьяне, а не как воины, и вооруженных разномастным оружием, которым они, на взгляд Петра, едва ли владели. По-видимому, именно Ругер и привлек их внимание. У него был простой, но добротный шерстяной плащ с капюшоном, а за спиной – большой дорожный мешок из свиной кожи. А еще он был старик и калека. Разбойники не могли не заметить его отросших за прошедшие со дня ранения месяцы седых волос, выбившихся из-под капюшона, его деревянной ноги и посоха, на который он тяжело опирался при ходьбе. Им не повезло, этим разбойникам. Они не знали, с кем связались, как не

догадывались также, что под плащом Ругер скрывает висящий на бедре кошкодер – короткий пехотный меч с широким лезвием. В руке Петра, привыкшей к тяжести двуручника, кошкодер летал, как перышко, а боевые навыки местных селян, ставших разбойниками, оставляли желать лучшего. Петр убил их всех, хотя, видит Единый, ему было непросто. Посох пришлось бросить, а двигаться, опираясь на деревянную ногу, трудно. И все-таки он справился, хотя в известной степени ему помогли сами разбойники. Если бы эти дурни бросились бежать, он бы их не догнал, но они рассвирепели, потеряв первого из своих, и сами рвались в бой. Ну что ж, значит, такова была их судьба, а его судьба привела его ближе к ночи на опушку мрачного темного леса.

Здесь многие беженцы стали устраиваться на ночлег, разводя костры и таская воду для похлебки из ближайшего озерца. Ругер только головой покачал, глядя, как уставшие люди пьют стоячую воду. Ему приходилось видеть немало эпидемий, вспыхивавших, как пожар на сеновале, мгновенно и страшно, на бивуаках больших армий, где дурни вроде этих пили там же, где и испражнялись. Здесь было то же самое.

Скот, – устало подумал Ругер и, тяжело припадая на измученную долгой ходьбой «ногу», побрел искать ручей.

Ручей он нашел несколько в стороне от общего лагеря. Маленький родничок пробивался из-под камней у подножия скалистого холма. Почти весь холм порос лесом, но этот склон, на котором практически не было земли, оставался голым. Место Ругеру понравилось. Он сбросил с плеч мешок, напился холодной чистой воды и даже заставил себя собрать сучья для костра. Земля была мокрой, сырыми были и сучья, а с неба по-прежнему сыпался мелкий противный дождь, но Ругер нашел небольшой скальный козырек, под которым можно было устроиться на ночь. Во всяком случае, там мог поместиться он сам и даже край костра.

Петр развел огонь и поужинал последним куском вяленой оленины и сухим хлебом. Хлеба после ужина у него осталось ровно на одну трапезу. Петр закурил трубку и задумался. Он не очень хорошо знал эти места, но предполагал, что если сгоревшая деревня, мимо которой он прошел в полдень, это Райский Сад – а так оно вроде бы и было, – то до Великой, за которой начнутся не охваченные войной земли княжества Сольд, оставалось два дня пути. За рекой же лежала мирная страна, где вдоль тракта стоят живые деревни и хутора, где по-прежнему существуют придорожные гостиницы, постоялые дворы и корчмы и где его восемнадцати серебряных и пяти золотых марок, спрятанных сейчас в поясе, должно вполне хватить на то, чтобы с комфортом добраться до Линда. Но вот путь до реки быть легким не обещал. У него еще оставался табак, немного крепкого яблочного бренди плескалось в старой фляге, да лежал в мешке, как последний резерв, большой ком шарки – смеси перемолотых орехов и изюма, сваренных в меду. Зубы у Петра были еще достаточно крепкими, так что грызть шарку он мог. А вот терять день на почти безнадежную охоту в мокром осеннем лесу было глупо.

И как раз в тот момент, когда Петр Ругер окончательно решил, не задерживаясь нигде, двигаться к реке, из стусившейся ночной тьмы на свет костра вышла женщина. Мокрые спутанные волосы падали ей на лицо, но по первому впечатлению она казалась измученной и исхудавшей, а из-под волос на Ругера глядели безумные глаза. Женщина подошла к костру, секунду постояла, тяжело дыша и бессмысленно глядя на огонь, а потом начала оседать. Она упала по другую сторону костра, и Ругеру показалось, что она умерла.

Коротать ночь рядом с покойницей ему не улыбалось, и, страшно – по-солдатски – матерясь, Ругер полез под дождь, чтобы оттащить несчастную подальше от костра. Но только он успел к ней приблизиться, как женщина закричала. Она кричала тонким голосом, как кричат иногда умирающие звери: то ли крик, то ли стон, то ли растянувшийся во времени прощальный вопль тоскующей звериной души. И в этот момент Ругер увидел то, что не заметил прежде, когда женщина внезапно возникла около его костра. Эта женщина была на сносях, и сейчас, в этот самый момент, у нее начались родовые схватки.

Ругер прожил жестокую жизнь, и в этой долгой жизни ему приходилось чаще прерывать человеческие жизни, чем дарить кому-нибудь жизнь. На бесконечных военных дорогах он, вероятно, посеял свое семя не в одной женской утробе. Их было много, женщин, встреченных им на пути и забытых уже на следующем бивуаке. Маркитантки и шлюхи, селянки и несчастные горожанки в городах, отданных на поток, одни из них ложились с ним добровольно – за деньги или похоти ради, – других он брал силой. По-видимому, немало маленьких и больших Ругеров коптели небо в двух десятках стран, куда забрасывала Петра судьба наемника. И сейчас, стоя под темным небом, с которого сыпалась мелкая водяная пыль, глядя на корчившуюся у его ног женщину, слыша ее крик, Ругер почему-то подумал именно о них, никогда им не виденных, затерянных во времени и безмерном пространстве, собственных детях.

Выругавшись в голос, Ругер опустился на мокрую землю рядом с роженицей, задрал грязные пропитанные водой юбки ей на голову и, привычным движением раздвинув худые бледные ноги, приготовился принимать роды. Он никогда этого не делал раньше, если не считать пары-другой жеребят да телят, которым он помог появиться на свет. Впрочем, ему приходилось видеть, как рожают женщины, и сейчас он не сплеховал. Худо-бедно, но он помог родиться какому-то мальчугану и даже пуповину обрезал и завязал, как следует. И пока занимался младенцем – обмывал под усилившимся дождем и заворачивал в чистую рубаху, которая так кстати оказалась в его мешке, – совсем забыл о роженице. Когда же, держа притихшего младенца на руках, он подошел посмотреть, что с ней, то сразу понял, что эта плоть уже отмучилась и душа женщины, покинув мертвое тело, унеслась в Чистые Доли. Она была мертва.

Ругер осторожно положил младенца под навес, где было тепло и сухо, и вернулся к женщине. Он быстро обыскал мертвое тело, но ровным счетом ничего не нашел. Не было никакого – пусть даже самого маленького – намека на то, кто она, откуда пришла, куда держала свой путь. Он не смог выяснить даже того, что обычно выяснить легче всего, – какой вере она принадлежала. Пожав плечами и снова выругавшись, Ругер оттащил труп женщины за камни и вернулся к костру.

– Ну, – сказал он, глядя на младенца, которого взял на руки, – пойдешь со мной или как?

Решение взять мальчишку с собой стремительно созрело в его душе. Обдумав этот неожиданно возникший вопрос, Ругер решил, что идея неплоха. Его ожидала одинокая старость. Женится ли он или нет, еще неизвестно. А сын, что ж, сын мог и должен был оказаться ему опорой тогда, когда годы возьмут свое и он превратится в настоящего старика.

И веселее будет, – решил он, и в этот момент младенец открыл глаза.

Младенец открыл глаза, взгляд его с видимым усилием сфокусировался на Ругере, и долгую секунду ребенок смотрел ему прямо в глаза. Петр даже испугался – таким был этот взгляд. Младенцы так не смотрят. Но потом... Потом произошло нечто настолько странное, что Ругер потерял способность двигаться, говорить, вообще, что-нибудь делать – и только поэтому не убежал куда глаза глядят, не убил младенца или не сделал чего-нибудь еще, столь же непоправимого.

Младенец открыл беззубый рот, напрягся так, что маленькое личико его сморщилось и покраснело, и внятно сказал, обращаясь к Петру:

– Я Карл Ругер. Вырасти меня, добрый человек!

От напряжения младенца начала бить крупная дрожь, так что все его тщедушное тельце ходуном заходило в крепких руках Ругера.

– Расскажи... – казалось, младенец с трудом пропихивает слова сквозь свое налившееся кровью горло, – мне... через... шестнадцать... лет... Помни!

Глаза ребенка закрылись, и он залился плачем.

Петр, как замороженный, сидел у ярко горевшего костра, держа в руках надрывающегося в плаче младенца. Голова его была пуста. Тонкий голосок ребенка был единственным звуком,

нарушавшим тишину осенней ночи. Дождь ослабел, но не прекратился вовсе, а где-то рядом, всего в нескольких десятках метров от Ругера, лежало за камнями тело мертвой женщины...

Через три дня уставший, мокрый, измученный холодом и бессонницей Ругер достиг Великой. Все эти дни он голодал, отдав хлеб и шарку женщине, которую заставил кормить младенца Карла вместе с ее собственным ребенком. У торгового перевоза стояли княжеские войска, не дававшие беженцам свободного прохода за реку. Но Ругера это не касалось. Гербовая бумага домовладельца города Линда послужила пропуском и ему, и женщине, и детям, а деньги обеспечили им тепло и уют в первой же попавшейся Петру на глаза гостинице. Проведя в гостинице у перевоза четыре дня, Ругер отправился дальше. Теперь их везли почтовые фургоны, и до Линда они добрались спустя всего восемь дней.

К счастью, тайные опасения Ругера, хорошо скрытые, однако, в глубине его привыкшего к испытаниям сердца, не оправдались. И дом, принадлежащий ему, нашелся, и деньги, отданные в рост, не исчезли. Денег неожиданно оказалось даже больше, чем предполагал сам Ругер, а дом превзошел все его ожидания. Это был просторный и прочный каменный дом в два этажа, стоявший на Малой Портновской улице, в чистой и тихой части Линда, где селились преуспевающие ремесленники и купцы средней руки. Это было место, где можно было спокойно встретить старость и где хорошо было жить и растить сына, которого он уже привык звать Карлом.

5

Отец рассказал ему эту историю, когда Карлу исполнилось шестнадцать лет. Карл удивился рассказу, не без этого. Он был озадачен и даже немного напуган. Это правда. Но в конце концов молодость быстро взяла свое. Мало ли чудес случается на огромной и дивной в своей непознанности Земле? Карл почти забыл об этом уже на следующий день, а через неделю не помнил уже вовсе и, кажется, никогда больше не вспоминал о рассказе Петра Ругера. Но вот теперь вспомнил.

Карл посмотрел на лицо отца, представил себе, как сидел Петр Ругер у костра в ту дождливую ночь, и... И все. У этой истории не было продолжения. Во всяком случае, пока его не было. И история эта, какой бы странной и многозначительной она ни была, никак не связывалась в воображении Карла с тем, что происходило теперь в Сдоме. Она ничего не объясняла, но зато множила вопросы без ответов. И все-таки почему он вспомнил об этом только теперь? И почему именно теперь? Возможно, эта была простая случайность, совпадение, вызванное очередным броском Костей Судьбы. Могло быть и так, но интуиция подсказывала совсем другое. Вот только что? Голос души был невнятен. Это было ощущение сродни тому, когда, бросив мимолетный взгляд на чужое полотно, ты знаешь, что оно прекрасно или, наоборот, бездарно. А почему так, объяснить не можешь.

Карл снял портрет отца с мольберта и положил на стол. Постоял секунду, сомневаясь, надо ли делать то, что он уже почти решил сделать, и все-таки взял со стола другой лист и, вернувшись к мольберту, закрепил его перед собой.

Теперь он рисовал мать. Ее он рисовал медленно, преодолевая какое-то внутреннее сопротивление и пробиваясь через мешавшие ему видеть ее лицо образы других женщин. И еще образ матери, как он увидел ее когда-то во сне, все время уходил в тень, вытесняемый воспоминанием о мертвой женщине, которую оттаскивает от костра Петр Ругер...

6

«Очнись, Карл! – сказал он себе. – Очнись! День на дворе, и это день Нового Серебра!»

Сколько времени просидел он вот так, отрешившись от всего, обо всем позабыв, уставившись, как впавший в транс жрец, в портрет своей матери? Снизу, из кухни, раздавался

шум, это Дебора готовила для него убрский суп, и солнце стояло уже высоко. Сколько времени потребовалось ей, чтобы все купить, вернуться и начать стряпать? И сколько времени доносится до него этот домовитый шум снизу?

Подумав об этом, Карл сразу же вспомнил и о другом.

«Великие боги! – подумал он в смятении. – Я послал ее одну!»

Он посмотрел в глаза матери и увидел в них понимание.

– Ты ли это, Карл?! – почти с ужасом спросил он себя.

И в самом деле, последние два дня он так пристально вглядывался в свое прошлое, что стал забывать о настоящем. Но день уже наступил, и ночь придет в свой черед, и, чтобы пережить эту ночь, Карлу следовало поторопиться. Он должен был снова стать собой, а прошлое... Что ж, прошлое это тоже часть его самого, и вернулось оно, вероятно, не просто так, ведь у любого события есть причины и следствия, и все в мире связано между собой мириадами часто невидимых, но от того не перестающих существовать нитей. Однако поиск в прошедшем, как бы ни была ценна добыча, доставшаяся охотнику, был тяжелым испытанием даже для такого человека, каким привык видеть себя Карл. И когда туман в долинах его памяти поредел, Карл нашел себя обессиленным и едва ли не беспомощным. Ощущение слабости было омерзительно, и Карл заставил себя встать и идти.

Он действительно встал, медленно подошел к окну и выглянул на улицу. На противоположной стороне, в нескольких домах от него, неторопливо прогуливался крепкий парень в синем берете с белым пером. На боку его висел солдатский меч, а взгляды, которые он время от времени бросал куда-то вправо и на дом Карла, напомнили Карлу, что предусмотрительность никогда не бывает лишней. И если сегодня, занятый своими мыслями, он отпустил Дебору на улицу одну, то вчера у него хватило ума договориться с Августом об охране для его женщины. Этот парень в берете и другой, невидимый Карлу солдат, и еще один, наверняка подпиравший стенку где-нибудь около двери в дом, все они были сейчас здесь, потому что их послал сюда Август Лешак.

Удостоверившись, что охрана бдит, Карл прошел на свободную половину мастерской и приступил к упражнениям. На этот раз он был предельно собран и достаточно быстро сумел сосредоточиться на выстраивающихся в гармоничный порядок движениях. Сложный ритм упражнений захватил его и повел за собой. Теперь, здесь и сейчас Карл мог позволить себе на время отрешиться от вещного мира и забот, с ним связанных, но сделал это осознанно, а не случайно. Время перестало существовать для него, и мысли ушли, вытесненные ощущениями тела, и душа раскрылась вечности.

Сколько времени Карл собирался с силами на Великой Охотничьей Тропе, он узнал, только вынырнув из внесознания в осознание. Переход совершился, как всегда, мгновенно, и если в предыдущее мгновение он все еще не существовал как свободная личность, то в следующее – Карл был уже здесь и сейчас. Его сердце билось ровно и сильно, мускулы вернули себе силу и выносливость, суставы – подвижность, тело – бодрость, а душа – уверенное спокойствие. Карл постоял секунду, прислушиваясь к себе и к миру вокруг, и пришел к выводу, что он готов. Потом, захватив одежду, меч и дорожный мешок, Карл бесшумно и стремительно спустился вниз, проскользнул незамеченным за спиной занятой готовкой Деборы и растворился за дверью, ведущей на задний двор. Запах варящегося в котле супа, подхваченный Карлом на бегу, поведал ему о том, что его ожидает сказочная трапеза, но также указал и на то, что времени у него не более получаса на все про все.

Как он и предполагал, вода в бане была – целых полбочки холодной воды, – и Карл, не мешкая, приступил к запоздалому утреннему туалету. Он тщательно побрился, умылся и, облившись остатками не успевшей еще нагреться под лучами высоко поднявшегося солнца воды, растерся сохнувшим здесь со вчерашнего утра полотном.

Когда через полчаса свежий, тщательно одетый, с пристегнутым к поясу мечом Карл вошел на кухню, Дебора стояла у основания лестницы, по-видимому, решая, стоит или нет беспокоить оставшегося наверху Карла по такому пустяку, как готовый суп, который он сам же и попросил сварить. Карл постоял секунду, глядя на женщину, но в конце концов решил, что стоять так, за ее спиной, – не лучший способ разрешить возникшее недоразумение, и тихо кашлянул, привлекая ее внимание. Дебора отреагировала мгновенно. Она стремительно крутанулась на месте, так что подол ее платья взвился веером, и одновременно отступила назад и в сторону, безошибочно оставляя лестницу справа от себя. Ее руки взметнулись вверх, разойдясь в стороны и чуть согнувшись в локтях, а длинные пальцы сложились щепотью.

«А ты, оказывается, научилась у убру не только варить суп», – восхищенно подумал Карл, поднимая руки в успокоительном жесте.

– Я тебя напугал, – сказал он виновато. – Извини.

Ее руки плавно опустились вниз, сузившиеся было глаза раскрылись, и на губы сошла улыбка, в которой ирония и доля растерянности великолепно уживались с чувственным призывом.

– Как ты это сделал? – Она была совершенно спокойна.

– Не хотел тебя отвлекать от дел, – улыбнулся он, уходя от ответа.

– А я уже решила, что вернулась оборотень, – улыбнулась в ответ Дебора. Испуганной она не выглядела, смущенной тоже.

– Прости, – развел руками Карл. – Мы, мужчины, до смерти остаемся мальчишками.

– Прощаю, – почти серьезно кивнула Дебора. – Садись к столу, твой суп готов.

7

Суп действительно вышел на славу. Такого по-настоящему убрского супа из говядины и картофеля, сваренного по всем правилам, Карл не ел с тех пор, как покинул земли убру, а случилось это давно. Он ел с удовольствием, которое умножалось голодом, и, по-видимому, делал это настолько убедительно, что Дебора, которая утверждала, что есть уже не хочет, все-таки присоединилась к нему и не только съела большую миску супа, но и выпила с Карлом стакан вина.

Они сидели за столом, ели суп, пили вино и разговаривали о разных вещах, не возвращаясь, однако, к теме оборотня. Больше всего Дебору интересовал сейчас импровизированный праздник, который горожане Сдома организовывали на ходу, встречая Серебряное Полнолуние. Вообще-то это шло вразрез с привычным жизненным ритмом людей, в котором праздникам отводилось одно и то же, раз и навсегда установленное место, но Новое Серебро заранее не предскажешь, и даже то, что свет луны уже не первую ночь становился все более и более серебряным, еще ни о чем не говорило. Такое могло случаться хоть каждый год, но Серебряное Полнолуние – это что-то совсем другое, и сказать с уверенностью, что на этот раз оно состоится, стало возможным только в позапрошлую ночь. И вот теперь жители Сдома лихорадочно готовились к неожиданному карнавалу, сбиваясь с ног и предвкушая незабываемое зрелище.

Карл с удовольствием выслушал городские сплетни в пересказе Деборы, подивившись тому, как много можно узнать за то короткое время, которое Дебора провела, покупая утром все необходимое для приготовления супа. Впрочем, несмотря на то, что в городских сплетнях и слухах содержалась и пара фактов, которые Карл отметил для себя и запомнил, главное удовольствие он получал от голоса Деборы и от движения ее губ, не смотреть на которые он просто не мог. Потом Карл рассказал ей о карнавалах в Во и Женеве, а еще потом трапеза завершилась и пришло время братья за дела.

Простившись с Деборой и клятвенно пообещав ей вернуться домой как можно раньше, Карл вышел на залитую солнцем улицу, и город мгновенно принял его в свой запутанный лаби-

ринт, увлекая вперед и дальше, от одного места к другому, от человека к человеку, от дела к делу. Он снова побывал у Медведя, успев за короткое время беседы спросить аптекаря о том, о чем не мог его спросить накануне при Деборе. От Медведя он ушел, унося в кармане маленький яшмовый кувшинчик, запечатанный красным сургучом, и записку к Ивану Фальху, но, прежде чем встретиться с Иваном, Карл навестил Марка, только что закончившего очередное дежурство, и, переговорив с ним, ушел, оставив записку для Августа. Потом часа два разговаривал с хозяином книжной лавки и должен был поспешить, чтобы успеть зайти в банк Дома Воробьев, к нотариусу, и, наконец, к племяннику старого Медведя Марту. Разговор с Мартом был по необходимости коротким, но на большее просто не было времени. Впрочем, поскольку Михайло Дов не промедлил и успел загодя предупредить Марта запиской, то и Март успел сделать все необходимое еще до прихода Карла. Так что как ни краток был их разговор, но Карл получил от Марта ответы на несколько важных для себя вопросов и, обремененный мешком с одеждой и еще одним, на этот раз агатовым, пузырьком, отправился домой. Впрочем, по дороге он сделал еще одно дело, так как полагал, что взятые на себя обязательства следует выполнять. Он задержался на четверть часа в корчме при большой гостинице, выпил там стакан вина и написал записку Виктории Садовнице, отправив ее с одним из служивших в гостинице мальчиков. Вот теперь все дела были сделаны, и он действительно мог возвращаться домой, где его ожидало еще одно дело, которое он обязан был сделать, хотя, видят боги, делать этого ему совсем не хотелось.

8

Дебора стояла около лавки зеленщика, в нескольких домах вверх по улице, и о чем-то оживленно беседовала с соседскими женщинами. На Карла она внимания не обратила, и он, бросив беглый взгляд на подтянувшихся к его женщине бойцов Августа, удовлетворенно кивнул – мысленно, разумеется – и тихо прошел в дом. Поднявшись в мастерскую, он быстро сложил свою дорожную сумку, затем тщательно упаковал свои рисунки и спрятал их в специально приготовленный для этой цели кожаный мешок с клапаном и плотной шнуровкой. Поставив готовый в дорогу мешок на стол, Карл приступил к переодеванию.

История с одеждой для бала была странная, если не сказать больше. Карл совершенно не помнил, чтобы он упоминал об одежде, когда вчера утром писал второпях записку старику аптекарю. Он ведь, кажется, и приглашения от князя в тот момент еще не получил. Но Медведь уверял его, что среди прочего Карл попросил его также узнать, не возьмется ли кто-нибудь быстро – за один день – сделать для него подходящий костюм. Вышло, что он предугадал будущее, но, как бы то ни было, аптекарь не только нашел такого портного – что было, в принципе, объяснимо, так как старик похоже был знаком со всеми, – но и смог указать мастеру правильные размеры. В результате уже сегодня днем Март передал Карлу и черный шерстяной плащ, и кожаные штаны, и длиннополый камзол – черные же, расшитые серебром, – и белоснежную рубашку из тонкой ткани, украшенную кружевами, и, наконец, вязаный жилет в три цвета: черный, красный и синий. А серебряные пряжки для сапог и широкий инкрустированный серебром пояс имелись в запасе у самого Карла, так что наряд получился на удивление хорошим. Может быть, и не роскошный, но вполне подходящий, чтобы появиться в нем на балу у князя Семиона.

Переодевшись, Карл сложил свою старую одежду в дорожную сумку и поставил ее рядом с мешком для рисунков прямо на стол. Здесь их будет легче найти, когда ночью за ними придет человек Августа.

Карл разложил по карманам камзола и в поясные кошельки свои личные вещи и бумаги и, мысленно осмотрев себя, удовлетворенно кивнул. Он выглядел так, как ему хотелось выглядеть сегодня.

Оставалось сделать всего две вещи. С чувством внутреннего сопротивления Карл достал из поясного кошель тяжелый графский перстень и с неохотой надел на указательный палец правой руки. Делать это ему не хотелось, но так было нужно, и он это сделал. Зато, когда Карл взялся за оплетку на рукояти своего меча, Убивец «запел». Меч радовался тому, что маскарад окончен, он был счастлив. И Карл, которого обычно мало волновали внешние эффекты, был тоже беспричинно рад тому, что он сейчас делал, хотя и понимал, что он делает и для чего. Покончив с этим, он с сожалением посмотрел на свою мастерскую, которая уже почти успела стать *его* мастерской, вздохнул и, набросив на плечи плащ, под которым исчезло сверкание алмазов на рукояти меча, пошел вниз. Внизу его уже ожидала Дебора.

9

– Может быть, ты возьмешь меня на карнавал? – Судя по голосу Деборы, она не сомневалась, что ответ будет положительным.

Карл посмотрел на нее с улыбкой. Он не стал говорить ей, что она опять изменилась, и, по правде говоря, уже не хотел, чтобы она снова стала такой, какой он увидел ее впервые, когда прозрачные голубые глаза Деборы напоминали о ясном небе в солнечный день и солнце жило в золотом сиянии ее волос.

– Нет, – покачал головой Карл и стер улыбку со своих губ. Расставаться нетрудно, если не впустил другого в свое сердце, но если так вышло, что впустил, то боль – ничтожная плата за то, что ты сделал. У всего есть своя цена, у этого тоже. – Нет, – сказал он Деборе. – Ты не пойдешь на карнавал.

Краснела голубоглазая Дебора. Русая Дебора бледнела, и, когда она бледнела, гнев выстукивал ее прекрасные серые глаза и в них чудились завывание несущего смерть ветра в зимних горах и мертвая безнадежность ледников.

– За час до закрытия ворот, – сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал ровно, равнодушно, – ты должна быть на Большой Портняжной улице. Это на Четвертой Сестре, так что выйти ты должна заранее. Там, в доме Виктора Добряка будут работать женщины из Слободки. Ты спросишь Нину, это их старшая. Они выведут тебя из города.

Он увидел, как расширяются от удивления ее прекрасные глаза, и чуть не утонул в них, но справился с собой и продолжил все тем же ровным голосом:

– Это, – он взял со стола и протянул Деборе пергаментный свиток с печатями красного и синего сургуча, – твоя вольная. Она недействительна в Сдоме, но ни один мировой суд за его пределами не признает иск о беглой рабыне законным, если ты предъявишь этот документ.

– Молчи! – потребовал он, увидев, что Дебора хочет что-то сказать, и она подчинилась, хотя в ее глазах он видел столько невысказанных слов, что зашумело в ушах, как если бы они все-таки были произнесены, причем все сразу.

– А это деньги, – сказал Карл, передавая ей туго набитый малиновый кошель и еще одну бумагу. – Здесь полсотни золотых, а бумага – вексель Дома Воробьев еще на тысячу королевских марок.

Бледная Дебора стояла перед Карлом, сжимая в руках кошель с деньгами и два документа, каждый из которых стоил очень дорого. Она стояла и молча глядела на него, и Карл видел, что уже не гнев, а потрясение слизнуло краску с ее лица.

– А это... – Карл взвесил в руке длинный и широкий нож, из тех, что и в Загорье, и здесь, на побережье, зовут «бычьим языком». – Мне почему-то кажется, что ты знаешь, как с ним управляться, – ведь так?

Дебора не ответила, она молча распихала занимавшие ее руки вещи по карманам плаща и приняла протянутый Карлом рукоятку вперед нож. И Карл не удивился, увидев, как легко, но, главное, правильно, крутанула тяжелый клинок тонкая белая кисть.

– Если ты не решишь иначе, – сказал он тогда, – жди меня на рассвете в роше на перекрестке Чумного тракта и дороги на Сдом. Там будут несколько человек с лошадьми, скажешь им, что ты моя женщина. Прощай!

Он повернулся и, ни разу не оглянувшись, покинул дом.

Часть II Боец

Глава первая Смотреть сквозь тьму

1

Следовало признать, что задуманное Карлом дело могло оказаться дорогой в один конец. Он это, естественно, знал и принимал в расчет. Однако внутреннее убеждение, что он все делает правильно и именно так, как надо, не покидало его, и оба эти знания лежали теперь на весах обстоятельств, находясь в зыбком равновесии. Такая ситуация была для Карла не то чтобы вовсе новой, но все-таки почти непривычной. Поэтому, размеренно шагая по улицам Сдома сквозь сгущающиеся сумерки, Карл предпринял еще одну, теперь уже наверняка последнюю, попытку рассмотреть вопрос здраво.

Когда-то где-то – он припомнил, что дело происходило в Бонне шестьдесят пять лет назад – мэтр Шауль Горностай велел высечь на фронтоне своего дома своеобразный девиз: «Обдумай, взвесь, рассуди...» После слова «рассуди» там стояло многоточие, потому что отрывок, на который ссылался профессор, целиком звучал так: *«Обдумай причины, побуждающие тебя поступать так, как ты намереваешься поступить; взвесь все обстоятельства своего дела; рассуди, что есть необходимость и что есть предполагаемое благо; действуй согласно принятому решению и не сомневайся»*. И вот теперь, проходя по оживающим в преддверии лунного карнавала улицам, Карл обдумывал, взвешивал и рассуждал, согласно принципам Логике Деяния, созданной давно умершим ученым мужем, в давние времена, в далеком городе Бонне. Однако, когда Карл наконец добрался до цели своего путешествия, маленького скособоченного домика на Первой Сестре, оказалось, что результат нынешнего беспристрастного и строго научного рассмотрения совпал с принятым Карлом загодя, и только на основе охотничьего инстинкта, решением, как две конгруэнтные фигуры в геометрии Стига.

«Ну что ж, Карл, – сказал он себе, подходя к узкой разохшейся двери. – Теперь не сомневайся. Все, что можно, взвешено, остальное – в руках Судьбы. Ты можешь».

Слово «можешь» в его сознании имело сейчас сложный смысл. Оно означало: должен, имеешь возможность, удача стоит за твоим правым плечом.

«Да будет так!» – подвел Карл черту под обсуждением и постучал в дверь.

Она отворилась почти сразу, как будто прихода Карла ожидали каждое мгновение, что, скорее всего, было правдой, и увешанный разнообразным оружием громила с поклоном предложил ему войти, отступив назад и освобождая проход, который полностью закрывал. Карл кивнул и, ничего к этому не добавив, вошел в дом. Он оказался в просторной, убого обставленной и, по первому впечатлению, неприбранной комнате, освещенной только огнем, горевшим в очаге.

– Меня зовут, Казимир, ваша милость, – сказал солдат, делая еще один шаг назад. – Господин лейтенант приказал мне быть в полном вашем распоряжении.

Карл отметил, что дружинник князя – теперь уже, по всей вероятности, бывший – не назвал имени лейтенанта, которых, насколько Карлу было известно, у князя четверо. Однако два лейтенанта были не в счет, а солдат Августа назвал бы Карла господином капитаном. Дело в том, что, хотя Август совершенно очевидно уважал Карла, возможно даже более чем ува-

жал, как истинный уроженец республиканского Торна он практически никогда не употреблял в своей речи титулований и связанных с дворянскими титулами оборотов.

– Спасибо, Казимир, – кивнул Карл. – Где бы я мог побыть один?

– В задней комнате, ваша милость. – Казимир указал рукой на еще одну дверь, имевшуюся в комнате. – Там все приготовлено.

– Замечательно, – улыбнулся Карл. – Не тревожь меня, Казимир, но и не оставляй. Если я не появлюсь до утра, можешь открыть дверь и посмотреть.

Оставив Казимира раздумывать над его приказом, если дружинник, конечно, был расположен к этому занятию, Карл прошел в смежную комнату и плотно притворил за собой дверь.

Здесь и в самом деле все было приготовлено к его приходу. Почти пустая комната подметена, окно занавешено старым одеялом, а в камине горел огонь. На большом шестигранном столе стояли зажженные свечи в бронзовом канделябре, кувшин с вином, горшочек с медом и стакан. Рядом со столом находилось развернутое к камину кресло, а на нем лежал толстый шерстяной плед.

Карл снял плащ, аккуратно сложил его и положил на дальний край стола. Затем отстегнул меч и поставил его к стене. Прошелся по комнате, постоял у камина, ощущая жаркое дыхание пламени, пожал плечами и вернулся к столу. Достав из карманов яшмовый и агатовый пузырьки, Карл поставил их на потемневшую от времени столешницу и налил в стакан вино из кувшина. Судя по запаху, это было вино из Линда, и Карл, не удержавшись, сделал маленький глоток. Вкус детства оказался чужим. Ничто не шелохнулось в его душе. Та жизнь, о которой могло бы напомнить вино, давно закончилась и не имела к жизни нынешнего Карла никакого отношения.

«„Все проходит”, – вспомнилось ему. – Кто это сказал?»

Карл открыл агатовый кувшинчик и вылил несколько капель содержавшегося в нем зелья в стакан. Сон Дракона упал в вино и бесследно в нем растворился, только пахнуло на мгновение морозной свежестью, напомнившей ровное дыхание снегов на склонах гор, и все. Теперь настала очередь яшмового пузырька.

Карл сел в кресло, укрыл ноги пледом и взял в руку кувшинчик. То, что он собирался сделать, Карл не делал еще никогда. Однако он отчетливо представлял, что именно ему предстояло. Более того, совсем недавно, во время поединка с Яном, он уже «смотрел сквозь Тьму». Но тогда его цель была ясна и человек, которого Карл искал, был ему известен и находился буквально рядом с ним. На этот раз все обстояло намного сложнее. Карл собирался увидеть неизвестного ему человека, и, следовательно, одного умения, основанного на присущем Карлу от рождения художественном чувстве, было недостаточно. В игру вступали иные силы и обстоятельства. Искусство смотреть сквозь Тьму – древнее и нечистое. Оно сулит много больше, чем мог и имел право взять человек, и не зря Карл прибегал к нему крайне редко и всегда платил сполна за то, что позволял себе так глубоко погрузиться во владения Тьмы. Однако сколько бы человек ни предполагал, располагает им Судьба, и если тебе дан талант, то рано или поздно ты им воспользуешься. Такова жизнь. Единственный вопрос, который все еще стоял перед Карлом, касался того, кого он, Карл, собственно, собирался искать во Тьме. Женщину, с неведомой целью насылавшую на него странные сны, или того, кто решился сыграть с Судьбой в самую опасную и непредсказуемую игру в мире?

Но и это была мнимая задача. Сам вопрос уже содержал в себе искомый ответ. То, как сформулировал его сейчас Карл, напомнило ему простую истину: вопросы формируют окружающий нас мир, и возникают они не просто так, и формулируются так, а не иначе, неслучайно. В сущности, только игрок в Кости Судьбы стоил того, чтобы рисковать из-за него душой и разумом. И жизнью тоже.

Карл открыл яшмовый кувшинчик и, более не раздумывая, опрокинул надо ртом. Тонкая струйка прозрачной жидкости пролилась ему на язык, и медленная смерть без вкуса и запаха вошла в его тело.

Несколько секунд ничего не происходило. Карл поставил пустой кувшинчик на стол и откинулся на спинку кресла. Он ждал. Прошла минута, две, и вдруг откуда-то извне – но точно что не от камина – пришла теплая волна, и почти сразу же воздух наполнился призрачным зеленоватым светом, никакого отношения не имеющим ни к огню, плясавшему на сухих дубовых дровах, ни к свечам, горевшим на столе. Но все это было только начало, первое, робкое еще прикосновение вечности: тепло, которое не греет, свет, который не способен рассеять тьму. Карл закрыл глаза, и тьма с готовностью подступила к нему. Однако и это была еще не та тьма, которую он ждал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.